

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. П. ДРАГОМАНОВА**

На правах рукописи

АМАНМЫРАДОВ Нурберды

УДК 327-027.311:316.75

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ**

23.00.03 – политическая культура и идеология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание научной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель –
Ващенко Константин Александрович,
доктор политических наук,
старший научный сотрудник

Киев–2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ 1	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	14
1.1. Сущность и понятие международных отношений в свете политико-идеологических изменений современности.....	14
1.2. Субъекты и объекты международных отношений, и их влияние на трансформацию системы ценностных ориентаций.....	26
1.3. Национальные интересы как источник и движущая сила трансформации идеологии международных отношений.....	37
1.4. Феномен «холодной войны» как идеология конфронтации и недоверия: теоретико-методологические аспекты исследования.....	47
Выводы к первому разделу.....	58
РАЗДЕЛ 2	
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	62
2.1. Основные изменения современного мира и их влияние на систему, и идеологию международных отношений.....	62
2.2. Глобализация как фактор формирования идеологической основы международных отношений.....	73
2.3. Влияние основных форм глобализации на становление идеологической основы международных отношений.....	88
Выводы к второму разделу.....	103

РАЗДЕЛ 3

ДЕМОКРАТИЯ КАК ИСТОЧНИК И ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....106

3.1. Основные параметры современной идеологии международных отношений в контексте становления идей «глобального гуманизма», демократии и «коллективной безопасности».....106

3.2. Специфика демократизации мирового сообщества, обеспечения открытости, доверия и динамизма в идеологии международных отношений.....118

3.3. Место и роль негосударственных субъектов в процессе становления гуманистической и демократической системы международных отношений.....130

Выводы к третьему разделу.....141

РАЗДЕЛ 4

ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРКМЕНИСТАНА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....144

4.1. Характеристика национальных особенностей и идеологических оснований развития Республики Туркменистан.....144

4.2. Традиции и инновации в системе международной политики Туркменистана.....160

4.3. Идеологические основания внешней политики Туркменистана в контексте взаимосвязей с Украиной.....180

Выводы к четвертому разделу.....188

ВЫВОДЫ190

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....196

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Сегодня ценностные ориентиры и сама система международных отношений подверглись существенным изменениям, особо ощутима нестабильность, ценностная и идейная неопределенность современного мира, что переживает нарушения норм международного права и обязательств, вторжения в дела независимых государств, посягательства на государственный суверенитет, бесосновательные территориальные претензии, агрессивные попытки изменить государственный кордон. Восстановление доверия в отношениях между государствами и народами представляется как задача, для решения которой важно мобилизовать все возможные международные и локальные средства. Поиск путей обновления идеологии международных отношений, ее имплементации в систему реальной политики представляется проблемой, требующей первоочередного и безотлагательного внимания.

Предпосылки новой идеологии международных отношений содержатся в предложениях ряда виднейших акторов мировой политики относительно своеобразной «перезагрузки» на принципах миролюбия, равноправия, демократии, строгого соблюдения прав человека, международной безопасности, уважения суверенитета государств, их права на собственный путь развития. Показательным есть и то, что эти принципы разделяют не только страны устойчивой демократии, но и большинство постсоветских государств. Важное место в утверждении новой идеологии международных отношений принадлежит исторически древнему и одновременно, молодому государству – Туркменистану. Подвижническая деятельность Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на путях достижения мира, безопасности и устойчивого развития может служить важным импульсом к выработке и установлению новой демократических и гуманистических основ международных отношений.

В Украине проблемам политической идеологии, особенностям политических изменений и трансформаций, ценностных ориентаций международных отношений в эпоху глобализации посвящены работы таких исследователей, как И. Алексеенко, В. Андрущенко, Т. Андрущенко, О. Бабкина, І. Варзар, К. Ващенко, С. Бульбенюк, Н. Головатый, В. Горбатенко, Н. Дмитренко, Г. Зеленько, О. Картунов, А. Колодий, В. Корниенко, В. Кремень, Т. Ляшенко, Н. Михальченко, Е. Новакова, М. Остапенко, Н. Ротар, Ф. Рудич, Ю. Шайгородский, М. Шаповаленко и других.

Определенный интерес для исследования проблемы обновления идеологических предпосылок современной международной политики представляют работы туркменских авторов, среди которых и ученые, и практические политики (Т. Джумаев, Т. Комеков, А. Кулиев, Ф. Мамедов, В. Храмов, и другие). В исследованиях ряда западных ученых проанализированы двусторонние отношения Туркменистана с другими государствами (Д. Андерсон, С. Бланк, Г. Глисон, Р. Катлер, Х. Пеймани, С. Пейроуз, Д. Смит и другие). Современные исследователи изучают проявления как демократизации, так и авторитарного режима на постсоветском пространстве, их влияния на внутреннюю и внешнюю политику, протекание реформ и сохранение традиций.

Вместе с тем, значительный объем опубликованных работ вовсе не означает, что проблема формирования новой идеологии международных отношений исследована во всей полноте и структурированности. Внимания, прежде всего, требуют теоретико-методологические основы анализа международных отношений в свете политико-культурных и идеологических изменений современности, в условиях глобализации; тенденция к демократизации международных отношений и особенности, направления изменения внешней политики разных государств (в том числе Украины и Туркменистана) в контексте утверждения новой системы идейных приоритетов. Учитывая актуальность и недостаточную полноту теоретического освоения

этой проблематики, автор избрал ее в качестве предмета непосредственного анализа.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Выбрано направление исследования является составной частью комплексной научной темы кафедры политологии и государственного управления «Проблема гражданского общества и его развитие в Украине», входящей в Тематический план научно-исследовательских работ НПУ имени М. П. Драгоманова, научное направление «Исследование проблем гуманитарных наук», утвержденный Ученым советом НПУ имени М. П. Драгоманова (протокол № 5 от 23 декабря 2010 года). Тема диссертации утверждена на заседании Ученого Совета НПУ имени М. П. Драгоманова (протокол № 7 от 31 января 2013 года)

Цель диссертационного исследования заключается в анализе взаимосвязи трансформаций современного мира, которые формируют потребность становления новой идеологии международных отношений, в изучении содержания и основных параметров этой идеологии, особенностей ее становления в Туркменистане.

Достижение поставленной цели требует решения ряда *исследовательских задач*, основными среди которых есть:

- проанализировать методологию исследования феномена международных отношений, современные научные подходы к изучению ценностной основы и динамики мировой политики в условиях формирования потребности в новой идеологии;
- раскрыть категорию «национальный интерес» как источник и движущую силу трансформации идеологии международных отношений;
- осмыслить основные противоречия в системе международных отношений в контексте тенденции возрождения конфронтационной идеологии «холодной войны»;
- охарактеризовать основные изменения современного мира, информационную революцию, определяющие формы глобализации как среду становление ценностных ориентиров международной политики;

- описать демократические предпосылки формирования новой идеологии международных отношений, ее становления в контексте идей «глобального гуманизма», демократии, открытости, доверия и коллективной безопасности;
- исследовать место и роль негосударственных субъектов в процессе становления новой идеологической модели международных отношений;
- определить особенности становления новой идеологии международных отношений в Туркменистане в период утверждения его независимости; выделить реальные и перспективные направления и идеологические основания внешней политики, на примере взаимосвязей Туркменистана с Украиной.

Объектом исследования есть идеология мировой политики и международных отношений как ценностная основа современного политического развития.

Предмет исследования – трансформация идеологических основ международных отношений в условиях современных глобальных вызовов.

Методологическую основу исследования составляет сочетание научных принципов, методов и методологических подходов к осмыслению феномена современной идеологии международных отношений. Диссертационное исследование базировалось на принципах объективности, целостности, историзма, единства теории и практики, что и позволило раскрыть противоречивость, многомерность мирового развития.

В диссертации использованы антропоцентрический, гуманистический, аксиологический методологические подходы. Исследование также опирается на цивилизационный подход для анализа современных глобальных вызовов, которые возникли перед политическими элитами и гражданским обществом во всем мире. Общетеоретический и общеметодологический потенциал науки о политике позволил применить в диссертации комплексный подход к исследованию влияния политических изменений современного мирового развития на становления новой идеологии международных отношений. На основе ценностного и политико-культурного подходов анализируется влияние национальных интересов на становление государственной идентичностей,

идеологий внутренней и внешней политики, в т.ч. традиций и новаций во внешней политике Туркменистана. При выявлении основных противоречий в системе ценностно-идеологических оснований международных отношений, в частности, в ситуации противостояния биполярного мира, в исследовании использованы основы сравнительного анализа. Структурно-функциональный подход раскрыл возможности осмыслить несколько вероятных структурных моделей развития идеологии будущей мировой системы, а политико-антропологический – выявить концептуальные установки формирования человекоцентрического восприятия системы международных отношений.

Междисциплинарность ориентирует на многоаспектный анализ трансформации идеологии международных отношений сквозь призму причинно-следственных связей. При этом особый акцент сделан на адекватной политологической рефлексии в осмыслении новых тенденций, эволюции роли идеологии в условиях глобализации. Соответственно в исследовании применен комплекс философских, общенаучных и специальных методов, главными из которых есть: диалектический, структурно-функциональный, аналитико-прогностический метод, метод системного анализа, герменевтики и др. Сочетание элементов системного и межгосударственного анализа, работы с документами, позволило комплексно рассмотреть основные условия и перспективы развития идеологии в контексте глобальных политических и социально-экономических изменений. Анализируя противоречия современного мира, важнейшие тенденции изменения идеологических основ международных отношений под влиянием глобализации, последовательно привлечено диалектический метод. Также при помощи исторического метода создано комплексное исследование динамики, общих и особенных черт трансформации внешней политики Туркменистана.

В работе использованы эмпирические материалы, составлены на базе исследований социологического центра «Research & Branding Group», анализа официальных выступлений и интервью государственных деятелей и других политических субъектов, документов и норм международного права.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем всесторонне проанализированы идеологические основы международных отношений, соответствующие вызовам современного мира, особенности утверждения ценностей демократии и гуманизма в период глобализации и информационной революции, в условиях реанимации «холодной войны»; сформулирована специфика новой идеологии международных отношений в Туркменистане как политика аксиологических детерминант укрепления его государственности в условиях современного цивилизационного развития.

Впервые:

– проанализировано содержание понятия «идеология международных отношений» в свете современных глобальных вызовов и на примере туркменского опыта, которая рассматривается как ценностная парадигма взаимодействия стран и народов. Содержание и специфика идеологии международных отношений опирается на философию международных отношений (как общественное знание, систему идей и поиск истины о современном мире), что можно считать исторически определенной социально-политической направленностью современного мировоззрения людей и обществ, вовлеченного как в диалог, так и политические столкновения, глобальные конфликты, противостояния цивилизаций;

– определено, что поиск новых идеологических основ международных отношений должен диалектически соединять общечеловеческие демократические, гуманистические ценности, как важнейшую системную закономерность, императив современного мирового развития с учетом социокультурного, цивилизационного многообразия современного мира, избегать одностороннюю идеологизацию, ориентироваться на обеспечение международной солидарности, базовых социальных, экономических, политических и гражданских прав, защиту культурно-исторического наследия;

– выявлена тенденция обострения современных международных отношений в условиях возврата к идеологии «холодной войны», которая базируется на недоверии и конфронтации, нагнетании международной

напряженности, нарушении норм международного права и суверенитета и границ независимых государств. Особое значение приобретает вопрос об информационной экспансии как новой форме доминирования над другими странами, когда борьба за национальную независимость рассматривается как неразрывно связанная с борьбой за информационный суверенитет и право на коммуникацию.

Дальнейшее развитие получили:

– интерпретация рисков системы международных отношений в современных условиях глобализации и информационного общества, среди которых – кризис политического сознания, нравственности, правосознания (что проявляется в игнорировании некоторыми государствами норм международного права и их поведении в некоторых кризисных международных ситуациях); обострение потребностей народов в самоидентификации, вызванная крахом прежнего миропорядка, а значит и радикальной сменой ролей практически всех мировых акторов; рост этнических и культурных факторов в международных отношениях; усиление ценностной значимости личностной свободы и безопасности и т.д.;

– понимание новой идеологии международных отношений как синтеза традиционных и инновационных ценностей, в частности, процесса ее становления и развития в Туркменистане в период укрепления государственности. Доказано перспективность для Туркменистана политики нейтралитета, которая позволяет минимизировать риски в международных отношениях, в т.ч. и со странами-соседями;

– научная аргументация идеологических предпосылок международных отношений с точки зрения разнообразия и динамичности универсальных и единичных, глобальных и локальных тенденций. Отмечена интенсивность, с которой происходит модификация традиционных систем социально-политических ценностей, что противостояние с идеями сохранения, возобновления и реанимации привычных ориентаций и культур. Характерная в условиях демократического перехода нелинейность, асимметричность всех

сфер общественной и политической жизни одновременно позволяет осуществлять культуросообразную функцию в сравнительно сжатые строки времени, что одинаково важно для современных Туркменистана и Украины.

Углублены:

– логико-гносеологическое содержание и параметры соотношения понятий «международные отношения», «международная политика», «мировая политика», «глобальная политика»; указанные категории рассматриваются с позиций их динамики, развития, а также мировоззренческих трансформаций в современном мире;

– анализ взаимодействия субъектов и объектов системы международных отношений. Подчеркивается, что в понятии политической субъектности, в частности в системе и сетях международных связей, содержатся два интегрально связанные между собой элементы: сознание (идеалы, знание об объекте, ценностно-оценочная шкала и т. д.) и активность (реальное действие). Обосновано превращение глобального гражданского общества в реального субъекта формирования демократических ценностей и идеологических основ современной международной политики, способного существенно влиять на структуры глобальной власти;

– анализ проблематики путей имплементации базовых принципов современной идеологии международных отношений, которые заключаются в модернизации традиционного понимания принципов государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела, сохранения социокультурной специфики отдельных обществ, их экономической и политической независимости, эффективной защите прав человека.

Теоретическое и практическое значение исследования заключается в том, что в нем проанализированы основные изменения идеологии международных отношений в контексте вызовов современного изменяющегося мира, в частности, рисков глобализации и информационной революции. Научное значение имеет обоснованная автором идея демократизации и гуманизации международных отношений как основная парадигма их изменения

в современном мире. Указанные основные положения диссертации могут быть использованы для дальнейших теоретических и прикладных исследований.

Теоретическое и практическое значение имеет проанализированные диссертантом особенности становления и развития идеологических оснований и философии международных отношений Туркменистана в контексте установки Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на укрепление мира, безопасности и стабильности. Результаты проведенного анализа имеют значение для профессиональной деятельности государственных служащих, дипломатов, политических экспертов, общественных лидеров, журналистов – всех тех, кто принимает активное участие в формировании символического поля восприятия и утверждения демократических основ мировой политики.

Материалы диссертации могут быть использованы в процессе преподавания политологии в университетах; на их основе может быть подготовлен самостоятельный специальный курс для студентов гуманитарных специальностей.

Апробация исследования. Диссертационное исследование получило достаточно глубокую научную и научно-практическую апробацию. Его отдельные части и законченное исследование обсуждалось на кафедре политологии и государственного управления, а также кафедре социальной философии и философии образования Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Отдельные фрагменты исследования докладывались на разнообразных научных и научно-практических форумах, проводимых в Украине и Туркменистане. В частности: торжественная встреча с профессорско-преподавательским составом и студентами Туркменского сельскохозяйственного университета имени С.А. Ниязова (Ашгабат, 10 декабря 2010 г.); VIII Всеукраинская научно-практическая конференция молодых ученых «Процеси сучасної глобалізації і Україна» (Одесса, 27 марта 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Проблеми економіки та управління національним господарством» (Ялта, 1-3 октября 2013 г.);

Международная научно-практическая конференция «Статус постоянного нейтралитета: опыт Туркменистана» (Киев, 29 ноября 2013 г.).

Публикации. Основные результаты диссертации нашли отражения в 8 публикациях автора, среди которых – 6 размещены в изданиях, специализированных по политическим наукам, в том числе и международных.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех разделов (тринадцати подразделов), заключения и списка использованных источников (277 позиций). Общий объем диссертации составляет 223 страницы, основная часть работы – 195 страниц.

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Сущность и понятие международных отношений в свете политико-идеологических изменений современности

Мировое научное сообщество продуцирует и развивает интенсивную дискуссию относительно идеологических аспектов становления современной системы международных отношений. Большую роль здесь играют реалии глобализации, информационного общества, электронной демократии, базовые идеологемы и ценности которых распространяются не только в странах так называемого «золотого миллиарда», но и мировой периферии. Новые реалии глобального мира требуют от политиков и политических аналитиков пересмотра устоявшихся взглядов на место идеологии, ценностных ориентаций и идеологических приоритетов в развитии отдельных обществ и межгосударственных взаимодействий. Особый вклад в такое новое знание, несомненно, может привнести современная политическая наука.

Истоки исследуемой проблемы можно увидеть еще в трудах таких ведущих теоретиков мировой общественно-политической мысли, как Фукидид, Аристотель, Сунь Цзи, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, К. Клаузевиц, И. Кант, Ф. Г. Гегель, К. Маркс и др. С критикой тоталитаризма и тоталитарной идеологии, выстроенных на принципах конфронтации и противостояния государств и народов, с осуждением идей мирового господства, «русского мира» вошли в историю научные работы Х. Арндт, З. Бжезинского, К. Поппера, А. Сахарова, К. Ясперса и ряда других исследователей.

Интересные идеи формирования принципов международных отношений содержатся в монографических исследованиях, мемуарных изданиях и публичных размышлениях бывших лидеров государств, противостояние между

которыми долгое время определяли характер международных отношений во всем мире, в частности М. Горбачева и Р. Рейгана, Н. Хрущева и Г. Коля и др.

За рубежом тема становления новой системы международных отношений и нового мирового порядка поднималась на протяжении всей второй половины XX века, главным образом в США. Среди интересных зарубежных работ общетеоретического характера следует назвать работы С. Амброза, Р. Арона, Д. Белла, Б. Бербера, И. Берлина, Г. Бутросва, Дж. Боффа, Дж. Гренвилла, Д. Дайнена, А. Джованни, П. Джонсона, Ж. Дюрозеля, Г. Киссинджера, В. Курта, А. Робертса, Э. М. Слотера, Л. Страуса, Дж. Сороса, М. Тейлора, А. Этциони, С. Хантингтона, Х. Шульца и др.

В современной политологии сформированы базовые методологические подходы к проблеме мировых политических процессов. Среди прочих (бихевиоризм, синергетика, феноменология, дискурс-анализ, теория игр и др.) важнейшую, на наш взгляд, роль в понимании идеологических основ международных отношений раскрыли теоретики ценностного, цивилизационного та антропоцентрического подходов.

Цивилизационный подход к пониманию политических явлений и процессов развивают ведущие украинские ученые (Т. Андрущенко, В. Кремень, С. Крымский, Н. Михальченко, Н. Сазонов, Ю. Шайгородський и др.), которые исследуют генезис общественных отношений и социально-политических институтов в свете диалога цивилизаций и культур [см.13; 96; 98; 128; 154; 211]. Украинская политическая мысль, следуя С. Хантингтону [201], продолжает научный дискурс о роли и месте национальных идеалов и интересов в современной системе международных отношений, их возможности согласовываться с реалиями глобализации, и в частности ее вызовами, углублением политических и экономических противоречий, ростом взаимозависимости этносов, наций, государств, появлением новых актеров политической жизни. Цивилизационное противостояние рассматривается как диалектический процесс, объединяющий тождество и различие, универсализм и партикуляризм. В то же время, в новых рамках мирового развития

цивилизации, регионы, национальные государства формируют современную историю и идентичности (национальную, государственную, политическую, социальную, культурную). Осмыслить особенности развития идеологии международных отношений в условиях «расколотов цивилизации» составляет, на наш взгляд, интересный и перспективный путь исследования.

Политико-культурный, а также ценностный подход к проблеме обновления современной политической идеологии находим в трудах О. Бабкиной, Н. Дмитренко, О. Картунова, Л. Нагорной, М. Остапенко, Ф. Рудич, М. Шульги [см. 18; 62; 80; 130; 144; 149; 218]. Соответствующие методологические предпосылки крайне важны и для понимания трансформации современной системы международных отношений, в частности ее мировоззренческих, ориентационных оснований. Среди важнейших требований к выбору методологического инструментария и концептуальных подходов упомянутых авторов – способность выявления таких закономерностей, которые позволяют раскрыть состояние, сущностные характеристики, тенденции и перспективы объекта исследования в условиях динамического политико-культурного развития, ценностного плюрализма, глобализации, информационной революции. Поэтому релевантными единицами в этом процессе могут выступать не столько институты или отношения, сколько качества и ценности, культурные, поведенческие феномены. Происходит поиск аксиологического наполнения политических явлений (политики, государства, власти, демократии, мировой системы), ценностных ориентаций, что влияет на эволюцию методов и стиля политической науки.

Даже под совершенные критерии положительной научности не подпадают такие важные сферы человеческой жизни как интересы, ценности, предпочтения, верования и т.д., из которых и прорастает большинство явлений политики и которые не поддаются математическим исчислениям и непротиворечивым описаниям. Это касается, в том числе, таких понятий и ценностей как «свобода», «равенство», «справедливость», «солидарность», «патриотизм», «легитимность» и п., которые невозможно количественно

выразить, поэтому они нуждаются в качественных критериях анализа, в оценке, задании аксиоматических, идейных, моральных масштабов, выходят из «человеческого измерения», метафизического подхода.

Существенно дополняет аксиологический и политико-культурный подход политическая антропология (В. Андрущенко, В. Бех, Н. Головатый, В. Горбатенко С. Римаренко и др.) [см. 11; 12; 143; 50]. Антропоцентризм нацелен на изучение внутреннего мира человека, с помощью которого он реализует себя как создатель политической, государственной, международной действительности. Именно этот подход позволяет проследить, как духовный мир человека объективируется в политических ценностях разного уровня, локального и глобального. Утверждается значение человеческого опыта, переживаний, раскрываются новые возможности для понимания поведения субъекта политики на международном пространстве. Построенная на принципах гуманизма, политическая антропология предполагает исследование политических явлений на основе признания человека высшей ценностью, свободное развитие которой является целью общественно-политического развития. Присущей ее чертой является дескриптивный характер – стремление, независимо от объекта исследования, описать все те политико-культурные пласты, к которым принадлежит этот объект, его сущностные и необычные особенности, эволюцию во времени и пространстве, его проявления. В рамках этого подхода актуализирована проблематика субъективных прав человека, свобод и законных интересов граждан [45, с. 29-30]. В частности, развивается и современное понимание права человеческих сообществ на независимую международную политику.

XX столетие во многом вошло в историю как столетие противостояния мировых систем. Философия международных отношений при этом базировалась на духе недоверия и вражды, разворачивалась на основе силового противостояния, гонки вооружений. По сути, она была идеологией соперничества, которая активно пропагандировалась. Общественно-политическим, своеобразным идеологическим символом международного

недоверия стала Берлинская стена, разделявшая не только народы Германии, но и всей Европы и мира на два враждебно настроенных друг против друга лагеря. Перестройка в СССР, а потом и его окончательный развал, изменил обстановку в мире, который стал более открытым и демократичным. Возникла потребность в замене тоталитарной идеологии международных отношений идеологией мира и сотрудничества, открытости и доверия. И когда, казалось, мир приступил к реальным демократическим изменениям, события в Украине – аннексия Крыма и военные действия на Востоке Украины, навязанные Россией, – заставили смотреть на этот вопрос несколько иначе. Сегодня необходимы дополнительные усилия всей мировой общественности относительно мирного урегулирования ситуации. Мир нуждается в новой философии и идеологии международных отношений. Исследование этой проблемы представляется задачей чрезвычайно актуальной и практически значимой. В связи с вышеизложенным, необходимо обратиться к методологии исследования и понятийно-категориальному аппарату изучения проблем международных отношений, мировой политики как двухсторонних или многосторонних отношений в области политики, экономики, дипломатии, культуры, образования, военного дела между государствами, которые закладывают современные основы идеологического мировоззрения.

Международные отношения – это особая сфера общественных отношений, которая охватывает всю совокупность публичных и частных отношений, предусматривающих пересечение людьми, товарами, капиталами или *идеями* государственных границ. Как форма социального взаимодействия они развиваются в результате взаимопереплетения интересов определенных субъектов. Международные отношения в целом носят объективный характер, однако в них отражены различные субъективные факторы, особенно субъективные оценки целей участников отношений [214, с. 18].

В научной литературе понятие «международные отношения» раскрывается как – совокупность экономических, политических, *идеологических*, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений

между государствами и системами государств, между основными классами, основными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на мировой арене, то есть между народами в самом широком смысле этого слова [111].

Иногда предлагается узкое определение международных отношений как отношений «между государствами и негосударственными организациями, между партиями, компаниями, частными лицами разных государств...» [210]. По сути, оно сводит совокупность международных отношений к взаимодействию их участников. Главным недостатком подобных определений, на наш взгляд, является то, что в конечном счете они неизбежно сводят все многообразие международных отношений к взаимодействию государств.

Попытка выйти за рамки межгосударственных взаимодействий содержится в определении международных отношений как «совокупности интеграционных связей, формирующих человеческое сообщество» [114, с. 24]. Такое понимание международных отношений, оставляя открытым вопрос об их участниках (или авторах), позволяет избежать недостатка их сведения к межгосударственным отношениям. К его достоинствам может быть отнесено и то, что в нем выделена одна из основных тенденций в эволюции международных отношений. Однако, обладая указанными преимуществами перед приведенными ранее, данное определение имеет тот недостаток, что является слишком широким, стирает по существу границы между внутриобщественными и международными отношениями.

В своих исследованиях П. Цыганков подчеркивает, что чаще всего исходным пунктом поисков и одним из существенных элементов специфики международных отношений многие исследователи делают именно выделение их участников [205]. Так, например, с точки зрения известного французского социолога Р. Арона, «международные отношения – это отношения между политическими единицами, имея в виду, что данное понятие включает греческие полисы, римскую, или египетскую империи, как и европейские монархии,

буржуазные республики, или народные демократии... Содержанием международных отношений являются, по преимуществу, отношения между государствами: так, бесспорным примером международных отношений являются межгосударственные договоры» [227, с. 17].

В свою очередь, межгосударственные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей – дипломата и солдата. Иначе говоря, международные отношения в самой своей сущности содержат идеологические предпосылки политической жизни, альтернативу мира и войны. Особенность международных отношений состоит в том, что они основаны на вероятностном характере того и другого и включают в себя значительный элемент риска политического развития, общественных трансформаций. С целью сделать свое понимание особенностей внешней политики и международных отношений более доступным, Р.Арон сравнивает их со спортом: «по сравнению с футболом, внешняя политика является еще более неопределенной. Цель действующих лиц здесь не так проста... Правила дипломатической игры не расписаны во всех деталях, и любой игрок нарушает их, когда находит в этом свою выгоду. Нет судьбы, и даже когда некая совокупность действующих лиц претендует на судейство (ООН), национальные действующие лица не подчиняются решениям этого коллективного арбитра... Если соперничество наций действительно напоминает какой-либо вид спорта, то таким видом слишком часто является борьба без правил...». Поэтому, считает Р.Арон, международные отношения – это «предгражданское» или «естественное» состояние общества. В сфере международных отношений господствует «плюрализм суверенитетов», поэтому здесь нет монополии на принуждение и насилие, и каждый участник международных отношений вынужден исходить в своем поведении во многом из непредсказуемого поведения других участников [226, с. 308, 321].

Схожие мысли высказывают многие исследователи, отмечающие, что международные отношения характеризуются отсутствием консенсуса между их участниками относительно общих ценностей, общепринятых социальных

правил, гарантируемых юридическими или моральными нормами, отсутствием центральной власти, большой ролью стихийных процессов и субъективных факторов, значительным элементом риска и непредсказуемости.

Обобщая высказанные в этом отношении в научной литературе позиции, можно говорить о различных типах, видах, уровнях и состояниях международных отношений, их связи с мировыми процессами, этапами политического созревания, историческими тенденциями, законами модернизации. К примеру, в этом контексте, должны согласиться с Т. Ляшенко, которая верно отмечает особенность трансформационных процессов в странах Центральной Азии, где период национально-государственного строительства и возрождения национального самосознания совпал по времени с мировыми тенденциями глобализации и взаимозависимости. Таким образом, рассматривая возможные модели развития стран Центральной Азии, международного сотрудничества с ними, следует учитывать не только задекларированные принципы и провозглашены договоренности, но и расстановку элит внутри государства, влияние на нее внешних факторов, репутации государств и амбиции их лидеров. Учет этих факторов позволит предусмотреть основные направления развития стран центральноазиатского региона, понять их интересы во внешней политике [212, с. 254].

В зависимости от степени развития и интенсивности тех или иных видов международных отношений выделяют их различные уровни: высокий, низкий, или средний. Однако более плодотворным представляется определение уровней международных отношений на основе геополитического критерия: с этой точки зрения выделяются глобальный (или общепланетарный), региональные (европейский, азиатский и т.п.), субрегиональные (например, страны Карибского бассейна) уровни международного взаимодействия. Наконец, с точки зрения степени напряженности, можно говорить о различных состояниях международных отношений: состояния стабильности и нестабильности, доверия и вражды, сотрудничества и конфликта, мира и войны и т.п.

Таким образом, международные отношения – это отношения по поводу самых разнообразных сторон развития социума. Сотрудничество или противоборство, взаимопонимание или взаимное неприятие, совместные интересы или расходящиеся ценностные ориентиры – все это может касаться различных сторон бытия и соответствующим образом проявляться в международной системе. Особенность ее современного состояния – в том, что она значительно более энергично, чем раньше, абсорбирует все это разнообразие социальной материи. Таким образом, идеологические предпосылки, философия международных отношений и само понятие «международные отношения» приобретают все более многоплановый характер и могут развиваться одновременно (и не обязательно параллельно) в нескольких плоскостях; становясь менее однозначно ориентированными.

Рассмотрение понятия «международные отношения» требует его соотнесения с понятиями «мировая политика» и «международная политика», что тесно связаны с пониманием идеологической основ современных общественно-политических трансформаций в сфере культуры и идеологии.

Мировая политика – относительно новый вид политического влияния, появившийся во второй половине XX столетия. Его развитие обусловлено возникновением глобальных проблем, осознанием взаимной зависимости народов и государств, особой ответственностью мировой политической элиты за будущее человечества. Мировая политика служит особым фактором осуществления национальных интересов каждого из существующих народов. Она играет ведущую роль в системе глобального управления, осуществляемого ведущими государствами современного мира, и предназначена для упорядочивания общих условий жизни всех народов.

Новизна мировой политики как политического феномена определяет некоторую сложность в её толковании. Среди имеющихся подходов к мировой политике особо выделяется проблема её соотношения с международными отношениями, на основе которой по сути дела строится вся её нынешняя теория, что и предполагает выяснение содержательного различия терминов

«мировой» и «международный». Анализ научной литературы показывает, что понятие мировой политики часто смешивается с понятием международных отношений, вследствие чего толкование приобретает неоднозначный и порой противоречивый характер.

Ю. Никитина отмечает, что как сфера научных исследований мировой политики шире, чем международных отношений, потому, что последние включают в себя «лишь отношения между государствами», а мировая политика охватывает собой «деятельность и взаимодействия с государствами ещё и других акторов – неправительственных организаций, транснациональных корпораций, неформальных сетей, внутригосударственных регионов и др.» [136, с. 25–26]. Можно дополнить этот взгляд ещё одним важным тезисом современных политологов: понятия «международные отношения» используются с акцентом на межгосударственных проблемах, а «мировая политика» рассматривает более широкий круг проблем. В большинстве современных исследований международные отношения выступают частью мировой политики [148, с. 572]. Сложилось определённое направление в объяснении мировой политики, которое состоит в её сопоставлении с международными отношениями. В результате сформировался вывод, что мировая политика есть нечто целое, которое включает в себя, во-первых, международные (межгосударственные) отношения, а, во-вторых, отражает деятельность и взаимодействие различных негосударственных организаций.

На наш взгляд, с позиции закономерностей политического развития, понятия «мировая политика» и «международные отношения» являются понятиями разного ряда. Мировая политика – это особая разновидность политики, которая складывается на основе деятельности высших учреждений ряда государств и которая может быть сопоставима с другими видами политического влияния, например, с международной политикой. При этом содержательно мировая политика связана с определённым, соответствующим ей видом политических отношений. Однако такие отношения как понятие совсем не тождественны международным отношениям, которые охватывают

собой разные виды отношений и, в частности, международные экономические отношения, которые не могут входить в содержание мировой политики, поскольку относятся к другому явлению – мировой экономике.

В политологической литературе предпринимаются попытки сформулировать определение мировой политики, которое направлено на то, чтобы обобщить высказанные идеи. Так Ю. Ирхин подчеркивает, что под мировой политикой понимается совокупная деятельность основных субъектов международных отношений, в основе которой лежит их стремление обеспечить реализацию своих экономических, социальных, культурных и др. интересов при помощи дипломатических, военно-стратегических, финансово-экономических, информационно-идеологических и др. средств [74, с. 634]. Мировую политику иногда называют глобальной политикой, отождествляя данные понятия [121, с. 16, 18]. Другие исследователи их разделяют, считая, что понятие глобальной политики используется при анализе глобальных проблем [110, с. 119]. Мировая политика в украинских словарях с политологии раскрывается как идеальное, трансцендентное понятие, которое отображает борьбу за власть в рамках «мира». Вместе с тем, подчеркивается дискуссионность этого понятия. С его помощью часто описывают политику локальную (в рамках примитивной громады), межгосударственную (в рамках некой цивилизации), международную, глобальную (в рамках Вселенной). Категории мировой и глобальной политики соотносятся как идеальное/абстрактное и реальное [152, с. 592].

На наш взгляд, некоторое различие мировой и глобальной политик состоит, возможно, в том, что первое отражает своим содержанием особую роль ведущих государств в осуществлении глобального управления. В свою очередь «глобальная политика» подчеркивает всеохватывающий характер мировой политики. Термин «глобальный» буквально означает относящийся к территории всего земного шара, всемирный [169, с. 138]. Но и та, и другая формируются там, где решаются проблемы всего человечества, затрагивает интересы различных народов и относится ко всей территории земного шара.

Следовательно, международные отношения как понятие несопоставимы с понятием мировой политики. Это разные виды общественных явлений, которые, определенным образом связаны между собой, но их нельзя смешивать и рассматривать одно из них как часть другого. Для раскрытия особенностей мировой политики необходимо соотнести её с другими видами политического влияния, в частности, с международной политикой, а также учесть наличие особых международных политических институтов и особых политических отношений, соответствующих уровню мировой политики.

Представляется, что мировая политика по своей сущности составляет вид политического влияния, который обусловлен необходимостью решения глобальных проблем человечества и формируется на основе взаимодействия руководителей ведущих государств современного мира, являющихся субъектами данной политики. Это означает, что мировая политика образует особую разновидность межгосударственной политики и потому носит межгосударственный характер. С учётом сказанного можно предложить следующее определение: мировая политика – это вид политического влияния, складывающийся на основе взаимодействия глав государств и правительств ведущих стран современного мира и определяющий направления деятельности этих государств в решении глобальных проблем современности.

Что касается понятия «международная политика», то в научной литературе подчеркивается, что она составляет ядро международных отношений и представляет собой политическую деятельность субъектов международного права (государств, межправительственных и неправительственных организаций, союзов), связанную с решением вопросов войны и мира, обеспечения всеобщей безопасности, охраны окружающей среды, преодоления отсталости и нищеты, голода и болезней [127]. Международная политика направлена на решение вопросов выживания и прогресса человеческого сообщества, выработку механизмов согласования интересов субъектов мировой политики, предотвращения и разрешения

глобальных и региональных конфликтов, создания справедливого порядка в мире, развития равноправных международных отношений.

Международная политика объективируется во внешней политике государств. Внешняя политика государств часто сводится к деятельности самих государств. На самом деле деятельность государств, подчеркивает А. Борисенков, на международной арене и их внешняя политика – это не тождественные явления. Внешняя политика государств – это результат внешнеполитической деятельности их высших учреждений, это особый вид политического влияния в системе государственного управления, который состоит в определении направлений исполнительной деятельности государств в отношениях с другими государствами. Это означает, что внешняя политика государств является разновидностью ведущей функции в системе государственного управления, она направляет исполнительную деятельность государства на другие государства [35]. Международная политика государства, как и всякая политика, есть по своей сути управленческое явление, состоящее в руководящих решениях, что в отличие от внутренней политики, предназначена для установления направлений деятельности исполнительных учреждений государства в отношениях с другими государствами [36]. Внешняя политика государства есть вид политического влияния, который представлен руководящими решениями, определяющими направления исполнительной деятельности государства в отношениях с другими государствами.

Таким образом, международная политика является важной частью международных отношений и выступает фактором их развития, а также мировоззренческой основой пересмотра их приоритетов и ориентаций.

1.2. Субъекты и объекты международных отношений, и их влияние на трансформацию системы ценностных ориентаций

Необходимой составляющей международных отношений, являются их участники, а по существу субъекты и объекты международных отношений.

Современный этап развития проблематики субъект-объектных отношений в политике характеризуется тем, что структурная спецификация любого простейшего акта человеческой деятельности обнаруживает в нем «субъект»: носителя деятельностной способности, который инициирует и направляет ее осуществление, и реальный объект его целенаправленной предметной активности. М. Вебер подчеркивал, что действием становится любая активность индивида или индивидов, которые связывают с ней свой субъективный «смысл», – не исключая ситуации, когда действие не предполагает специальных усилий для достижения цели, а сводится к невмешательству или к терпеливому принятию [43, с. 602-603]. Подобное предостережение делал П. Сорокин, подчеркивая, что социальные действия могут быть не только «активными», но и пассивными, например толерантными [178, с. 195]. В этом контексте следует заметить, что взаимосвязь и взаимопроникновение субъекта и объекта, раскрываются с помощью категорий опредмечивание и разпредмечивание [142, с. 154-155]. По сути, деятельностью является социальная активность, которая направлена на других людей и последующие поколения. Деятельность является единством опредмечивания и разпредмечивания: она непрерывно переходит из формы целеактивной способности человека в форму предметного воплощения и наоборот.

«Субъекты и объекты политики» – в политологии это рефлексивные понятия, означающие взаимодействие в политике и показывают вектор ее направления. Объект в политике – та часть политической реальности, системы, на которую направлена деятельность субъекта в политике. «Объектом в политике могут выступать политические отношения, политическая система с ее институтами, социальные группы и личности, которые включены в политический процесс ... Субъект в политике – источник целенаправленной, предметной политической деятельности на объект. К субъектам в политике относятся: лица, классы, социальные слои, политические институты, этносы, конфессиональные и демографические группы и др., которые имеют и реализуют свой социально-политический интерес [150, с. 695-696].

В понятии политической субъектности содержатся два интегрально связанные между собой элементы: сознание (для практического воплощения политических целей и идеалов необходимо знание об объекте, ценностно-оценочная шкала и т. д.) и активность (само реальное действие). Субъектами политики могут выступать, как индивиды, так и социальные группы, политические институты и само государство. Среди критериев выделения политических субъектов: конкретные действия в данной сфере, уровень их реального влияния на принятие политических решений, организационная оформленность. Субъектами политики называют всех тех, кто принимает реальное участие во властном взаимодействии с государством.

Все субъекты политики находятся друг с другом в определенных иерархических отношениях. Например, сторонники формально-правовых подходов, в качестве основного субъекта рассматривают институт и соответственно его систему нормативного регулирования. Сторонники бихевиоральной методологии и теории рационального выбора считают, что основными ресурсами воздействия обладает индивидуальный субъект, из совокупности действий которого выстраивается вся политическая реальность.

Наряду с понятием «политические субъекты» рассматривается понятие «объект политики», те, кто выполняет решения, распоряжения субъектов власти. Объектом политики в различных сферах жизни общества являются отношения социальных групп по поводу жизненно важных для указанных групп и общества в целом интересов, а также отношения между ними и государственными институтами. Объект (те, на кого направлена деятельность субъекта, подчиненные) представляет собой пассивный элемент власти, от него требуется готовность подчиниться воле субъекта. Здесь речь идет, во-первых, о таких понятиях, как собственность, власть, морально-этические нормы; во-вторых, формы и методы реализации экономической, культурной, социальной, внутренней и международной политики [152, с. 636-638].

В научной литературе под субъектом международных отношений понимается конкретно-исторический носитель многообразной политической

деятельности, направленной на завоевание, защиту или использование власти с целью реализации своих коренных интересов. Подобный статус не является имманентным, изначально присущим какому-либо физическому лицу или социальной общности. Применительно к индивиду он обретается путём политико-идеологического воспитания человека, усвоения им политических норм и принципов [74, с. 880]. Исходя из предлагаемых критериев, можно выделить ряд политических субъектов: индивидов, коллективы, этнические группы, конфессиональные общности, политические элиты, классы, массы, гражданское общество, народы, нации, цивилизации, политические институты, государство, политические партии, общественно-политические движения и т.д.

Вместе с тем, по своей природе международные отношения объективны и субъективны одновременно. Объективно-субъективный характер международных отношений выражается в том, что они представляют собой как объективную реальность, так и ее отражение, оценку в сознании людей. Эти стороны международных отношений активно взаимодействуют – субъективное содержание (внешнеполитические цели, планы, решения и т.д.) формируется под воздействием и на основе реальных отношений, а последние меняются в ходе реализации в мировой политике субъективных оценок.

Государство является бесспорным международным субъектом, отвечающим всем вышеназванным критериям этого понятия. Оно является основным субъектом международного права. Внешняя политика государств во многом определяет характер международных отношений эпохи; оно оказывает непосредственное влияние на степень свободы и уровень благосостояния индивида, на саму человеческую жизнь. Деятельность и даже существование международных организаций, других участников международных отношений в значительной мере зависит от того, как к ним относятся государства. Кроме того, государство является универсальной формой политической организации человеческих общностей: в настоящее время практически все человечество, за небольшими исключениями, объединено в государства.

Одной из решающих в понимании государства является категория «национально-государственный суверенитет». Она имеет два основных аспекта – внутренний и внешний. Речь идет, с одной стороны, о свободе государства избирать свой путь экономического развития, политического режима, гражданского и уголовного законодательства, а, с другой, – о невмешательстве государств во внутренние дела друг друга, об их равенстве и независимости. Научное исследование государства в качестве субъекта международных отношений, отходя от идеологических и политико-бытовых представлений, оперирует такими концептами, как «эрозия суверенитета», «десуверенизация государства», «распад национально-государственной идентичности», «размывание суверенитета» и т. п. Все они призваны отразить наблюдаемые на поверхности общественной жизни явления: вместе с глобализацией размывается суверенитет государства и рушится структура основных принципов. Образуются новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения между государственными субъектами, с одной стороны, и транснациональными, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами – с другой [195].

Принцип суверенитета национальных государств приводит к неоднозначным последствиям в международных отношениях. Во-первых, каждое государство вынуждено сочетать в своей внешней политике достаточно противоречивые функции и может стремиться к национальной экспансии (self-extension, включающем увеличение территорий, влияния, ресурсов, союзников и т.п. Оно может быть озабочено защитой (сохранением) своего пространства и своего национального интереса (self-preservation). Наконец, оно может отказываться от тех или иных непосредственных выгод в пользу укрепления мира и солидарности в межгосударственных отношениях (self-abnegation). Во-вторых, каждое государство стремится к обеспечению собственной безопасности. Однако это стремление, ввиду того, что оно свойственно всем суверенным государствам-нациям в условиях «плюрализма суверенитетов», порождает одну из самых сложных проблем международных отношений – так

называемую «дилемму безопасности» (увеличение безопасности одного из государств может рассматриваться как небезопасность для другого и вызывать с его стороны соответствующую реакцию). Наконец, в-третьих, формально-юридическое равенство государств, с точки зрения международного права, не может отменить того обстоятельства, что они различаются по своей территории, населению, природным ресурсам, экономическому потенциалу, социальной стабильности, политическому авторитету, вооружениям, наконец, по своему возрасту. Эти различия резюмируются в неравенстве государств, международной стратификации [172].

Сущность и перспективы государства как субъекта международных отношений оцениваются политиками и учеными по-разному. Современные исследователи государства высказывают два противоположных взгляда на его судьбу. Одни полагают, что в современном мире уменьшается роль национального государства, другие, напротив, утверждают, что роль государства не только не ослабевает, а наоборот растет [198, с. 45]. В условиях глобализации государство, с одной стороны, озабочено самосохранением и адаптацией к новым вызовам глобального мира; с другой стороны, – обеспечением роста собственной конкурентоспособности.

В системе международных отношений существенную роль играют и негосударственные образования (объединения, движения, партии и т. д.), которые одновременно испытывают обратное ее влияние. Среди участников, деятельность которых становится все более влиятельным фактором в развитии международных политических процессов, выделяют: неправительственные организации (НПО); транснациональные корпорации и банки (ТНК, ТНБ); внутригосударственные регионы (административно-территориальные образования-кантоны, федеральные земли, республики, штаты и т.п.); религиозные организации и движения; международные преступные и террористические группировки и т.д. [173, с. 248].

На такую особенность международных отношений обращает внимание и С. Бульбенюк: вполне приемлемо утверждать, что публичность политической

власти в новейших цивилизационных условиях сопровождается отсутствием целостной и формализованной структуры властных институтов, наличием неформальных центров влияния, даже хаотичностью властных отношений. Особенно отчетливо эти тенденции проявляются в области функционирования властных отношений на уровне мировой политики и деятельности транснациональных политических и социальных актеров. Специфические черты публичной политической власти наднационального характера в современном мире предвидят стремление расширить легитимность ряда наднациональных институтов; параллельное функционирование многих центров власти и образования вокруг зон структурного господства. Таким образом, наблюдается трансформация традиционных для природы власти отношений господства-подчинения и их становления на новом уровне мировой политики. Существование новых центров власти становится возможным сегодня и без установления четких вертикальных связей между всеми мировыми политическими институтами [38, с. 68].

В решении практических задач создания эффективных механизмов межкультурного диалога, оновления идеологии международной и мировой политик важная роль принадлежит неправительственным организациям, обладающим организационной структурой, которая позволяет доводить мнение и позиции общественности до международных политических институтов. Рост числа НПО отражает процессы институционализации коллективных и индивидуальных контактов между людьми.

Согласимся с Е. Новаковой, которая утверждает, что функционирование международных неправительственных организаций нарушает государственную монополию на политическое творчество и политическую информацию, активизирует соревнования и конкуренцию на рынке идей. Благодаря их деятельности общество становится более открытым, а деятельность правительственных структур - более прозрачной. Неправительственные организации способствуют формированию общественной позиции относительно ключевых сфер функционирования государства, становятся

эффективной движущей силой интеграционного процесса, формируя общественно-политические основы устойчивого развития [138].

Особый тип неправительственных международных организаций представляют собой транснациональные корпорации, которые обладают значительной автономией в своих решениях и деятельности, способны вносить изменения в международные отношения и отвечают всем признакам влиятельного международного субъекта. ТНК действуют в экономической сфере взаимодействия цивилизаций. Эта сфера в условиях динамичных глобальных изменений в мире наиболее значима для усиления заинтересованности в межцивилизационном диалоге.

Возрастание экономической и политической роли транснациональных компаний в современном мире привело к активизации дебатов о том, в какую сторону их деятельность изменяет традиционный «баланс сил» в системе международных отношений. Важное значение имеют отношения ТНК со странами базирования (т.е. со странами, где они зарегистрированы и/или где размещены их штаб-квартиры) и принимающими странами. ТНК как международные организации, составляющие основу глобализации и участвующие в перегруппировке действующих на международной арене субъектов, по мнению целого ряда ученых, объективно способны влиять на преобразования, касающиеся политической составляющей государственного суверенитета. При этом активность даже тех из них, которые обладают «национальной спецификой», может противоречить интересам собственного государства. По мнению исследователей, участники экономического диалога заинтересованы в устойчивости и благоприятном климате взаимоотношений между цивилизациями. Эта тенденция в перспективе будет усиливаться, составляя основу межцивилизационного диалога [100, с. 187].

В число международных неправительственных организаций (МНПО) входит много различных профессиональных (Международная организация журналистов), спортивных (Международный олимпийский комитет), религиозных (Всемирный совет церквей), гуманитарных (Международный

Красный Крест), экологических (Гринпис) и других организаций. Значимым фактором функционирования МНПО в сфере международной жизни является формирование общественного мнения. Нередко такие МНПО, как, например, Международная федерация по правам человека, называют «международными группами давления», поскольку они, оставаясь вне власти, стремятся оказывать влияние на принятие соответствующих решений. Деятельность подобных структур по столь острым проблемам мирового развития, как сохранение мира и прекращение гонки ядерных вооружений (Пагуошское движение), охрана окружающей среды (Гринпис), в защиту прав женщин (феминистские движения) и т.д., приобретает политический характер. Историческим примером эффективности их действий является факт того, что «Rotary Club» и Международный Красный Крест при подготовке Устава ООН в 1945 году добились включения в него статьи 71, предусматривающей порядок консультаций Экономического и социального совета ООН с неправительственными организациями [163, с. 112].

По мнению исследователей, необходимо вести речь не просто об учете неправительственных объединений в процессе выработки и проведения собственной политики государствами и международными организациями, а об их активном участии в мировых политических процессах, об их направленном воздействии на происходящее, а также на сами «правила игры» [109]. К примеру, многообразие современного мира, проявляющееся в религиозной сфере, и публичный характер конфессионального пространства позволяют рассматривать потенциал религиозных организаций и движений в качестве влиятельной силы в мировых политических процессах. Государства все более активно проявляют заинтересованность в определенной модели конфессиональной составляющей политической практики не только на национальном, но и на международном уровнях.

В большинстве стран мира в последние десятилетия происходит усиление неоднородности конфессионального пространства. В разработке средств смягчения и преодоления религиозного раскола важная роль принадлежит

Всемирному совету церквей (ВСЦ), основанному в 1948 году в Амстердаме и работающему по принципу консенсуса, который означает, что ВСЦ не имеет точки зрения по тем вопросам, по которым нет согласия. Роль совета – предоставлять пространство для высказывания различных церквей по различным вопросам [163, с. 116]. Рост числа мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев в результате межэтнических и конфессиональных конфликтов, голода и природных катастроф привел к заметным изменениям национального состава многих стран, прежде всего в Европе. Происходят реальные изменения и в демографических потенциалах стран и регионов мира.

Вначале XXI века одной из острых глобальных угроз является международный терроризм, который игнорирует национальные границы. Внутренние зоны нестабильности государств, возникшие из-за нерешенности этнических и религиозных конфликтов, создают благоприятную среду для сепаратистов и экстремистов, использующих террористические методы достижения целей. Проблема заключается в довольно высоком уровне политизации вопроса [34, с. 197].

Террористические группы, будучи тесно связанными с организованной преступностью, составляют одну из наиболее серьезных угроз в современном мире, подрывают ценностные основания гуманистического развития современных обществ. Возможности, которые открываются благодаря развитию новых технологий, а также прозрачности границ, используются террористическими формированиями в своих целях. Это позволяет им выступить в качестве самостоятельного субъекта международных отношений [186]. Все большего развития набирают опасные разновидности международного терроризма. Трагический опыт терактов в Нью-Йорке, Мадриде, Лондоне, Москве, Париже и многих других городах показывает, что международный терроризм пытается столкнуть представителей различных культур и цивилизаций, способствует усилению межэтнических и межрелигиозных конфликтов, усугубляет идеологические, надуманные противостояния.

Влияние глобализации на внутренние процессы, происходящие в национальных государствах, проявляется в последние десятилетия в возрастании роли внутригосударственных регионов в системе международных отношений. Во многих странах мира регионы добиваются расширения своих прав и предоставления больших полномочий, диверсификации форм участия в международной деятельности. Часто межрегиональные связи начинают выступать в роли движущей силы межгосударственного взаимодействия, поиска новых идеологических оснований сотрудничества.

Указанные процессы корректируются специфическими условиями каждой страны. По мнению ряда исследователей, административно-территориальные единицы и унитарных, и федеративных государств представляют «региональные властные корпорации» в политическом управлении. Несмотря на то, что внутригосударственные регионы не относятся к субъектам международного права, тем не менее, в рамках полномочий, определенных конституционно-правовыми нормами государств, они участвуют в реализации их внешней политики в таких сферах, как культура, образование, межконфессиональные связи и т.д. [55].

В тоже время, не можем, не согласится с К. Ващенко, который подчеркивает: хотя выработка политики имеет осознанный характер, результаты ее могут отличаться от запланированных целей. Причиной этого могут служить различные ситуации. Политика может проявляться неожиданным для производителей способом через трудность размещения отдельных лиц и организаций на соответствующее заявленной политикой место, таким образом вернув ее в какой-то другое направление. На политику также влияет широкая система властных отношений, независимо от того, что думают или намерены делать создатели политики. Такое положение дел при анализе государственной, как и межгосударственной политики, должно подтолкнуть нас к учету целей и намерений, которые закладывают в политику ее производители [41, с. 5].

Следовательно, рост числа и многообразия негосударственных субъектов международной политики меняет прежнюю картину взаимодействий на мировой арене, вносит новые ценностные ориентации в мировой политический процесс. Международные отношения становятся все более транснациональными и все менее управляемыми. Влияние процессов возрастания негосударственных субъектов на трансформацию системы международных отношений определяет необходимость интегрировать принципы гуманизма, межкультурного диалога как мировоззренческой основы современного мирового развития. В международном сотрудничестве государств необходимо предусматривать новые диалоговые форматы, позволяющие охватывать функциональную среду таких субъектов, появление многих из которых связано с глобальными политическими, социально-экономическими, модернизационными и другими процессами.

1.3. Национальные интересы как источник и движущая сила трансформации идеологии международных отношений

Проблемы идеологии международных отношений обусловлена, прежде всего, потребностью установления таких международных контактов, которые отвечали бы нуждам, интересам человека, современной мировой динамике. Основные характеристики глобального мира формируют стремления к гуманизации, расширению контактов между людьми и государствами, установлению стабильного мирового порядка на демократических началах.

Объективное содержание международных отношений определяется соотношением потребностей и интересов сторон. Наиболее существенно на международные отношения влияют следующие группы интересов: социально-экономические (торговые, производственные и т.д.); политико-идеологические (режим власти, господствующая идеология, религия и т.п.); геополитические (территория, сырьевые и энергетические ресурсы страны, система коммуникаций и т.п.); этнонациональные (интересы сохранения и развития

этносов на традиционной территории заселения, интересы воссоединения разделенных этносов, защита родственных национально-этнических групп, проживающих за пределами территории государства) [76].

Как известно, словообразование «национальный интерес» содержательно состоит из таких понятий, как «нация» и «интерес», однако не сводится к их простой сумме, а представляет собой новое смысловое значение, что выполняет специфическую логико-гносеологическую и мировоззренчески-социальную функцию. Согласимся с украинскими учеными, которые понятие «интерес» (от лат. *interst* – важно) определяют, как форму и способ отношения людей к условиям существования, с целью использования их для собственного развития. Известно, что Гельвеций отмечал, что в любом отдельном сообществе личный интерес является единственным критерием стоимости вещей и личностей. За Кантом, интересом называется удовольствие, которое мы связываем с представлением о существовании вещи, со способностью желания. Для Гегеля интерес является моментом субъективной единичности ее деятельности, при этом ничто не осуществляется вне интереса. Интересы существуют везде, где разворачивается реальная (материальная и духовная) или виртуальная деятельность человека и где между людьми возникают какие-либо отношения. Не является исключением и сфера национального. Отношения, возникающие в ней – национальные отношения – как раз и осознаются людьми как «национальные интересы». В процессе утверждения политической нации они приобретают общее значение, закрепляются идеологически. Совокупность национальных интересов, согласованных между собой и структурированных в целостную систему, образуют «национальную идею» [цит. за 12, с. 341-342].

Национальные интересы охватывают весь спектр жизнедеятельности нации как политического субъекта, шире – субъекта государства и международных (межгосударственных, межнациональных) отношений, еще шире – субъекта мировой истории. Национальные процессы в конце XX - начале XXI века приобрели чрезвычайно противоречивый и часто

конфликтный характер. Проникновение в их сущность непосредственно связано с уточнением содержания понятия «нации».

Известно, что мировая литература не имеет единого мнения относительно содержания этого понятия. Существуют географические, биологические, психологические и т.д. определения нации. Все это свидетельствует о ее многомерности, невозможности охватить каким-то одним определением.

Как отмечает профессор В. Андрущенко, «материальное и духовное, психологическое и этническое, социальное и культурное являются равнозначны факторами формирования такой уникальной общности людей, которая в концентрированном виде охватывается понятием «нации». В каждом конкретном случае действие факторов, из-за осознания которых формируются своеобразные интересы, «стягивают» людей в нации, разное. Общим, генерализующим является лишь то, что указанные факторы в своей совокупности создают объективные предпосылки объединения людей и их субъективное - чувственное, рациональное, интуитивное освоение формирует нацию. Таким образом, В. Андрущенко трактует «нацию» «как общность людей, которая формируется благодаря единству материальных, экономических, социокультурных, политических, этнических и психологических интересов, уровень развития и рационально-чувственное освоение которых разворачивает поле бытия национального, его историю, настоящее и перспективу» [12, с. 342-343].

Понимание изменений идеологии международных отношений видится не полным без раскрытия проблем ценностных ориентаций и преобладающих интересов, потребностей субъектов и объектов таких отношений. В то время, когда современные политологи в центр исследований многих актуальных политических феноменов и процессов, ставят именно категорию интереса, проблема во многом не раскрыта относительно места многообразных интересов в системе ценностно-мировоззренческих оснований международных интересов.

Как известно источником и движущей силой международных отношений являются национальные (государственные) интересы. Известная цитата

У. Черчеля: «У Англии нет постоянных врагов и постоянных союзников, у нее есть только постоянные интересы» [208] отражает сущность деятельности любого государства на мировой арене.

Известный представитель политологических исследований современных проблем интересов и ценностей в украинском обществе В. Сиренко критикует интерпретацию интереса как субъективного явления, поскольку его нельзя понять в отрыве от объективных факторов и условий жизнедеятельности субъекта, но чисто объективистская интерпретация отрывает интерес от носителя. Поэтому интерес выступает как объективно-субъективное явление: объективность заключается в том, что эта связь и необходимость удовлетворения потребности выступают против воли и сознания субъекта; субъективность интереса заключается в том, что субъект осознает или инстинктивно чувствует необходимость удовлетворения потребности и ищет путей и средства для этого [167, с. 34-37].

В научной литературе национальные интересы разделяются традиционно на внутренние и внешние. Хотя, заметим, такое разделение в известной степени условно, поскольку любой национальный или национально-государственный интерес имеет, как правило, внутренние и внешние аспекты. Термин «национальный интерес» появился еще в XVI веке. В теории международных отношений это понятие употребляется преимущественно в сфере внешней политики и воспринимается в понимании «государственный, народный, всенародный». В научное обращение эта категория вошла сравнительно недавно, поскольку лишь в 1935 году была включена в Оксфордскую энциклопедию социальных наук [152, с. 264].

В зависимости от степени влияния на экономическую, политическую, военную, научно-техническую и другие сферы функционирования государства национальные интересы можно классифицировать за степенью важности как жизненно важные, второстепенные, критические, а за степенью стойкости – стратегические, оперативные, тактические.

Формирование жизненно важных интересов происходит в течение исторического становления нации-государства как субъекта международной политики. К ним можно отнести такие интересы, как поддержание и сохранение территориальной целостности страны, защита ее границ, суверенитета; создание и обеспечение системы национальной безопасности; интеграция в систему региональной и глобальной безопасности; реализация широкомасштабных программ ликвидации последствий техногенных катастрофы и образования эффективной системы безопасности; интеграция в мировое экономическое и политическое сообщество, создание благоприятных условий для привлечения заграничных инвестиций, сохранения старых и поиски новых путей доступа к стратегически важным для экономики ресурсам; поддержка процессов социально-культурного и духовного возрождения основ национальной государственности народа, его самобытности.

Оперативные (среднесрочные) интересы, которые возникают при решении отдельных проблем для дальнейшей реализации стратегических интересов, выступают в качестве средства внедрения в жизнь стратегических заданий государства. Тактические интересы, которые выступают в качестве средства внедрения в жизнь оперативных интересов, как правило, краткосрочные и с решением оперативных интересов исчезают.

Национальные интересы, по мнению В. Кириченка, это интегральное выражение интересов всех членов общества, которое реализуется через политическую систему. Они сочетают интересы каждого человека, общества в целом. При этом имеются в виду интересы не вообще граждан, которые принадлежат к данному обществу, а каждого гражданина в частности, интересы национальных, социальных, политических групп и интересы государства. Национальные интересы, считает вышеупомянутый автор, не тождественные интересам нации, потому что первые отображают (интегрируют) интересы всех людей независимо от национальной принадлежности, а вторые – лишь интересы определенной нации [83, с. 118].

Категория «национальные интересы» в определенной степени корреспондируется, по мнению многих исследователей, с категориями «индивидуальные», «общечеловеческие» и «государственные» интересы [115, с. 108]. Проблема исследования содержания интересов участников международных отношений остается одной из самых сложных, поскольку их изучение и до сих пор основывается больше на интуитивных рассуждениях ученых, чем на бесспорных и доказательных аргументах [119, с. 183]. Закон Украины «Об основах национальной безопасности Украины», принятый 2003 году, определяет национальные интересы как жизненно важные материальные, интеллектуальные и духовные ценности Украинского народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Украине, определяющие потребности общества и государства, реализация которых гарантирует государственный суверенитет Украины и ее прогрессивное развитие [68].

Научный подход к определению национальных и национально-государственных интересов, бесспорно, должен учитывать исторические, социально-политические и экономико-географические факторы функционирования нации. Исходным принципом при этом является четкое понимание того, что представляет собой современная нация в узком значении как этнически однородное сообщество граждан определенной национальности, которые проживают в стране, и в широком значении – как открытое полиэтничное сообщество, исторически сложившиеся на территории государства, которая осознает себя народом, а ее члены – гражданами своей страны, то есть речь идет о политической нации [193, с. 12–87].

Национальный интерес содержит две стороны: объективную и субъективную. Объективная относится ко всему тому, что касается государства, как организующего национального начала, в его основных связях (внутри и вовне). Внешние предпосылки включают геополитическое положение государства, его традиционное место и роль в структуре межгосударственных отношений, его место и роль в системе безопасности,

союзные отношения и обязательства, место и роль в системе международных экономических отношений и в мировой торговле. Внутренние – уровень экономического развития, стабильность социально-экономического и политического положения в стране, потребность в ресурсах, экономический и военный потенциал. К субъективной стороне национального интереса относятся, прежде всего, мировоззренческие позиции руководства государства, обуславливающие характер восприятия им объективной действительности, как внутренней, так и внешней. Именно от этого восприятия в значительной мере зависит смысл, вкладываемый в понятие национального интереса, равно как и конкретное содержание основывающейся на нем внешнеполитической деятельности соответствующего государства [1].

Обычно выделяют два уровня национальных интересов государства в сфере международных отношений: уровень главных (приоритетных) внешнеполитических интересов и уровень специфических (второстепенных) внешнеполитических интересов. Первый уровень подразумевает, если можно так выразиться, высшую сферу внешнеполитической деятельности государства. В соответствии с непрерывно меняющимися объективными условиями, в мире меняется и конкретное содержание внешней политики государства, направленной на защиту этих интересов, форма их выражения, средства их реализации, но сами интересы обеспечения целостности и независимости государства, а тем самым и нации, обеспечения их безопасности и расширения жизненного пространства сохраняются во все времена. Второй уровень отражает отдельные, относительно честные по сравнению с главными, хотя и важные сами по себе интересы государства в сфере межгосударственных отношений. Специфические внешнеполитические интересы находятся, так или иначе, в зависимости от главных и диктуются ими. В то же время они относительно самостоятельны, определяют цели и задачи внешнеполитической деятельности государства по отдельным её направлениям и служат ему руководством к практическим шагам в соответствующих сферах международных отношений.

Общепризнанным является то, что политическая независимость государства, его территориальная целостность, фундаментальные общественные институты должны защищаться любой ценой – это не только необходимость, но и дело чести государства. Во многом именно от того, насколько успешно оно решает эти задачи, зависит его внутренняя крепость и международный престиж. Кроме того, от того, насколько верно определен государственный интерес и насколько последовательно он отстаивается, зависит не только благосостояние нации и государства, но и само их существование [1].

Наиболее сложно найти «формулу» национального интереса для общества, меняющего парадигму собственного развития или же расколотому по социальному, этническому или географическому признаку, иначе говоря для общества, где не сложился или разрушился консенсус большинства по коренным вопросам его жизни и развития. Характерным примером «расколотого» общества выступают США середины XIX века. В формально одном государстве фактически сложились два с совершенно различными типами экономического развития (индустриально-капиталистический Север и аграрно-рабовладельческий Юг) и соответственно, по-разному понимаемыми национальными интересами. Решить этот конфликт США удалось только пройдя через гражданскую войну, в ходе которой промышленный Север сломил сепаратизм Юга, обеспечил сохранение единства страны.

Смена парадигмы внутреннего развития – переход от тоталитаризма к демократии, например, хотя может и не сказываться на геополитическом положении государства, также вызывает пересмотр взглядов на содержание его национальных интересов. Так, для тоталитарного государства свойственно стремление к максимально высокой степени контроля над всеми сферами жизни общества, в том числе и экономической. Безопасным и стабильным считается лишь такое развитие, которое обеспечивается собственными ресурсами, на базе полной (в крайнем случае – частичной) автаркии. Переход к демократии и рыночной экономике, как правило, порождает стремления к

открытости, участию в международном разделении труда, формированию отношений взаимозависимости в экономической сфере с другими государствами, которая в тоталитарном обществе воспринимается как односторонняя зависимость, угроза национальной безопасности.

Сказанное в полной мере касается актуальных проблем пересмотра идеологических оснований международных отношений на примере стран Центральной Азии. Как замечает Т. Ляшенко, всеобъемлющий процесс трансформации здесь включает в себя одновременно демократизацию общественной и политической жизни, создание рыночной экономики, рост национального самосознания и укрепление суверенитета государства, возрождение исламской культуры, создание национальных и региональных систем безопасности, участие в международном разделении труда и международном политико-правовом процессе [112, с. 254].

По мнению ученых, проблема здесь состоит в том, что концепция национального (национально-государственного) интереса формулируется и может быть реализована только как общенациональная доктрина, разделяемая и поддерживаемая большинством общества. Однако на практике такой полный консенсус труднодостижим по следующим причинам [108].

Во-первых, в оценке объективных параметров и реальностей, лежащих в основе определения национальных интересов, неизбежно присутствует элемент субъективизма, бремя воззрений и суждений прошлого, идеологические мотивы, влияющие на менталитет даже наиболее дальновидных лидеров и теоретиков. Соответственно, у оппозиции проводящемуся курсу всегда есть возможность поставить под сомнение адекватность избранной доктрины объективному содержанию национальных интересов.

Во-вторых, на политический выбор государства влияют различные группы давления, отражающие объективно существующие в большинстве обществ расхождения в определении внешнеполитических приоритетов государства, содержания его национальных интересов. Подобные расхождения присущи не только «расколотым», но и нормально развивающимся странам,

они связаны, например, со спецификой интересов различных социальных, половозрастных, этнических, конфессиональных групп, различных фракций деловых кругов (например, военно-промышленное или «аграрное» лобби в США), особенностями развития отдельных регионов внутри государства (в США, например, существует специфика интересов правящих элит тихоокеанских и атлантических штатов).

Гибкость в определении содержания национальных интересов, выборе средств и методов их реализации становится особенно актуальной. Это обусловлено развитием региональной и глобальной взаимозависимости государств и народов в вопросах обеспечения военной безопасности, защиты экономических интересов, решении экологических проблем.

С одной стороны, взаимозависимость вносит свои коррективы в выбор средств и методов обеспечения национально-государственных интересов. Современное оружие исключает возможность обеспечения безопасности народа и общества односторонними усилиями, недостаточным оказывается и участие в военных союзах. Безопасность одного государства неразрывно связывается со всеобщей безопасностью обеспечиваемой коллективными усилиями всего мирового сообщества, обеспечением господства в международных отношениях силы права, а не права силы. Экономическая стабильность, включая устойчивость курса национальной валюты также оказывается в зависимости от состояния международной экономики в целом. Сохранение среды обитания человека в отдельных государствах – от способности других проводить экологически рациональную политику [63].

Все это свидетельствует о том, что национальные интересы могут быть реализованы не односторонними, а совместными действиями государств, уважающих интересы друг друга, решающих их коллизии мирными средствами, с соблюдением общих, единых для всех правовых норм. Инструментами защиты национально-государственных интересов все чаще становятся международные организации, которым их участники добровольно

передают права и полномочия, вытекающие из своей суверенности как субъектов межгосударственных отношений.

Таким образом, национальные интересы реализуются государством через государственные интересы, которые могут иметь самостоятельный характер (интересы власти) и не совпадать с национальными интересами (например, интересы правительства или других элементов власти – законодательной или судебной – могут отличаться от национальных интересов). Национальные интересы дают возможность государству проводить активную внутреннюю и внешнюю политику. Это приводит к формированию реальной государственной политики, пропаганды базовых национальных интересов и внешнеполитических приоритетов, и продвижение их во внутренней и внешней политике. Осознание национальных интересов элитой, политическими силами и гражданами способствует консолидации нации.

1.4. Феномен «холодной войны» как идеология конфронтации и недоверия: теоретико-методологические аспекты исследования

Как верно предусмотрели украинские авторы, не смотря на существенные социальные трансформации последних лет, небезопасно поддаваться эйфории по поводу окончания «холодной войны», тем более, что в разных регионах мира продолжают пусть и локальные, но «горячие войны», которые забирают человеческие жизни. В свете проблем Центральной Азии, Ближнего Востока, Балкан, Чечни, все абстрактные размышления о новом гуманизме изменяются. Нужно достичь такого состояния общества, как «дифференцированная интеграция», «мир миров», которое реализует себя в принципе дополнения. Здесь нужно учитывать и антигуманные настроения, но баланс интересов нужно реализовать в гуманистических формах, с учетом эволюционных процессов, идей совместного развития, совместного движения разных структур к новому состоянию жизнедеятельности [11, с. 75].

В формировании теоретико-методологических оснований исследования идеологии международных отношений важное место принадлежит феномену «холодной войны», как философии недоверия и конфронтации. Холодная война предстает самым гигантским в истории человечества международным противоборством. В нем использовались многообразные и мощнейшие средства, порожденные научно-технической революцией, оно пронизывало все сферы жизни государств, обществ, людей в масштабах планеты. Итоги ее поразительны: исчезли с карты мира СССР и «социалистическое содружество», объединявшее более десяти стран Европы и Азии. На их месте образовалось около 20 новых государств.

Исследователи дают разные определения сути холодной войны: антагонизм, крайней остроты конфликт, система конфронтационных (враждебных) отношений между двумя сверхдержавами без развязывания вооруженной борьбы друг с другом, «мир, чреватый войной», «чередa кризисов, ставивших мир перед прямой угрозой ракетно-ядерной войны», противоборство на грани мира и войны [202, с. 34, 127, 368].

Данные определения отражают важные особенности холодной войны: системный антагонистический конфликт, в ходе которого возникают одна за другой ситуации, когда на первый план выходит угроза ядерной войны, но в конце концов они разрешаются, чтобы уступить место новым обострениям и кризисам. Исследователи едины в том, что этот конфликт разворачивается в основном в рамках мирных отношений, крайне неустойчивых и шатких. Пики напряженности сменяются ее разрядкой, активизацией переговорных процессов, которые прерываются очередным всплеском открытой враждебности. Нередко на территории гигантского пространства борьбы сторонами развязывались или провоцировались локальные «горячие» войны, затухавшие, как только начинал маячить призрак ядерной войны или непосредственного военного столкновения сверхдержав с применением обычного оружия. Локальные войны и вооруженные конфликты –

неотъемлемые элементы такого явления, как холодная война, как и предотвращение их перерастания в глобальный военный взрыв [131].

С позиции характеристики идейных основ международных отношений Холодную войну можно условно разделить на 4 периода.

В первом её периоде (1946–1962 гг.) наблюдалась крайняя острота противостояния двух центров биполярного мира. В марте 1946 г. была произнесена речь У. Черчиллем в Фултоне, в которой содержался призыв защитить всеми возможными средствами западный мир от «распространения влияния СССР». В своей речи он откровенно осуждал политику коммунистических государств, открыто говорил о «железном занавесе», «сфере советского влияния», «давления» [208, с. 469–470]. В феврале 1947 г. принята «Доктрина Трумэна», которая перечисляла меры по «спасению Европы от советской экспансии» (включая создание сети военных баз вблизи советских границ). Главными доктринами на то время были доктрины «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма. Период также ознаменовался созданием просоветского блока восточноевропейских стран, воспроизведение в этих странах советской модели развития. По ту сторону «железного занавеса» господствовал сталинский диктат, а во внутренней и внешней политике стран социалистического лагеря, проводилась политика чисток, репрессий, расстрелов. Произошло также создание НАТО, Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора.

Данный период был ознаменован противостоянием двух военно-политических блоков и наращивание вооружений, в том числе ракетно-ядерных, конфликтами и войнами в Юго-Восточной Азии (Корея, Вьетнам), на Ближнем Востоке, в которых прямо или косвенно участвовали США и СССР. В 1962 г. Карибский кризис стал высшей точкой военно-стратегической нестабильности в международных отношениях второй половины XX века. Он обозначил рубеж окончания политики «балансирования на грани войны». Наступила эра «конфронтации по правилам», где международные противоречия вылились в жёсткое, но мирное политическое, экономическое и военно-

технологическое соперничество [199]. Борьба с распространением ядерного оружием начала принимать новые формы, например, в виде объявления отдельных регионов мира безъядерными: район Антарктики по Договору 1959 г. (позже статусом безъядерных зон были наделены Латинская Америка по Договору Тлателолко 1967 г.; Южная часть Тихого океана Договор Раротонга 1985 г.; Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор 1995 г.); Африка (Договор Пелиндаба 1996 г.); Средняя Азия (Семипалатинский договор 2007 г.).

Международная стабильность стала основываться на взаимном страхе перед угрозой применения ядерного оружия. В эти же годы шли переговоры о сокращении обычных вооружений. Появилась и новая проблема, связанная с освоением космического пространства, которое, по мнению большинства стран, не должно было стать ареной гонки вооружения.

Второй период холодной войны (1962–1979 гг.) известен как период разрядки международной напряжённости. Заключались договоры между ФРГ и СССР, Польшей, ГДР, Чехословакией; соглашение по Западному Берлину, первые советско-американские договоры об ограничении вооружений (ПРО и ОСВ). В 1975 г. прошло Совещание в Хельсинки по безопасности и сотрудничеству в Европе, где предпринимались попытки обеспечить мирное сосуществование двух систем и обсудить его сложности и противоречия, достигнуть военно-политический паритет между СССР и США.

В конце 60-х годов международные отношения в Европе характеризовались поисками путей к ослаблению обстановки международной напряженности. Политика силы в условиях военно-стратегического паритета оказалась бесперспективной. В правительствах западных стран стала пробивать себе дорогу идея переговоров, обозначился поиск путей к безопасности через сотрудничество и обеспечение доверия в Европе [171]. В Хельсинки были зафиксированы принципы взаимоотношений между государствами: уважение прав, принципа суверенности государств, неприменение силы или угрозы силой, нерушимость границ, территориальная целостность государств, мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела, уважение прав

человека и основных свобод, сотрудничество между государствами, добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) сыграла важную роль в создании и установлении новых норм для международного сообщества, положило начало процессу создания системы институтов и процедур, призванных упрочить приверженность этим нормам. Заключительный акт ОБСЕ не имел обязательной юридической силы для подписавших его государств, однако стал неформальным пактом о ненападении в Европе, который определил принципы взаимодействия на международной арене и расширил пути для экономического сотрудничества [141].

Третий период холодной войны (конец 70-х – середина 80-х гг.(1979–1985 гг.)) известен как конец разрядки, ознаменован новым обострением международного противостояния двух систем. В это время заметно ухудшились советско-американские отношения, возник новый виток гонки вооружений. Представлена американская программа стратегической оборонной инициативы (СОИ) и так называемая «доктрина Брежнева» – ограничение суверенитета стран социалистического лагеря, что вызвало усиление трений внутри него. Заметен также рост вмешательства США в политику стран Ближнего Востока и Латинской Америки, ввод советских войск в Афганистан. Этот период ознаменован началом кризиса мировой социалистической системы и продолжения политики холодной войны.

В международных отношениях снова стала возрастать роль силы. США и страны НАТО, в особенности, не опасаясь противодействия Советского Союза, стали шире использовать силу для отстаивания своих интересов в региональных и локальных конфликтах, делая это под лозунгами защиты демократии и прав человека. Значительное место в международных отношениях стало занимать «миротворчество», под которым понималось применение странами международного сообщества многообразных, в том числе и силовых мер для прекращения кровопролития в отдельных конфликтах. Среди этих мер особое внимание стало уделяться такому инструменту, как «гуманитарная

интервенция», т.е. вооружённое вмешательство в конфликт третьих стран, как правило, многостороннее, предпринимаемое коалициями государств из гуманитарных побуждений [10].

Последний период холодной войны (1985–1991 гг.) – это распад биполярной системы. М. Горбачёв провозглашает «новое политическое мышление» в СССР, вводя в обиход советских граждан слова «гласность» и «перестройка». В 1989 г. проведён вывод советских войск из Афганистана. Подписание в Париже «Хартии для новой Европы» в 1990 г. провозгласило окончание полувековой эры противостояния двух держав. Период характеризовался большим количеством попыток прийти к компромиссу по вопросу о сокращении ядерных вооружений.

В 1989–1990 гг. в СССР признана нерентабельность СЭВ, начат переход на рыночные цены в торговле с восточноевропейскими странами, однако коммунистические режимы стран Восточной Европы не хотели следовать примеру реформ в СССР. М. Горбачёв признал неизбежность распада социалистического лагеря, вынужден был признать, что ситуация в стране требовала изменения внешнеполитического курса. Ресурсы и возможности страны реализовывать прежнюю политику на международной арене были ограниченными. Москва отказалась поддерживать восточноевропейских коммунистов в вопросах внутренней политики их стран. Коммунистические режимы в Восточной Европе стали разрушаться.

С саморазрушением СССР перестала существовать структура биполярной системы, хотя ее последствия и сформированная ею среда продолжали ощущаться в международных отношениях еще несколько лет. Ликвидация мировой системы коммунизма привела к унификации правил международного взаимодействия, мир стал превращаться в «глобальное общество».

Противостояние двух соперников в «холодной войне» завершилось неожиданным для большинства аналитиков распадом Советского Союза и укреплением позиций США. Возможности «победившего» блока западных стран для реализации собственных интересов в мире резко возросли. На наш

взгляд, окончание холодной войны вряд ли корректно оценивать в терминах победы и поражения, как бы того не хотелось многим. Скорее, следует говорить, что завершился очередной этап в развитии международных отношений. 90-е годы XX века открыли перед бывшими противниками новые возможности реализации своих исторических амбиций.

Таким образом, холодная война – это напряженнейшее политическое, дипломатическое, социально-экономическое противоборство в условиях военно-стратегического баланса сил и постоянной угрозы перерастания его в третью мировую войну с применением ядерного оружия. В нее было втянуто большинство стран мира на всех континентах. Сторонами преследовались цели, затрагивающие коренные интересы сотен миллионов людей, большинства человечества. До максимальной возможности использовались все средства борьбы при ограничении и сдерживании применения военных сил. Размах войны был обусловлен характером эпохи, расколом мира на противоположные системы. Она была изнурительной для всех участников мирового сообщества и поглотила гигантские материальные и духовные ресурсы.

Характеризуя идеологию международных отношений периода «холодной войны», следует раскрыть основные противоречия присущие данному периоду. Послевоенное мироустройство предполагалось основать на идее сотрудничества держав-победительниц и поддержании их согласия в интересах такого сотрудничества. Роль механизма выработки этого согласия отводилась ООН, Устав которой (подписан 26 июня 1945 г.) провозгласил целями не только поддержание международного мира, но и содействие реализации прав стран и народов на самоопределение и свободное развитие, поощрение равноправного экономического и культурного сотрудничества, воспитание уважения к правам человека и основным свободам личности. ООН была предначертана роль всемирного центра координации усилий в интересах исключения из международных отношений войн и конфликтов путем гармонизации отношений между государствами. Но ООН столкнулась с невозможностью обеспечить совместимость интересов своих ведущих членов.

Вот почему на деле главной функцией ООН, с которой она успешно справилась в рамках ялтинско-потсдамского порядка, было не совершенствование международной действительности и содействие распространению морали и справедливости, а предупреждение вооруженного столкновения между СССР и США, устойчивость отношений между которыми была главным условием международного мира на протяжении второй половины XX века.

Анализируя научную литературу можно определить такие противоречия периода «холодной войны».

Во-первых, ялтинско-потсдамский порядок не имел прочной договорно-правовой базы. Договоренности были либо устными, официально не зафиксированными и долгое время остававшимися секретными, либо закрепленными в декларативной форме, в отличие от Версальской конференции, сформировавшей мощную договорно-правовую систему. Это делало ялтинско-потсдамские договоренности уязвимыми для критики и ставило их действенность в зависимость от способности заинтересованных сторон обеспечить фактическое их исполнение не правовыми, а политическими методами и средствами экономического и военно-политического давления. Элемент регулирования международных отношений при помощи угрозы силой или путем ее применения был контрастней выражен и имел большее практическое значение, чем акцент на дипломатических согласованиях [170].

Во-вторых, после Второй мировой войны возник резкий отрыв СССР и США от всех остальных государств по совокупности своих военно-силовых, политических и экономических возможностей и потенциалу культурно-идеологического влияния. Если для многополярной структуры международных отношений была типична примерная сопоставимость совокупных потенциалов нескольких главных субъектов международных отношений, то после Второй мировой войны мир стал биполярным [19].

В-третьих, послевоенный порядок был конфронтационным. Под конфронтацией понимается тип отношений между странами, при котором действия одной стороны систематически противопоставляются действиям

другой [152, с. 328]. В таких условиях международные отношения приобрели характер напряженного, временами остроконфликтного, взаимодействия, пронизанного подготовкой главных мировых соперников к отражению гипотетического взаимного нападения и обеспечению своей выживаемости в ожидаемом ядерном конфликте. Это породило во второй половине XX в. гонку вооружений невиданных масштабов и интенсивности.

В-четвертых, эпоха ядерного оружия внесла дополнительную конфликтность в мировые процессы и способствовала появлению во второй половине 60-х годов XX в. особого механизма предупреждения мировой ядерной войны – модели «конфронтационной стабильности». Ее негласные правила, сложившиеся между 1962 и 1991 гг. оказывали сдерживающее влияние на международную конфликтность глобального уровня. Сложились новая и по-своему оригинальная концепция взаимного ядерно-силового сдерживания и основанные на ней доктрины глобальной стратегической стабильности на базе «равновесия страха» [166, с. 227–239].

В-пятых, послевоенная биполярность приобрела форму политико-идеологического противостояния между «свободным миром» во главе с США (политическим Западом) и «социалистическим лагерем», руководимым Советским Союзом (политическим Востоком). Хотя в основе международных противоречий чаще всего лежали геополитические устремления, внешне советско-американское соперничество выглядело как противостояние политических и этических идеалов, социальных и моральных ценностей. Идеалов равенства и уравнительной справедливости – в «мире социализма» и идеалов свободы, конкурентности и демократии – в «свободном мире».

Острая идеологическая полемика приносила в международные отношения дополнительную непримиримость в спорах. Она вела к взаимной демонизации образов соперников – советская пропаганда приписывала США замыслы по части уничтожения СССР точно так же, как американская – убеждала западную общественность в намерении Москвы распространить коммунизм за весь мир, разрушив США как основу безопасности «свободного

мира». Наиболее сильно идеологизация сказывалась в международных отношениях в 40-50-х годах XX в. Позднее идеология и политическая практика сверхдержав стали расходиться таким образом, что на уровне официальных установок глобальные цели соперников по-прежнему интерпретировались как непримиримые, а на уровне дипломатического диалога стороны научились вести переговоры, пользуясь неидеологическими понятиями и оперируя геополитическими аргументами. Тем не менее, именно идеологическая поляризация оставалась важной чертой международного порядка [105].

В-шестых, в области экономики противоречие выразилось в реализации плана Маршалла, разработанного уже к весне 1947 г. Условия получения американской финансовой и технологической помощи были сверхжесткими – от одностороннего снижения таможенных тарифов для обеспечения свободного доступа американских товаров до строительства военных баз США на территории стран-получателей помощи. В итоге этот план стал прототипом советского варианта – Совета экономической взаимопомощи (1949 г.) [9].

Таким образом, указанные противоречия свидетельствуют о сложном характере международных отношений периода холодной войны. Их разрешение привело к развалу СССР и уничтожению геополитического потенциала Советского Союза как великой державы; разрушению мировой социалистической системы, её военно-политической (Организации Варшавского Договора) и экономической (Совета экономической взаимопомощи) организаций; глубокой фрагментации центрально-евразийского пространства путём образования на территории бывшего СССР независимых государств с суммарным геополитическим потенциалом, намного уступающим соответствующему потенциалу СССР; образованию единой Германии и т.д.

Тем не менее, сегодня реанимация идеологии «холодной войны» особенно ощутима. Эта категория, что некоторое время пребывала в латентном состоянии, все же проявлялась через определенную символику, политические жесты, образы, сюжеты и подобное. Лишь в последнее время термин стал активно использоваться в результате возвращения многих фантомов прошлого,

развития конфронтации, взаимного неуважения народов и обществ. Обострение инстинкта агрессии, потребности самоутверждения, подчинения, реанимация имперских амбиций приобретают форсированных темпов развития, в частности в свете современного украинско-российского конфликта.

Идеология «холодной войны» включает цели, стратегию, тактику, оперативные действия, средства, методы, источники реализации. Это явление имеет комплексный открытый или скрытый характер, целенаправленное воздействие, включает систему методов и средств давления на людей, их жизни, психику, поведение, ресурсы, политико-культурные ценности с целью достижения поставленной цели, защиты и даже изоляции собственного информационного и политико-культурного пространства. Идеологию реанимации «холодной войны», как сложное явление, в наше время стоит рассматривать на разных уровнях познания: как социальное явление и форму современной между цивилизационной коммуникации; как способ взаимоотношений на геополитическом уровне; как аргументацию особого политического конфликта международной арены; как форму психологического воздействия на противника; как инструмент мировой политики. Идеологические предпосылки холодной войны во многом составляют сущность глобального феномена информационно-психологической войны, при том отделить их друг от друга иногда невозможно [см. напр. 81; 120]. В понимании этой проблемы важно выделять особенности применения и масштабы использования тех или иных средств, механизмов и технического вооружения войны, дополнения его психологическими манипулятивными технологиями.

Современное противостояние имеет комплексный характер, затрагивает все сферы общественной жизни. Идеология «холодной войны», ее возвращения в систему международных отношений неким образом говорит о закономерностях политики, особенностях повторения, цикличности политических событий и процессов. Закон цикличности политических процессов, который действует в политической жизни общества, в международных отношениях также включает в себе все особенности

закономерностей политики, которые имеют специфический характер. Они проявляют себя как тенденции, реализуются только в деятельности значительного количества людей, зависят от многих факторов, требуют учета большого количества противоречивых тенденций, в том числе и случайных факторов, имеющих объективный и субъективный характер. Тенденции служат формой проявления законов, их приближения. В одном и том же общественно-политическом явлении могут содержаться разные, порой и противоположные тенденции. Именно в тенденциях общественно-политического развития оказывается диалектика возможного и действительного.

Следует принять к вниманию оригинальную связь политических процессов с характером политического субъекта, его сознание, предпочтения, культуру. Поэтому законы политической жизни проявляются через политическое поведение людей, а сами законы действуют как тенденции. В то же время их познания позволяет выявить установившиеся связи, долговременные тенденции, которые определяют ход политических процессов и событий. Исходя из такого понимания законов политики вывод о возвращении к «холодной войне» в современной мировой политике не является таким уж пессимистическим.

В то же время, «холодная война» и расширения горизонтов ее влияния ставит на современной повестке дня новые вопросы и формирует новые вызовы для актеров мирового пространства, проверяя на прочность и оперативность их способность реагировать на них, освещая лидеров и аутсайдеров цивилизационного развития.

Выводы к первому разделу

Рассмотрев теоретические и методологические основы решения исследуемой проблемы можно сделать следующие выводы.

Во-первых, международные отношения – это отношения по поводу самых разнообразных сторон развития социума. Сотрудничество или противоборство,

взаимопонимание или взаимное неприятие, совместные интересы или расходящиеся ценностные ориентиры – все это может касаться различных сторон бытия и соответствующим образом проявляться в международной системе. Особенность ее современного состояния – в том, что она значительно более энергично, чем раньше, абсорбирует все это разнообразие социальной материи. Таким образом, идеологические основания международных отношений и само понятие «международные отношения» приобретают все более многоплановый, многопрофильный характер и могут развиваться одновременно (и не обязательно параллельно) в нескольких плоскостях; становясь менее однозначно ориентированными и более поливалентными. Обобщая высказанные в научной литературе позиции, можно говорить о различных типах, видах, уровнях и состояниях международных отношений. С позиций геополитического критерия выделяют глобальные, региональные, субрегиональные международные отношения, а также уровень международного взаимодействия. С точки зрения ценностного, политико-культурного контекста нужно обратить внимания на состояние стабильности и нестабильности, доверия и вражды, сотрудничества и конфликта, мира и войны и т.п.

Во-вторых, необходимой составляющей международных отношений, являются их участники, а по существу субъекты и объекты международных отношений. Объективно-субъективный характер международных отношений выражается в том, что они представляют собой как объективную реальность, так и ее отражение, оценку в сознании людей. Эти стороны международных отношений активно взаимодействуют. Наиболее существенно на международные отношения влияют социально-экономические, политико-идеологические, геополитические, этнонациональные группы интересов. В свою очередь, коллективными субъектами международных отношений являются государства. Кроме того, в системе международных отношений существенную роль играют и негосударственные образования. Рост их числа и многообразия меняет прежнюю картину взаимодействий на мировой арене. Международные отношения становятся все более транснациональными и все

менее управляемыми. Все это определяет необходимость интегрировать принципы межкультурного диалога как мировоззренческой основы современного мирового развития. В международном сотрудничестве государств необходимо предусматривать новые диалоговые форматы, позволяющие охватывать функциональную среду таких субъектов, появление многих из которых связано с глобальными политическими, социально-экономическими, модернизационными и другими процессами.

В-третьих, источником и движущей силой международных отношений являются национальные интересы, которые реализуются государством через государственные интересы. Последние могут иметь самостоятельный характер (интересы власти) или не совпадать с национальными интересами (например, интересы правительства или других элементов власти могут отличаться от национальных интересов). Национальные интересы дают возможность государству проводить активную внутреннюю и внешнюю политику. Это приводит к формированию реальной государственной политики, пропаганды базовых национальных интересов и внешнеполитических приоритетов, и продвижение их во внутренней и внешней политике. Осознание национальных интересов элитой, политическими силами и гражданами способствует консолидации нации.

В-четвертых, в формировании теоретико-методологических оснований исследования идеологии международных отношений важное место принадлежит феномену «холодной войны», как философии недоверия и конфронтации. Такой размах войны был обусловлен характером эпохи, расколом мира на противоположные системы. С позиций цивилизационного подхода, идеологию «холодной войны» можно рассматривать как определенный этап в развитии международных отношений. Завершение этого периода открыло новые возможности для изменений ценностных оснований международных отношений в контексте глобальных вызовов современности. В то же время отмечен современный возврат к напряженному политическому, дипломатическому, социально-экономическому противоборству в условиях

военно-стратегического баланса сил и постоянной угрозы перерастания его в третью мировую войну с применением ядерного оружия.

Подводя итоги, следует отметить, что основу идеологии международных отношений составляют пространственно-временные характеристики политических явлений и процессов – локальных (национальных), региональных, глобальных. Это находит отражение не только в ускорении политического времени и сжатии политического пространства, но и в смене темпоритма политической жизни, очередности этапов политических процессов и т.п. Мир теряет былую устойчивость, в то время как транзиторность и процессуальность приобретают все большее значение в политической, да и не только политической жизни. Происходит интенсивное размывание границ между внутренним и внешним в политической жизни, что находит прямое отражение в толковании проблемы государственного суверенитета, возможности осуществления так называемых гуманитарных интервенций и границ допустимого с точки зрения международного права вмешательства одного государства в дела другого. Все более относительными становятся понятия «центра» и «периферии» в политической жизни, по-новому осмысливается сущность международных отношений как феномен политического бытия.

РАЗДЕЛ 2

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

2.1. Основные изменения современного мира и их влияние на систему, и идеологию международных отношений

Определив международные отношения как отношения между государствами и негосударственными субъектами, проанализировав их идеологическую основу периода «холодной войны» как идеологию недоверия и конфронтации, следует обратить внимание на изменения в современном мире в эпоху глобализации и информационной революции. Основные изменения современного мира и их влияние на систему международных отношений связаны с несколькими векторами, среди которых разрушение биполярной системы мира и усиление его нестабильности, глобализация (в том числе и глобальные проблемы человечества), регионализация (как образование новых очагов влияния и рассеивание центров принятия решений).

Конец второго – начало третьего тысячелетия совпали с глобальной трансформацией общества, преобразованием всего существующего миропорядка. Новое мироустройство – предмет пристального внимания политиков и ученых, причем ряд высказанных ранее оценок о его характере и перспективах развития (как, например, «новое индустриальное общество», «постиндустриальное общество», «глобальная деревня», «информационное общество» и т.п.) оказались весьма уязвимыми с позиций реального хода событий. В последние десятилетия XX в. получили распространение такие оценки, как «социальный Постмодерн», «новый мировой порядок», «глобализм». Но и они подвергаются в настоящее время глубокой и содержательной критике [159, с. 125].

Постбиполярный мир гораздо более сложен, чем мир периода холодной войны. На ранних этапах международной системы — в эпоху империй,

взаимодействующих княжеств, городов-государств — могло не быть единого правительства, народной поддержки, определенных правил и системы международного законодательства, но эти периоды отличались абсолютно четкими структурой и динамикой. С окончанием же холодной войны во многих странах исчез организующий принцип внешней политики.

Э. Баталов, отмечая мультицентричность сегодняшних международных отношений отмечает, что ученые сегодня, вдаваясь в их описание, «гораздо меньше внимания обращают на фундаментальное изменение онтологических оснований политического (и не только политического) мира» [23]. Меняются пространственно-временные характеристики политических явлений и процессов – локальных (национальных), региональных, глобальных. Это находит отражение не только в ускорении политического времени и сжатии политического пространства, но и в смене темпо-ритма политической жизни, очередности этапов политических процессов и т.п. Мир теряет былую устойчивость, в то время как транзиторность и процессуальность приобретают, справедливо отмечает Э. Баталов, все большее значение в политической, да и не только политической жизни. Едва успев создать – подчас дорогой ценой – ту или иную структуру, мы уже испытываем потребность в ее обновлении, в переходе к другой структуре и т.п. [23].

Происходит интенсивное размывание границ между внутренним и внешним в политической жизни, что находит прямое отражение в толковании проблемы государственного суверенитета, возможности осуществления так называемых гуманитарных интервенций и границ допустимого с точки зрения международного права вмешательства одного государства (или группы государств) в дела другого государства [7].

Все более относительными становятся понятия «центра» и «периферии» в политической жизни: структуры и пространства, выступающие в качестве «центра» в одном отношении, оказываются «периферией» в другом отношении и наоборот. С этой точки зрения представления о возможности существования в течение более или менее длительного времени единого универсального

глобального центра силы, или так называемого униполю –unipole – иначе как наивными и архаичными не назовешь.

Казавшиеся еще совсем недавно незыблемыми границы между материальным и нематериальным обнаруживают свою зыбкость, и все чаще возникают ситуации, когда мы просто не знаем, произошло то или иное событие в реальности (характеристики которой теперь тоже необходимо переосмыслить) или же оно не выходит за пределы границ виртуального мира. Добавим к этому такие очевидные для всех явления, как кризис морального сознания и правосознания (проявляющийся в игнорировании некоторыми государствами норм международного права и их поведении в некоторых критических международных ситуациях); обострившаяся потребность народов в самоидентификации (каково наше место в изменяющемся мире? какова наша роль? куда мы идем?), вызванная крушением прежнего миропорядка, а значит и радикальным изменением ролей практически всех мировых акторов; возрастание этнических и культурных факторов в международных отношениях (что дало С. Хантингтону основание говорить о «столкновении цивилизаций как «наибольшей угрозе миру во всем мире» [201, с. 8.]); изменение ценностной значимости свободы и безопасности в пользу последней (готовность значительной части граждан демократических государств «обменять» личную свободу на будто бы гарантируемую государством безопасность) и т.д.

В этой ситуации возникает ряд фундаментальных вопросов, поиск ответов на которые требует идеологического подхода – исследование вопросов, которые фиксируют ценностное, онтологическое, этическое измерения международных отношений, и открывает путь к решению практических задач.

Главные из этих вопросов касаются сущности международных отношений в условиях изменяющегося мира. Что представляют собой эти отношения, отражая изменения политического порядка? И в чем специфика современных международных отношений? Ответы на эти вопросы не могут быть сведены к банальной констатации, когда речь идет об отношениях между

народами или между государствами, или между субъектами мировой политики и т.п. [23]

По мнению А. Богатурова изменения современного мира связаны не столько с уменьшением роли государства в международных отношениях – а следовательно – с децентрализацией субъектов власти (т.е. ее разжижением), сколько с ее «уплотнением». Он отмечает, что «становление мировой политики связано с тенденцией к уплотнению международной среды и повышению ее проницаемости для импульсов влияния, которые участники международного общения посылают друг другу. Среда, присущая международной системе пятьдесят лет назад, была более разряженной, чем сегодня, а государства в ней имели больше свободы действий. Тенденцию к уплотнению международной среды можно проследить на протяжении веков. С одной стороны, она характеризуется нарастанием взаимной обусловленности поведения государств, уменьшением свободы их действий под влиянием самоограничений или ограничений, налагаемых извне, а с другой – ростом подверженности внутренних процессов в отдельных государствах внешним влияниям [33].

В этой связи М. Шоу делает вывод о произошедшей трансформации межгосударственных отношений и отношений между блоками государств таким образом, что «экстернальные (внешние) межгосударственные отношения трансформируются в интернальные (внутренние) отношения в рамках государства с новой формой власти, а именно, внутри глобального комплекса, концентрирующего государственную власть в форме, отличной от традиционных форм «государственной власти, опирающейся на принцип суверенитета» [270, с. 200].

Современная политика стала сферой обострения глобального и внутривнутриполитических начал. С одной стороны, на мировой арене последовательно уменьшается роль национальных государств. При этом не просто растет их зависимость от международного сообщества в плане решения проблем, требующих соединения усилий многих государств, или при решении крупных международных конфликтов, предполагающих выработку

интегрированных позиций, но и от политики группы наиболее развитых и мощных в экономическом и военном отношениях стран и их военно-политических союзов. Исследуя современные тенденции мирового развития, Э. Азроянц называет в качестве важнейшей отличительной черты современного этапа глобализации увеличение числа субъектов международных отношений и, что более точно, не простое увеличение числа государств – это само по себе не несет новизны, – а увеличение их типов [4, с. 67].

Как показывает практика, в последние десятилетия несбалансированность международных отношений возрастает в связи с тем, что на международную политическую арену помимо государств вышли и иные самостоятельные субъекты: различные социальные (национальные, конфессиональные, демографические и прочие) группы, формирующие самостоятельные отношения со своими сторонниками за рубежом; международные организации, регулирующие те или иные отношения между политическими субъектами; транснациональные кампании, ведущие экономическую деятельность в различных государствах; разнообразные корпоративные структуры (СМИ, общественные организации, туристические фирмы, террористические группировки и т.д.) и даже отдельные лица (в частности, бывшие политики, играющие посреднические роли в урегулировании конфликтов). Благодаря современной системе международного права даже рядовой гражданин может выступить оппонентом своих властей, предъявить претензии другим государствам или международным организациям.

Сложность и неоднозначность отношений участников мировой политики обусловлены также тем, что их поведение в данной сфере инициируются самыми разными и неоднозначными причинами. Так, для отдельных государств такими источниками их поведения, как правило, всегда являются одновременно действующие: внутривнутриполитические (обусловленные отношениями власти и общества), локальные (выражающие, к примеру, соображения региональной безопасности) и глобальные изменения (в частности, экологический кризис,

распространение терроризма и др.). На уровне отдельных организаций или индивидов мотивация участия в мировой политике еще более усложняется.

Как свидетельствует история международных отношений, их субъекты взаимодействуют друг с другом, когда обнаруживается их неспособность решить свои проблемы и защитить свои интересы самостоятельно, индивидуальными усилиями, то есть, опираясь исключительно на внутренние ресурсы (в широком смысле этого слова). В таком случае, международные отношения могут рассматриваться как внешняя проекция внутригосударственных отношений, как дополнение и компенсация их недостаточности или даже ущербности. Как выражается Э. Баталов, «международные отношения – это механизм (способ) подключения Другого к решению Моих проблем и защите Моих интересов и наоборот». Развитие международных отношений, их постепенное превращение в мировые (миросистемные) отношения есть результат ослабления самодостаточности наций-государств, их постепенного превращения из относительно автономного целого в часть более широкого целого, во взаимозависимые (коррелятивная связь) элементы расширяющейся системы. (Это ... делает более понятными истоки таких стратегий, как унилатерализм и мультилатерализм, изоляционизм и интервенционизм) [23].

Кроме обозначенных выше, в иерархии глобальных изменений современности существует необходимость осмысления экологической проблематики. Всё чаще на различных форумах учёных, общественных и политических деятелей звучат тревожные заявления о том, что совокупная человеческая деятельность способна коренным образом подорвать природное равновесие биосферы и тем самым поставить цивилизацию перед угрозой гибели. Всё более активно обсуждаются социальные проблемы нарастающего экологического и технологического риска [61, с. 81].

Опыт последних десятилетий неопровержимо свидетельствует, что в подавляющем большинстве экологических бедствий основным виновником становится всё чаще не непредсказуемость действия технологических средств

или природных стихий, а непродуманная, непредсказуемая деятельность человека, наносящая своим техногенным воздействием нередко непоправимый вред природе. Поэтому в экологических исследованиях в разных странах мира всё более ощутим поворот к учёту социальных факторов, как в создании экологической проблемы, так и в её решении. Становится всё более ясно, что от экологического императива объединённое в планетарном масштабе человечество должно переходить к экологически ориентированному сознанию, мышлению, действию, социальному развитию.

Начиная с 70-х годов, учёные широко обсуждали острые проблемы экологического кризиса современной цивилизации, анализировали этапы развития общества и социокультурных ценностей в свете взаимоотношений природной, технической и социальной систем. В конце 80-х годов появилась концепция самоподдерживающегося развития (в нашей литературе получил распространение её неточный перевод – «устойчивое развитие»), призванная соединить задачи экономического роста с сохранением природной среды. Впервые она была сформулирована в докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» (доклад Брундтланда) и была развернута на конференции ООН по проблемам окружающей среды и развития в Рио-де-Жанейро в 1992 г. В основу этой концепции лёг тот факт, что если три четверти населения Земли, ныне проживающие в слаборазвитых странах, пойдут по тому же пути развития индустрии, что и жители развитых стран, то планета Земля совершенно очевидно не выдержит такой нагрузки и грянет неминуемая экологическая катастрофа. Вместе с тем нельзя винить слаборазвитые страны в стремлении повысить уровень жизни быстро растущего населения.

В настоящее время в целях восстановления паритета общества и биосферы, человека и природы учеными предпринят новый исследовательский подход: коэволюционная стратегия, рассматриваемая как новая парадигма цивилизации XXI века. Она должна оказывать воздействие на изменение

познавательных и ценностных ориентаций, на новое понимание природы, на утверждение в сознании людей новой нравственности [129, с. 26].

В современной мировой политике все более заметным становится цивилизационный фактор, учет культурных, религиозных особенностей в международной политике, организации межцивилизационного диалога. В международной среде сегодня происходят глубокие трансформационные изменения, которые касаются самого мирового порядка и вызывают определенную реакцию во внутренних процессах многих государств. Одновременно вызовы, имеющие глобальный характер, требуют адекватных ответов со стороны государств, которые готовы взять ответственность за судьбу безопасной и стабильной жизни мира. Формирование глобального пространства, глобального управления, глобального общества способствует международному научному обмену в сфере культуры и образования, сближению цивилизаций в духовной сфере. С другой стороны, глобальные изменения фиксируют явления дестабилизации общественных процессов, противостояния цивилизаций, расширение конфликтного пространства в международной среде, вызывают ощущение дефицита безопасности.

Ученые отмечают усиление с середины XX ст. роли морали в международных отношениях. В международную практику введено такие понятия, как «преступление против мира», «преступление против человечества». К сожалению, сегодня мы наблюдаем нарушение права народов на самоопределение, принципов территориальной целостности государства и принципа невмешательства во внутренние дела государства. Сегодня, как и в годы холодной войны, отмечаются двойные стандарты внешней политики некоторых государств, реализации концепции «гуманитарной интервенции», опирающейся на идеи ограниченного суверенитета и приоритета безопасности личности над безопасностью государства». Идеологи «гуманитарного вмешательства» исходят из того, что принцип уважения прав человека выше принципов неприменения силы и угрозы силой, невмешательства, суверенного

равенства государств, что вступает в противоречие с принципом невмешательства во внутренние дела других государств [194, с. 116].

Актуальным в этой связи есть суждение российского ученого А. Громько о том, что, если в международных отношениях не считаются с моралью и правом, тогда для сильных государств, особенно сверхдержав, разрешено все. Международные отношения превращаются в джунгли, где правят бал политические авантюристы и финансовые спекулянты. Подобная политизация международно-правовых вопросов выхолащивает суть международного права и снижает его возможность регулировать международные отношения. В условиях размывания и ослабления международного права наступает диктат одних стран над другими. Мировая политика окажется в состоянии, когда будет господствовать принцип «кто силен, то и прав». ... Демократический Мировой Порядок не состоится. В мире наступит Большой Беспорядок. ...утвердится одна политика – каждый за себя» [194, с. 123].

Многие ученые говорят дискутируют о переходном этапе развития современной цивилизации, о «глобальной неопределённости», кризисе существующей международной системы. В этой связи актуален не только для теории, но и для практики фундаментальный вопрос о том, по какому пути пойдет развитие мировой истории, когда современный бифуркационный этап цивилизационного развития сменится более стабильным состоянием общественного развития и будут выработаны новые правила поведения различных стран в глобальном мире. Ведь, очевидно, что за бифуркационным этапом, для которого характерна «конкуренция» различных интерпретаций сущности и целей формирующегося глобального мира, последует новый этап, который будет характеризоваться большей стабильностью и меньшей дискуссионностью суждений по фундаментальным аспектам бытия, а выбор модели цивилизационного развития будет сделан.

В конце XX в. резко усилилось деструктивное антропогенное, главным образом технологическое, давление на окружающую среду, что привело человечество к глобальному кризису. Современная цивилизация оказалась в

той точке всемирно-исторического процесса, именуемой различными исследователями по-разному («моменты» – И. Тэн, «узлы» – А. Солженицын, «надломы» – А. Тойнби и т. п.), которая определяет динамику и направление цивилизационного развития на длительную перспективу. Противоречие между ростом народонаселения и возможностью удовлетворения его материально-энергетических потребностей, с одной стороны, сравнительно ограниченными возможностями естественных экосистем, с другой, становятся крайне актуальными. Их обострение чревато необратимыми деградационными изменениями биосферы, радикальной трансформацией традиционных природных условий функционирования цивилизации, что создаёт реальную угрозу жизненно важным интересам будущих поколений человечества.

Как относительно самостоятельная область международная сфера политики регулируется различными нормами. Главным ее собственно политическим регулятором является складывающийся баланс сил между государствами (блоками государств), подчиняющими свою деятельность по реализации национальных интересов на международной арене. В этом смысле стоящие перед государствами цели нередко влекут за собой одностороннюю трактовку ими норм международного права, провоцируют отклонения и нарушения от соответствующей системы требований. Даже с учетом всего положительного опыта сотрудничества государств в рамках ООН и иных, региональных систем международного сотрудничества (ОБСЕ), можно говорить об ограниченных возможностях международного права в деле регулирования отношений государств, не только имеющих различные интересы, но и обладающих несоизмеримыми ресурсами для их обеспечения. Как показывает практический опыт, эффективность правовых регуляторов зависит не столько от политической поддержки институтов международного права, сколько от влияния обладающих мощными экономическими или военными ресурсами конкретных стран. Также справедливым в этом контексте есть замечание ученых о том, что «стремление подменить международное право политическими подходами и интересами усиливается тогда, когда

развитие международно-правовых норм отстает от развития международных отношений» [194, с. 119].

Однако, несмотря на приоритеты собственно политических структур и механизмов в регулировании международной сферы, здесь сохраняются определенные возможности как для правовых, так и для нравственных регуляторов. Сформулированы принципы современных международных отношений: признание суверенного равенства государств; нерушимость установленных границ; принцип неприменения силы или угрозы силы в межгосударственных отношениях; признание территориальной целостности государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела других государств; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться собственной судьбой; необходимость сотрудничества между государствами и добросовестного выполнения обязательств по международному праву.

Выполнимость сформулированных принципов и их реальная поддержка европейскими государствами обусловлены их соответствием долгосрочным интересам всех государств, стремящихся к обеспечению собственной безопасности. Соответственно изменились и этические стандарты в сторону осуждения агрессии, территориальной экспансии, нарушения прав человека.

Сегодняшние реалии вызывают необходимость уделять большое внимание развитию международного права, проблемам прав человека; разрабатывать механизмы разрешения возможных противоречий между международно-правовыми нормами, чтобы исключить возможность их использования в чьих-либо политических интересах. Вместе с этим, в условиях глобальных изменений актуальной задачей для ученых и практиков выступает поиск общей (общечеловеческой) системы ценностей, моральных норм, стандартов. При этом важным вопросом для каждого государства остается проблема соотношения общечеловеческой ценностной системы и национальных интересов, ценностей, традиций.

2.2. Глобализация как фактор формирования идеологической основы международных отношений

Как отмечено выше, одним из наиболее важных вызовов для формирования идеологии современных международных отношений является глобализация. У. Бек отмечает, что: «Без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым — и наименее проясненным, словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет и останется таковым в ближайшее время» [27, с. 40]. В 1998 году Э. Гидденс заметил, что «еще десять лет назад слово «глобализация» почти не фигурировало в научных дискуссиях. Только за последнее время понятие проделало такую «карьеру»: раньше не встречалось почти нигде, а теперь встречается почти повсеместно» [47, с. 28.].

Исследователи отмечают, что впервые термин «глобализация» появился в 70-х годах XX столетия в литературе по менеджменту и бизнесу. В этот период его употребляли теоретики Римского клуба, изучая глобальные проблемы, разрабатывая модели мирового порядка и исследуя проекты планетарного развития. Г. Терборн указывает на то, что термин «глобализация» разрабатывается в первой половине 90-х годов. Правда, французский термин «мондиализация», поясняющий современный этап в развитии человечества, связанный с образованием единой социально-экономической и политической общности людей планеты Земля, относится уже к началу 50-х годов. Однако как таковой он ограничен пределами Франции, откуда лишь совсем недавно проник в Испанию. Г. Терборн приводит примеры из других языков и делает вывод, что все они свидетельствуют примерно об одних и тех же временных рамках в становлении этого понятия [47].

Концептуальное оформление термин глобализация получил в начале 80-х годов в научных трудах американских социологов Дж. Маклина и Р. Робертсона [49, с. 105]. Следует отметить, что для пояснения сути понятия глобализации используется арсенал многих наук — экономики, социологии, политологии, права, психологии, культурологи, антропологии и других. Это

раскрывает многоаспектность феномена. Ученые отмечают, что масштабность и многофакторность глобализации позволяют интерпретировать её как объективный процесс реструктуризации и качественно нового развития международного пространства [49, с. 106–107]. Широкое использование термина связывают с 90-ми годами XX столетия. Его распространение привело к тому, что он стал частью не только научного, но и массового сознания.

Теория глобализации включает анализ структуры целостного мира, которая обуславливает процессы социального развития в каждой локальной общности, изучение её роли в формировании локальных структур. Кроме этого, среди задач теории глобализации – изучение практической составляющей, разработка стратегии эффективного включения локальных общностей в систему международного взаимодействия, поиск и разработка механизмов участия внешних субъектов в решении локальных проблем, определение роли локальных факторов в обеспечении международной безопасности, защите окружающей среды и т.д. Также теория глобализации направлена на исследование форм многостороннего взаимодействия и факторов, которые влияют на эти процессы.

Одним из аспектов феномена глобализации выступает проблема соотношения глобализации и вестернизации, в решении которой сформировалось два концептуальных подхода. Сторонники первого обосновывают, что глобализация есть более широким процессом, чем вестернизация (Э. Гидденс, В. Конноли, Р. Робертсон). Представители второго подхода рассматривают глобализацию как «простую диффузию западного модернизма, а интернационализацию как побочный продукт расширения американского мирового порядка, распространения ценностей либеральной демократии». В этом контексте глобализация выступает как один из вариантов вестернизации (С. Амин, Л. Бентон, Р. Гилпин, А. Каллиникос, Ф. Фукуяма) [49, с. 111]. Полемика между представителями этих подходов основана не столько на содержании глобализации, сколько в отношении проблемы возможности незападного мира глобализироваться без предварительной

вестернизации, точнее – возможности сохранить собственные социально-культурные ценности при интенсивном распространении социокультурных ценностей и цивилизационных основ Запада.

В современной науке существует большое количество трактовок понятия глобализации. По мнению М. Арчер, глобализация – это процесс, который приводит к охватывающему весь мир связыванию структур, культур и институтов. Для нее глобализация означает, что на сегодняшний день общества не являются больше первичными единицами анализа. В наиболее общем смысле, глобализация – это объективный естественный процесс интеграции человечества в единое целое, проявляющийся в том, что социальные процессы в одной части мира во все большей степени определяют происходящее в других частях мира. В узком смысле глобализация – это род геополитики, направленный на распространение своего культурного влияния со стороны какой-либо страны или нескольких стран на весь мир [124, с. 146].

Распространение глобализационных взглядов среди ученых и политиков является отражением многих явных и скрытых черт мира, которые меняются под давлением глобализационных процессов и становится все более целостным и взаимосвязанным. Глобализация делает мир не только более единым и целостным, но и предопределяет новые противоречия, унификация политических и правовых институтов сопровождается параллельным нарастанием большого количества новых структур. Это обусловлено объективной необходимостью регулирования качественно новых отношений, для которых ранее созданные структуры, принципы и задачи их функционирования стали во многом неадекватными. Данный процесс, в чем-то стихийный, а в чем-то управляемый, необходимо рассматривать как ответ на изменения в экономической и политической жизни планеты.

Исходя из понимания политики, экономики, форм и методов управления как явления культуры, важно анализировать процесс уплотнения социального пространства, когда происходит увеличение удельного веса и роста роли информационного фактора в развитии общества и, как следствие, - роста

родства различных культур. Импорт и экспорт различных социальных практик стали обычным делом, но не все попытки их применения на чужой территории являются результативными. Поэтому общее представление о значении, роли и вообще о перспективах культуры в глобализационном процессе дает возможность прогнозировать общие контуры экономического, политического, социального измерений будущего.

Глобализацию можно рассматривать как целостное явление социальной эволюции. При анализе аксиологических, исторических, онтологических, культурных, этических, эзотерических и других аспектов глобализационного процесса, необходимо уделить внимание попыткам осмысления глобализационного процесса с позиций общих тенденций социальной эволюции, выявления общей логики развития мировой цивилизации в контексте глобалистских теоретических построений. Именно поэтому уместным является использование философского, исторического и социально-философского дискурса [7, с. 20-21].

Важно понять на системном уровне, что является частным, преходящим в новом глобализационном процессе, а что отражает глубинные процессы и носит фундаментальный характер. Поэтому методологически и социально значимым представляется выяснение тех смыслов, которые стоят за многочисленными интерпретациями процесса глобализации. Для теоретической и социальной практики важно понимание тех толкований глобализации, которые не только будут оказывать влияние на дальнейшее цивилизационное развитие, но во многом будут определять суть формирующейся цивилизации. Поэтому вопрос в том, какой смысл вкладывает современная социально-гуманитарная культура в глобалистскую терминологию, каковы смысловые инварианты среди многочисленных подходов к феномену глобализации, которые все больше выступают действенным фактором современной истории.

Процесс глобализации в широком понимании можно трактовать как процесс становления единого взаимосвязанного мира. В таком концептуальном

отношении подобная интерпретация глобализации отражает главное в этом процессе. Вместе с тем, при таком видении данного процесса в тени остаются новые факторы, которые актуализировали современный этап глобализационных модернизаций, придавших импульс и динамизм традиционным геополитическим, экономическим и информационным трансформациям. Именно в определенном нарушении существовавшего до недавнего времени равновесия между региональными и глобальными тенденциями от произошедших в мире цивилизационных трансформаций кроется усилившийся интерес к процессу глобализации.

Не претендуя на всеохватывающий подход в изучении понимания глобализации, отметим, что в западной науке сложилось несколько парадигм, рассматривающих процесс глобализации: реалистическая парадигма связывает суть процесса с концепцией «столкновения цивилизаций», с идеей расширения гегемонии одного надгосударства над остальным миром; неolibеральная парадигма рассматривает глобализацию как процесс постепенного преодоления государствами своих узких эгоистических интересов и становления содружества цивилизованных стран, которое есть следствием взаимодействия национальных экономик, интернационализации финансов, усиления роли ТНК в мировой экономике; неомарксистская парадигма трактует глобализацию как целенаправленную стратегию монополистического капитала и американского империализма, цель которого – закрепление экономического неравенства в мире и эксплуатация «периферийных» и «полупериферийных» регионов и государств монополиями «мирового центра»; эволюционная парадигма определяет глобализацию как новый этап эволюции и трансформации мира; постмодернистская парадигма объясняет глобализацию как современное проявление дифференциации и индивидуализации социальных субъектов международных отношений [49, с. 111].

Междисциплинарный подход исследования раскрывает многоаспектность содержания понятия и явления глобализации. Украинская исследовательница В. Савич выделяет политологические, экономические, культурологические,

социологические, исторические, междисциплинарные концепции глобализации [161, с. 51]

Исследуя наработки современных западных исследователей глобализации, В. Спивак отмечает, что вместе с общими определениями реальной или воображаемой интенсификации планетарного взаимодействия, есть существенные расхождения среди ученых в понимании проблемы концептуализации феномена глобализации, осмысления динамики этого процесса, причинных связей и последствий [181, с. 18]

Резонансные дискуссии, использование критерия революционности глобализационных изменений способствуют выделить следующие теоретические школы: гиперглобалисты, трансформационалисты и скептики. Каждая из школ предлагает основные аргументы и выводы относительно глобализации, её концептуализации; динамики причинных связей; социально-экономических последствий; значение для государственной власти и самоуправления; исторической траектории. Вместе с этим, ученые отмечают, что среди представителей этих школ есть серьёзные расхождения в методологических подходах и нормативных основах. [180, с. 18–20]

Кроме того, на основе критерия революционности глобализационных изменений выделяются такие подходы как гиперглобалисты, трансформационалисты и скептики. Британский социолог Л. Склер выделяет три подхода понимания феномена глобализации: интернациональный (акцент на государстве); транснациональный (глобализация как проект мировой истории, в рамках которого происходит борьба капиталистического и других подходов) и глобалистский (капиталистическая глобализация как более-менее законченный и необратимый проект неоліберального капитализма). Критерием такого разделения он называет идею о фундаментальной единице анализа. На основе культурно-цивилизационного подхода исследования глобализационных процессов и международных отношений выделяют такие основные направления: западный или евроатлантический; евразийский; восточный; исламский) [162, с. 8].

В. Дударёв в сфере украинских исследований глобализации выделяет такие направления: экономический; консервативно-цивилизационный; протестно-антиглобалистский; атлантически-прагматичный; синергетико-альтернативистский; коэволюционистский методологический подход «мирового общества» [67]

Следует отметить, что в теории современной глобалистики, которая переживает свое становление, оформились шесть основных школ, которые определяют идеологию глобализма. Первая школа представлена концепцией «Лимиты роста» и связана с тематикой докладов Римского клуба (основной принцип «Мыслить глобально – действовать локально»). Вторая школа отображает концепцию устойчивого развития (Л. Браун), основные доминанты – поступательность, поэтапность эволюционных изменений. Третья школа – универсального эволюционизма (М. Моисеев), защищает позиции целенаправленного, взаимосогласованного и эффективного совместного развития глобального человеческого общества и биосферы (школа глобальной экологии). Четвертая школа – школа митоза биосфер (М. Нельсон) – акцентирует внимание на гармоническом синтезе биосферы и техносферы, экспансии последней в космос, что создает важный фактор для эволюции Вселенной. Представители пятой школы – школы контролируемого глобального развития (Д. Гвишиани) предлагают использовать общесоциологические теории и методологии с акцентом на социальных проблемах, а также разрабатывают программу моделирования глобального развития, которая включает модели альтернативного глобального развития и рекомендации выбора оптимальных стратегий. Шестая – школа мир-системного анализа (И. Валлерстайн), в основе которой концепция «глобальной социализации»; идея синтеза трех сфер мировой экономики (экономического «ядра», полупериферии и периферии), который изменяется в геополитическом пространстве. Значительное внимание отводится роли национальных государств, развитию их функций. Главным фактором мировой политики представители этой школы называют борьбу сверхдержав за мировое

господство; в сфере культуры внимание акцентируется на взаимном давлении культурных цивилизаций и их постоянной возможности получить доминирующее положение [180, с. 21–26]

В новой ситуации глобальные трансформации начинают превалировать над локальными и региональными процессами. С этим связано усиление напряженности во многих сферах жизни общества. В экономике происходит усиление влияния мировой экономики, ядром которой выступают экономические системы индустриально-развитых стран мира во главе с США. В политической сфере, по мнению ученых, новая ситуация находит выражение в движении к однополярному миру, когда правила глобальных геополитических и геостратегических трансформаций вырабатываются не международным сообществом в лице ООН, а ведущими капиталистическими странами во главе с США. Тем самым имеет место тенденция к унификации власти, однополярности. Глобальная финансовая система, опирающаяся на американский доллар, в значительной мере уже функционирует в мире, поддерживая глобальную экономику и глобальную политику индустриально-развитых стран вообще и США, в особенности [147, с. 46].

Глобализация связана с предшествующей историей цивилизационного развития и с конца XX в. стала одним из определяющих факторов мирового развития. Процесс глобализации связан и реализуется через формирование новой мировой информационной среды и мировой экономики. В этой связи можно говорить о наступлении нового этапа цивилизационного развития, связанного с усилением взаимодействия и взаимозависимости различных стран и народов, функционирующих в мире экономических, технологических, финансовых и культурных систем. Это придает качественно новое измерение социальному и индивидуальному бытию народов, вовлеченных в процесс глобализации. Новый этап цивилизационного развития, который О. Тоффлер называет наступлением «третьей волны» цивилизации, Г. Кан, Д. Белл — постэкономической фазой общественной эволюции, а П. Дракер — посткапиталистическим, имеет ряд принципиально новых черт, которые

проявляются в процессе нынешнего этапа глобализации. Процесс глобализации на современном этапе развития цивилизации усиливает борьбу за природные ресурсы между индустриально-развитыми странами и остальным миром.

Концептуализация глобализации дает исследователям основание предположить, что этот процесс состоит из двух уровней – естественной, неуправляемой глобализации и глобализации искусственной, организуемой.

Естественная глобализация — эволюционный процесс восприятия различными социокультурными традициями достижений других социокультурных традиций. Тем самым происходит взаимовлияние и взаимообогащение различных культур. Характер взаимообогащения зависит от уровня развития тех, которые вступают во взаимодействие, их социокультурной традиции, ее желания усвоить и на практике применить те или иные достижения другой социокультурной традиции. Искусственная глобализация — это попытка навязать силой или другими методами — убеждением, подкупом и т.д. те или иные политические, экономические, религиозные представления о мире. При этом, поскольку искусственная глобализация связана с внедрением извне экономических, политических, ценностно-мировоззренческих представлений, то это больше революционный, нежели эволюционный процесс. Искусственная глобализация характеризует претензии той или иной страны, религии, политической идеи и т.д. стать универсальной, всеобщей, абсолютной ценностью. Появление такой претензии отражает ослабление других стран, религий, политических идей, которые не смогли удержать сложившееся в мире в той или иной области равновесие. Нарушение равновесия сил приводит к тому, что появляется страна или группа стран, которые хотят навести порядок с помощью искусственной глобализации [147, с. 49–50].

Реальный процесс глобализации средств и технологий передачи информации, финансовых рынков, новейших видов оружия находит свое оформление также в новой идее глобализма. Глобалистский проект, сформулированный в последней трети XX века, предстает унифицированной и,

надо сказать своевременной заменой двух сошедших со сцены либо существенно потесненных идеологий Нового времени – либерализма и коммунизма. Как отмечает В. Максименко «на сегодняшний день это самый влиятельный «изм» из всех существующих» [117, с. 95]. Однако, как на национальном уровне не существует единой всеобъясняющей идеологии, так и на глобальном уровне мы сталкиваемся с многообразием систем идеалов, ценностей, политических картин мира. Одной из наиболее значимой сегодня является идеология глобальной демократизации.

Сторонники социокультурного или цивилизационного подхода к пониманию глобальных проблем рассматривают демократию как ключ к созданию устойчивого стабильного и безопасного миропорядка. Демократизация, как известно, – процесс политических и социальных изменений, направленных на установление и укрепление демократического строя. Глобализация демократического процесса в современном мире связана, в первую очередь, с неолиберальной моделью демократии, которая предстает желанным явлением в научном и политическом дискурсе. Например, Ф. Фукуяма говорит об «универсализации западной либеральной демократии как конечной формы управления человеческим обществом», о том, что идеал западного либерализма «будет в долгосрочной перспективе направлять развитие материального мира» [197, с. 40]. Приверженцы неолиберального подхода обосновывают идею глобального согласия, базирующегося на суверенитете государств, поддерживающих территориальное единство и политическую независимость стран и воздерживающихся от применения силы или насилия, нарушающих государственный суверенитет. Один из сторонников данного подхода Р. Джексон в своей работе «Глобальное согласие» апеллирует к религиозным и идеологическим аспектам системы глобального согласия, оценивая их с точки зрения потенциального вклада в обеспечение безопасности глобального мироустройства, а саму систему глобального согласия как уменьшающую риски «политической конфронтации, основанной на конфликте ценностей» [250, с. 182].

Вместе с тем, неолиберальная демократизация глобального политического процесса сопряжена с рядом существенных проблем. В настоящее время многие исследователи приходят к выводу, что процесс неолиберальной политической глобализации значительно отстает от глобализации экономической и информационной. Преобладание демократических тенденций в рамках глобального демократического процесса не исключает противоположных, антидемократических процессов, в том числе в транзитных странах, что является основанием говорить об определенном застое в процессе демократизации [113, с. 294]. В определенной степени А. Вебер связывает это с тем, что «неолиберальная глобализация выхолащивает принцип демократического правления, она создает новые экстерриториальные источники власти... В этих условиях институты политической демократии подчас становятся просто ширмой, прикрывающей авторитарную практику» [42, с. 27].

По мнению российских ученых, не столь откровенно приветствующих идеологию демократизации, политическая актуализация понятия глобализации связана с периодом 90-х годов, когда США и их союзники стали претендовать на безусловное доминирование в международной политике, подтверждая это не только в экономической сфере, но и путем осуществления «гуманитарных операций», военно-полицейских акций и т.п. Поэтому Стратегия «силового глобализма» в экономической, политической, информационной сферах все чаще стала обозначаться термином «глобализация». Такое понимание «глобализации» приводит к неоправданному ограничению содержания этого понятия, сведение его к одной или некоторым сферам, к одной из возможных исторических форм и к терминологической путанице. Трудности усугубляются политическим звучанием проблемы, стоящими за ней масштабными интересами как материального, так и идеологического характера [94, с. 20].

Российский исследователь глобализации М. Чешков отмечает, что в настоящее время эпистемологический и философский дискурс относительно природы международных отношений принимает форму глобалистской

мифологии, которую он определяет как совокупность противоречивых и даже взаимоисключающих стереотипов, созданных как господствующими (mainstream), так и различными оппозиционными и альтернативными формами сознания и общественными движениями, которые заявили о себе к началу 90-х годов. Столкновение двух полюсов глобалистской мифологии вылилось в острую теоретическую международную дискуссию (так называемый *global talk*), в которой открылись основные постулаты господствующей мифологии. Согласно им глобализация — это процесс: неизбежный, фатально предопределенный; универсализирующий или нивелирующий все различия — от экономических до культурных; тождественный вестернизации или американизации; однонаправленный, то есть безальтернативный; стирающий не только различия, но и неравенства и устраняющий суверенное «территориальное» государство.

В оппозиционных подходах все эти стереотипы глобалистского мейнстрима выступают как бы в перевернутом виде. Глобализация предстает в них процессом: не предопределенным или неизбежным, а обратимым; имеющим альтернативу в виде национальных и почвеннических идентичностей, которые вытесняют вестернизацию и американизацию; углубляющим неравенства и расчленения в сложившемся мироустройстве, которое трансформируется в систему, где господствует глобальный корпоративный капитализм [209].

Фактически подобный дискурс отражает столкновение традиционных парадигм международных отношений — идеализма (или нормативного фокуса) или реализма (концепции силы). Следует обратить внимание на реализм и идеализм — две доктрины, которые исторически определяли природу международных отношений. Согласно реализму, люди должны сознавать все тяготы человеческого существования и быть готовы примириться с ними. С точки зрения идеализма, люди, сознавая трудности жизни, должны делать все возможное, чтобы изменить ее.

Парадигма реализма определяет практику международных отношений. Главные ее принципы таковы: национальное государство — основная единица международной системы; каждое государство преследует свои собственные интересы (и от него можно ожидать рациональных действий, когда они отвечают его интересам); международная система характеризуется как очень жесткая, где каждый заботится только о себе; «мир наилучшим образом обеспечивается силой» и «тот, кто ищет мира, должен готовиться к войне»; стихийно устанавливающееся равновесие между национальными государствами (как, например, баланс сил) — наилучшая защита в анархичной системе многих государств; деятельность государства должна основываться скорее на прагматических соображениях, чем на идеологических.

Стратегии идеализма придерживаются те, кто стремится к сотрудничеству и общности. основополагающие моменты идеализма следующие: международная система является прежде всего сообществом наций; эта система основана на сотрудничестве и регулируется международным законодательством; институты коллективной безопасности наилучшим образом могут обеспечить общее благо; государства стремятся к всеобщему благосостоянию и иногда подчиняют свои интересы интересам сообщества; благодаря контролю над вооружениями, разоружению и поддержанию обороноспособности на уровне, необходимом для самозащиты, можно избежать нагнетания враждебности, ведущей к конфликту; гармонизация интересов предпочтительнее баланса сил; мораль играет существенную роль в международных делах. В качестве примера идеалистической парадигмы служит утверждение В. Вильсона о том, что в международной сфере «нельзя достичь чего-либо устойчивого посредством силы».

Сложность современного мира может вызывать ностальгию по системе международного управления, которая бы работала или хотя бы создавала иллюзию смысла в условиях анархии и запутанности международных отношений. Часто это выражается в стремлении создать идеологию, систему, структуру или институт, которые отвечали бы за международный порядок и

сотрудничество. На эту роль претендуют многие теории и институты, в частности христианский универсализм, марксизм, всемирное правительство, современные субнациональные организации. Однако национальные государства продолжают существовать и преследовать каждое свои цели, часто руководствуясь логикой, которая может привести лишь к конфронтации.

Неолиберальные институционалисты считают, что взаимные интересы государств создают гораздо более широкие возможности для сотрудничества, чем предполагает неореализм. Но в практической политике эти возможности часто остаются неиспользованными. Основным инструментом сотрудничества должны послужить международные организации, усовершенствование систем принятия решений и информирования политических элит.

Еще одной основой для разногласий в международных отношениях выступает идея о свертывании многоуровневой структуры системы международных отношений в направлении формирования одноуровневой глобальной системы. В действительности, данные расхождения имеют в большей мере декларированный, чем принципиальный характер. Новое крыло современного глобализма склонно исходить скорее из идеи диалектического единства территориальности и детерриториализации. В ряде исследований обосновывается мысль о повышении роли аспектов регионализации (в частности, связанных с процессами экономической интеграции и формированием региональных структур и групп интересов) как следствия глобализации и связанных с нею процессов [249, с. 53–58].

Антиглобалистические идеологии все больше становятся фактором глобальной международной политики – создаются межгосударственные коалиции по борьбе с терроризмом, изменяется этнонациональная и социальная внутренняя политика государств. Правда изменения внутренней политики носят неоднородный характер – в одних государствах она трансформируется в расширение политической и социально-экономической поддержки этнических меньшинств, реализации норм толерантности, охраны культур и традиций в

законодательстве, в других – в усилении контроля, в т.ч. пограничного, сворачивании миграционной открытости.

Современное противостояние идей глобализма и антиглобализма вызывает ряд трудностей в научном исследовании. Это связано с неоднозначностью трактовки самого процесса глобализации, многогранностью его проявлений в реальной политической практике и разрушением целого ряда ценностных и идеологических конструкций прошлого. Под натиском глобализации под вопросом оказались понятия и идеалы государственного суверенитета, «национальных идей», традиционных обществ. «Рушится прежняя картина мира, теряет смысл вся система старых понятий, – писал еще в 1994 году немецкий философ-либерал Г. Рормозер. – Не функционирует и язык, посредством которого мы могли бы интерпретировать нашу историческую ситуацию. У нас нет более ответа на вопрос о цели общественного развития. Тем самым, по существу, теряют почву под ногами все идеологии...» [117, с. 96]. По мнению Э. Азроянца, «на духовном «рынке» сплошной «дефицит» [4, с. 71].

Глобализация актуализирует вопрос о ценностных основаниях современной цивилизации, поскольку речь идет о глобализации исходных установок капиталистической системы. Между тем, по справедливому замечанию Лестера К. Туроу: «Ценности, или предпочтения, – это черная дыра капитализма. Система существует, чтобы нам служить, но нет никакой капиталистической теории хороших и дурных предпочтений, никакой капиталистической теории, как изменять ценности и управлять ими» [192, с. 329]. Проблема универсализации современных капиталистических отношений актуализирует вопрос о сути и ценностях капитализма как формационного и цивилизационного явления. Ведь согласно Дж. Соросу: «Капиталистическая система во главу угла ставит конкуренцию и измеряет успех деньгами. Деньги подменяют собой реальные ценности, а рынки захватывают господствующие позиции в чуждых им сферах. В праве и медицине, политике, образовании, науке, искусствах, далее в отношениях

между людьми — достижения или качества, которые должны рассматриваться в качестве самооценки, переводятся в денежное измерение; о них судят по количеству денег, которые они приносят, а не по их реальным достоинствам» [179, с. 247].

Методологическая уязвимость многих современных исследований, посвященных анализу процесса глобализации в том, что они оставляют без систематического рассмотрения вопрос об обоснованности универсализации базовых ценностей индустриализма и капитализма, уходящих своими корнями в новоевропейскую культуру вообще и эпоху Просвещения, в частности. Известно, что взгляды и учения эпохи Просвещения формировали европейскую ценностно-мировоззренческую культуру и оказали определяющее влияние на современную цивилизацию. Постмодернизм отказывается от этих ценностей. Однако ситуация не столь проста, как представляется на первый взгляд. Не случайно Ю. Хабермас считает сегодня центральным вопросом о том: «Следует ли нам полностью порвать с традициями Просвещения или нам следует их диалектически развивать?» [200, с. 106]. Ответ на этот вопрос имеет фундаментальное значение, поскольку от такого выбора зависит будущее европейской, и потому и всей современной цивилизации в третьем тысячелетии. Если мы откажемся от веры в разум, что тогда принять за основу дальнейшего развития цивилизации? Проблема осложняется тем, что число глобальных проблем, неразрешимых в рамках современных ценностных установок, растет. Подобные вопросы требуют фундаментальных исследований современной цивилизации, осознания ее истоков, глубины и масштабов.

2.3. Влияние основных форм глобализации на становление идеологической основы международных отношений

Кроме сложностей ценностного порядка, научного осмысления глобализации, разными её трактовками мы не можем не отметить реальные изменения в системе международных отношений: обмен технологиями,

информацией, духовными ценностями, развитие культурных коммуникаций, сферы туризма, образования и т. п.).

По мнению польского ученого Гж. Колодко, динамика глобализации зависит от таких факторов, сочетание которых может предать ей дополнительное ускорение, а отсутствие какого-либо из них, – что неоднократно случалось в прошлом, и чего априори ни в коем случае нельзя исключать в будущем – дает результаты неполные и несовершенные, а в крайних обстоятельствах - даже обратные (например, войны). Этими факторами являются: характер технологического прогресса; зрелость политических отношений; состояние теоретических знаний и практических экономических умений [87, с. 45].

Дж. Розенау, предлагает комбинацию двух основных факторов глобализации – появления информационного общества и общества знаний, а также заложено в них устранение расстояний и границ, как следствие - умножение транснациональных учреждений и организаций. «Именно технология, – аргументирует Дж. Розенау, – устранила географические и социальные пространства с помощью сверхзвуковых самолетов, компьютеров, спутников Земли и многих других открытий, позволяющих сегодня все большему количеству людей, идей и товаров быстрее и увереннее преодолевать время и пространство, чем когда бы то ни. Таким образом, можно утверждать, что именно технология усилила взаимозависимости между локальными, национальными и интернациональными обществами, причем в масштабах, неизвестных ни одной исторической эпохе» [цит. за 32, с 112].

Положительным эффектом глобализации экономики становится улучшение условий доступа потребителей к высококачественным услугам сфер образования, здравоохранения, культуры и проведения досуга, тем самым внесение услугами немалого вклада в гуманитарный прогресс, повышение качества жизни, взаимное обогащение культур. Т. Ананьева справедливо отмечает, что глобализация норм сервиса приводит к формированию общепринятых мировых стандартов оценки качества услуг, налаживанию

межсоциумных связей и социальной интеграции представителей различных культур [8, с 8]. Институт сервиса становится способом формирования образа государства на мировой арене, репрезентации национальной культуры. Поэтому на современном этапе развития обществ глобализация норм сервиса видится неизбежной и необходимой.

Исследуя проблему услуг в современной экономике, Л. Демидова делает вывод о том, что в условиях глобализации производство услуг характеризуется процессом делокализации: многие ранее глубоко укорененные в национальную почву услуги больше не привязаны к региональному фактору. Кроме того, прежде одновременный процесс производства и потребления услуги благодаря интенсивному развитию информационно-коммуникационных технологий разделяется, делая возможным для целого ряда традиционных видов сервиса их накопление, хранение, передачу на расстояние, потребление в разных формах и в любое время, в том числе в режиме реального времени [56, с. 147].

С последней трети 80-х годов XX в. глобализация сферы услуг и трансграничные перемещения сервисных продуктов также приобрели масштабный характер. Во многих странах шли процессы «экстернализации» услуг – масштабное появление новых видов и форм сервисной деятельности, берущих на себя те функции по удовлетворению общественных потребностей, которые до этого являлись составной частью промышленного производства или самообслуживания. При этом экстернализация услуг не сводится к перемещению услуг из одной сферы в другую. Это явление качественного порядка, обеспечивающее расширение ассортимента услуг, повышение их качества и снижение экономических затрат на их производство.

Довольно известную концепцию по этому поводу сформулировал И. Валерстайн, доказав тем самым, что уровень развития глобального общества в пределах каждого национального государства принципиально разным, поскольку он определяется, в первую очередь, ментальными традициями и уровнем развития глобального сознания. В соответствии с этим ученый обозначил такую методологически завершенную схему, которая дает ему

возможность определить уровень развития глобального сознания, а следовательно, и уровень развития глобального общества в рамках определенных национальных государств. По его мнению, «ядро образуют государства, занимающих наиболее привилегированное положение в мире - системе, периферию – наиболее непривилегированные, полупериферию – регионы, которые занимают промежуточное положение между ядром и периферией» [39, с. 563].

«Периферия» при этом, разнородна и противоречива, в сравнении со странами «ядра». Страны, которые не входят в «золотой миллиард», различаются в большей степени и этот мир более нестабилен и неустойчив, чем мир индустриально-развитых стран. Противоречия внутри этого мира обусловлены уровнем экономического и технологического развития, и уходят вглубь истории. Поэтому, чтобы понять сущность, логику, возможные последствия глобализации, необходим социально-философский анализ концептуальных трансформаций, произошедших в мире в XX в. [213, с. 54].

Действительно, глобализированная экономика обнажила неравенство не только социальных групп внутри государств, но и целых народов, что отражается на политическом процессе. Как отмечает М. Делягин, «несмотря на коллапс коммунистической идеологии и последовавший за этим развал «социалистического лагеря», идеи глобальной свободы, озвученные идеологами неolibерализма, демократизации и рыночного фундаментализма, все чаще дополняются требованиями равенства или хотя бы выравнивания социально-экономического, политического, культурного разрыва, который в процессе глобализации также носит глобальный характер. Под воздействием процессов глобализации происходит все более жесткое и необратимое разделение людей, социальных групп и целых обществ по степени их участия в создании и использовании информационных технологий и – в практически полном соответствии с этим – по их богатству» [54, с. 194].

Исследуя проблемы диалектики глобализации общественных процессов, ученые констатируют, что «обращают внимание размышления о субординации

материальных и духовных потребностей, взаимовлиянии духовной и экономической жизни людей, взаимосвязи биологического и социального в выживании и прогрессе человечества, роли и судьбе национального и общечеловеческого в жизни людей и т. п.» [61, с. 9].

Также интересен вывод коллектива ученых, что если не забывать того, что экономика передовых стран является вершиной товарного производства, тогда придется признать, что элементы духовной жизни становятся общезначимыми и пользуются спросом лишь постольку, поскольку они товарны. В то же время потребитель, будучи участником потребительской гонки, спешит и не способен потреблять трудоёмко. Отсюда господствующим, массовым спросом пользуются те элементы духовной жизни, которые внешне привлекательны или отличимы любой ценой и легки для усвоения, т.е. поверхностные, соответствующие среднему массовому потребителю, посредственные [61, с. 10].

Г. Анилионис отмечает, что исследования проблемы эволюции теорий глобализации приводит ученых к констатации того факта, что глобализация заставляет правительства всех западных стран пересматривать свою социальную политику. В Германии, например, это относится к политике «социально ориентированной рыночной экономики» [14, с. 25]. С социалистическими призывами глобального равенства, соседствуют «правые» идеологические доктрины, спектр которых довольно широк – от концепций мультикультурализма, как обоснования существования в глобальном мире плюрализма культур и традиций, до неофашизма и религиозного (в основном исламского) фундаментализма, который часто принимает формы международного терроризма. Не останавливаясь на подробном анализе содержания каждого из этих течений, мы можем увидеть в них общую характерную черту – также, как и консерватизм, эти грани антиглобализма возникают как реакция на политическую и культурную унификацию. По мнению, В. Колонтай «На протяжении последней четверти века неолиберальная глобализация непрерывно (на конкурентно-конфликтной основе) приводила в

тесное соприкосновение и взаимодействие общества с самыми разными уровнями хозяйственного развития, с различными идейно-политическими установками, с далеко неодинаковым культурным и историческим наследием. Форсированные темпы этого процесса и полное пренебрежение к национальным особенностям придали ему невиданные противоречивость и конфронтационность. Неолиберальная глобализация систематически, преднамеренно взламывала целостность сформировавшихся обществ и государств, существующих национально-хозяйственных комплексов, сложившихся культур, религий, систем ценностей, приоритетов» [86, с.20].

«Правый» антиглобализм являет собой попытки защитить культурную, этническую, религиозную уникальность, иногда с помощью идеологической или научной дискуссии, иногда с позиций силы – демонстраций, акций протеста, террористических актов. Особенностью современных «анти»-идеологий (т.е. нацеленных на отрицание и уничтожение определенных феноменов) является то, что возможность этого уничтожения может трактоваться буквально и легко реализовываться на практике в силу информационной и технологической открытости и бесконтрольности глобального мира. В силу этого обстоятельства, фундаменталистские движения, архаичные по своей сути имеют возможности для реализации самых страшных целей. Как отмечает А. Неклесса: «Новый мир, приходящий на смену эпохе Модерна, рождается в столкновении трех исторических тенденций: модернизации, постмодернизации и демодернизации (неоархаизации). Модерн, уже претерпевший серьезную трансформацию в северо-атлантическом ареале, был по-своему воспринят и переплавлен внутри неотрадиционных восточных обществ, которые в ряде случаев полностью отбросили его культурные корни и исторические замыслы, но полностью восприняли внешнюю оболочку современности, ее прогрессивный цивилизационный импульс (модернизация в обход Модернити согласно высказыванию Алена Турена)» [135, с. 21].

Однако, в XXI в. страны делятся не столько по идеологическим или милитаристским параметрам, сколько по отношению к информационной

технологии, к инновациям и традициям. Инновационные страны предзадают направление мирового развития. Инновации не только привели к значительным успехам в самых разных областях: экономике, технологии, науке, но и поставили новые проблемы, не имеющие аналога в прошлом. Это обстоятельство привело к новой критической точке, где возможны радикальные трансформации, последствия которых непредсказуемы. В современном мире параллельно действуют две тенденции: с одной стороны, происходит глобализация, а с другой – усиливается стремление к сохранению национальной идентичности. Это фундаментальной значимости проблема, с которой вынуждены считаться все страны.

Интенсивная компьютеризация и информатизация мирового сообщества в конце XX – начале XXI вв. оказала колоссальное и многогранное влияние на множество аспектов человеческой деятельности (особенно в сферах экономики, политики, культуры, науки и образования) и привела к формированию глобального информационного пространства. Термин «глобальное информационное пространство» получил широкое распространение в социальных науках на рубеже двух веков вследствие интенсивного внедрения новейших достижений информационно-технологической революции в общественную практику во многих странах мира. В зарубежных исследованиях и многих международных документах по этой актуальной проблеме названное понятие используется в более узком значении и фигурирует чаще всего как «глобальное киберпространство» (global cyberspace). В наше время большинство исследователей роли информационно-коммуникационных технологий в жизни мирового сообщества рассматривают глобальное информационное пространство как совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации.

Современная коммуникационная революция не только выполняет культурогенную функцию, которая свойственна и прошлым

социотехнологическим революциям, но и дает этой функции новый импульс, который позволяет осуществлять культурогенез в очень сжатое время. Новые формы структурной модификации традиционных систем социальных ценностей и представлений происходят с такой интенсивностью, что воспринимаются и массовым сознанием, и научными работниками как кризис культуры. Этим культурным процессам противостоят идеи сохранения, возобновления и реанимации привычных традиционных культур. История знала попытки возрождения прежних культур, например, Ренессанс, но действительность показывает, что эти процессы завершаются созданием принципиально другой культуры, которая может хранить некоторое внешнее подобие своим культурным прототипам. Возрождение прошлой культуры невозможно, потому что оно приводит к культурной отсталости и деструкции [61, с. 103].

В настоящее время особое значение приобретает вопрос об информационной экспансии как одной из новых форм влияния на страны. Поэтому борьба за национальную независимость неразрывно связана с борьбой за информационный суверенитет, за право на коммуникацию. Главное препятствие на пути развития системы коммуникации – массовая неграмотность населения многих стран мира, а также особенности коммуникационной техники, ее высокая стоимость, сложность эксплуатации и т.п. Однако, как справедливо отмечает И. Валлерстайн, даже в рамках имеющихся возможностей СМК могли бы использоваться более справедливым и эффективным образом, если проводить адекватную национальную и международную политику в сфере коммуникации. Право на коммуникационный выбор на национальном уровне могли бы в какой-то мере обеспечивать национальные СМК как альтернатива транснациональным корпорациям. Но финансовые, технологические и профессиональные возможности местных СМК совершенно недостаточны для конкуренции с ними [39, с. 104].

Таким образом, с одной стороны, глобализация усиливает роль транснациональных взаимодействий в мире, расширяет масштабы коммуникации, делая цивилизационную часть жизни более удобной, что даёт повод оценивать данный процесс лишь позитивно. Однако в любом развитии всегда присутствует две противоположные стороны, две противоположные тенденции, которые обеспечивают ход и механизмы его протекания. Справедливыми есть заключения А. Панарина о том, что «...если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то обратной стороной – напротив, процессы дезинтеграции, которые разрушающе воздействуют на особенности национальных культур. В результате существует опасность реализации наиболее упрощающего типа интеграции, представляющего угрозу жизненному миру человечества» [145, с. 624].

Ученые отмечают, что глобализация возможна лишь на основе динамичного многообразия, в основе которого — существование государств различной социально-экономической ориентации, в том числе и традиционных обществ, и обществ, находящихся на той или иной стадии переходного процесса. Ситуация осложняется многоаспектностью процесса глобализации, увеличением сфер общества, вовлекаемых в данный процесс. Многие модели глобализации основаны на преувеличении роли той или иной формы глобализации. Между тем при всей значимости той или иной конкретной формы глобализации, например, экономической или информационной глобализации, они не исчерпывают сути этого сложного и неоднородного явления. Каждая конкретная форма глобализации — экономическая, технологическая, финансовая и др. имеет свою собственную историю, логику развития и вносит свой вклад в то, что называется процессом глобализации, и то, что требует более эффективного механизма общего решения глобальных проблем (экология, энергетика, продовольствие, образование и т. д.), а также обеспечения глобальной безопасности.

Систематический анализ природы разворачивающихся в мире глобализационных процессов, их динамики и особенностей функционирования

показывает, что с усложнением мира человека, возрастание его технологической мощи, растет число фундаментальных глобальных проблем, усиливается их влияние на цивилизационные процессы. И это закономерно, поскольку приобретают общеглобальную значимость многие локальные проблемы, получает распространение новейшая технология, что приводит не только к улучшению условий жизни, обогащению соприкасающихся культур, но и обострению межгосударственных отношений, ухудшению экологической ситуации в мире и т.д. Глобализируются не только достижения технологии и информатики, принципы экономической и финансовой жизни, но и проблемы, порожденные техногенной цивилизацией.

В этом контексте интерес представляет трактование глобализации В. Добренкова как объективного процесса, который приводит к фактическому изменению монетаристского типа цивилизации, что исчерпала свои возможности, принципиально другим типом, который дает мировому содружеству качественно другой набор ценностей и приоритетов [64, с. 17].

Однако количество международных конфликтов отнюдь не снижается, обнажая проблемные вопросы в системе международных отношений – примером чему может служить усиление сепаратистских тенденций в Европе, современная ситуация в Украине, связанная с аннексированием территории и гражданским противостоянием, рост протестных настроений в Китае и т.д. Широкомасштабные и глубокие изменения последнего десятилетия, приведшие к коренным изменениям в геополитических структурах мирового сообщества и трансформации конфигурации социально-политических систем, дают основание говорить о переживаемой нами в настоящее время смене эпох, завершении одного исторического периода и вступлении мира в качественно новую фазу развития. Соответственно подвергается коренному переосмыслению идеологическая основа международного взаимодействия. Можно сказать больше: идет процесс формирования новых идеологических основ, которые одновременно должны отражать и конструировать новые

социально-экономические, политические, духовные и иные реальности как на западе, так и на востоке, как на севере, так и на юге планеты.

Аналитики указывают на проблему «дефицита демократии» в эпоху глобализации [196, с. 5]. Кроме того, призванная по идее сделать мир более предсказуемым в результате повсеместного установления демократических процедур, на практике незавершенная демократизация породила целую когорту гибридных режимов, что сделало современный мир еще более неуправляемым. Исследуя проблемы политической глобализации, А. Ильин отмечает «хотя управление (government) и управляемость (governance) рассматривается как политический императив в условиях глобализации, вместе с тем, исследователи сегодня обращают внимание, что управление глобальными процессами на основе концепции устойчивого развития в международных отношениях 1990-х г.г., и особенно начала XXI века, вступает в противоречие с неолиберальной по характеру глобализацией, продуцирующей внутреннюю нестабильность системы [73, с. 195-196]. Это связано, как считает Н. Косолапов с неравномерностью духовной и материальной глобализации, приобретающей в ряде случаев форму конфликта культур, когда традиционалистски ориентированная часть этнонациональных элит и обществ стремится сохранить сложившийся жизненный уклад, законсервировать жизненные стандарты, нормы, ценности этноса, конфессии и т.п. [92, с. 40].

На первый взгляд после контролируемого биполярного мира для международной политики сегодня стала характерна «анархичность» отношений и постоянная борьба государств за существование и защиту своих интересов. Также во главе интересов находится обеспечение военной безопасности и подчиненное этому значение экономических интересов, что в целом важно для наращивания мощи и международного авторитета государства. Однако практика последних лет показывает, что государство может рассчитывать только на свои силы для самозащиты, а лояльность союзников не должна приниматься на веру. Отсюда стремление к самодостаточности: разностороннее

развитие собственной экономики и военной промышленности, обеспечение контроля над стратегическими ресурсами.

Ученые отмечают, что сегодня, как и на заре цивилизации, наиболее сильные побудительные мотивы государства – это стремление удовлетворить свои специальные интересы за счет общественных. Однако поиск и нахождение соответствующих способов и средств экспроприации затрудняется с каждой новой исторической эпохой. Возможно, апогей такой политики государств уже в прошлом, по крайней мере, мы видим как в эпоху глобализации растет противостояние такой стратегии со стороны новых субъектов мировой политики — транснациональных корпораций, негосударственных организаций, отдельных финансово-мощных лиц [48, с. 78].

Как следствие глобализации мировой политики в современном мире существенно изменилось понимание силы и безопасности. В частности, усиление разносторонности межгосударственных отношений в сфере обмена технологиями, информационных обменов или транспорта, предусматривающих собственные правила игры и баланс ресурсов, превращает понятие силы в характеристику как преимуществ, так и уязвимости отдельных стран. В соответствии с этим и понятие безопасности стало выявлять не только большую зависимость от позиций иных государств, но и свою внутреннюю структурированность. В настоящее время ученые говорят о наличии политических, экономических, гуманитарных, экологических компонентов государственной безопасности на мировой арене.

Поскольку конфликтность международной системы коренится в ее природе, она лишь отчасти сдерживается международным правом, институтами и моральными нормами. Условием мирного сосуществования государств является поддержание равновесия сил. И наоборот, его нарушение ведет к войне. Такая связь мира и статус-кво не означает, что реализм не видит иного механизма значительных изменений в международной системе, чем война. Как отмечает Ю. Биденко «эволюционное развитие возможно в тех случаях, когда

государства приспосабливаются к новому распределению силы, например, через присоединение к стратегическим альянсам» [30, с. 55].

Действительно, сегодня глобальный политический процесс представляется очень противоречивым вследствие двух устойчивых и взаимоисключающих тенденций: одна ведет к суверенизации все более мелких этнических единиц; вторая стремится создать межнациональную культуру глобальной экономики и мироустройства. Примером для пояснения этих двух тенденций может послужить современная ситуация в Европе, когда одновременно с интенсивным процессом интеграции (образование Европейского Союза, повышение роли Совета Европы) идет процесс регионализации областей и возрастание этнического и экономико-культурного сепаратизма. Вспомним борьбу за автономию басков в Испании, валлонов в Бельгии, ирландцев и шотландцев в Великобритании, текущие события в Украине, и вот уже внешне респектабельная и спокойная Европа представляется очагом этнических конфликтов. Здесь логично предположить, что именно форсированное межнациональное и межцивилизационное взаимодействие ТНК и глобальных политических организаций провоцирует борьбу малых этносов за автономию, вспышки этнического экстремизма и фундаментализма. По мнению В. Будко, это ответная реакция национального менталитета на чуждые, а, следовательно, враждебные элементы глобальной культуры [61, с. 9]. Продолжая эту мысль, можем предположить, что сепаратистские тенденции часто становятся ответом на геополитические и тем более, геоэкономические, а не на внутренние вызовы, но при этом глобализированное государство часто не может ответить на них, не нарушая принципы коллективной и глобальной безопасности.

Таким образом, присоединение к альянсам и союзам может не только увеличивать стабильность и усиливать государства, как субъекта международной политики, но и порождать напряженность внутри его или в отношении со странами-соседями. Примером этому служит современная

ситуация в Украине и повышение напряженности в отношениях с Российской Федерацией, вылившейся в вооруженный конфликт.

Об подобных рисках этом еще до формирования ЕС в нынешних границах писал Зб. Бжезинский: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и скорее всего, была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией, которая, произойди такое, была бы обижена в связи с утратой недавней независимости и получила бы поддержку со стороны дружественных ей исламских государств Юга. Китай, похоже, также воспротивился бы любого рода реставрации российского доминирования над Средней Азией, учитывая возрастающий интерес к недавно получившим независимость государствам этого региона. Однако если Москва вернет себе контроль над Украиной с ее многомиллионным населением и крупными ресурсами, а также выходом к Черному морю, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии. Потеря Украиной независимости имела бы незамедлительные последствия для Центральной Европы, трансформировав Польшу в геополитический центр на восточных рубежах объединенной Европы» [29, с. 25].

Мы видим, что прогноз американского политолога оправдался и Россия действует по схеме удержания Украины или хотя бы ее части в зоне своего контроля. Памятна декларация Президента Путина, высказанная на саммите НАТО еще в 2008 г., что такого государства, как Украина, не существует: половину государства ей «подарила» Россия, а вторая половина – это просто «Восточная Европа» [274]. Подобную, но еще более радикальную точку зрения высказывал и идеолог нео-евразийского направления А. Дугин, прогнозируя войну России против Украины: «Я не могу исключить реальные боевые

действия, это зависит от многих факторов... Украинцы – это растерянный народ – 60% – нашего (русского народа) и 40% – ненавидящего нас народа, это проамериканские враги» [66]. Однако отношение украинского населения к России, как центра притяжения, несколько сложнее и развиваются более динамично, чем это видится российской стороной, особенно радикализированными ее представителями. Об этом свидетельствует исследования социологического центра «R&V Group», проводимые по всем регионам Украины на протяжении 2005-2013 гг. [37], а также изменение общественного мнения населения обоих государств в 2014.

Проблемой в данном контексте, по мнению российских авторов, остается также признание легитимности определенных государств и территорий. В принципе, все государства, легитимизированы. Достаточное количество субъектов должны принять силу государства как необходимую или желательную, чтобы правление было широко признано и поддержано. Но тот же социальный консенсус, который легитимизирует государство, одновременно и связывает его. Идеология, следовательно, становится мощным фактором, объясняющим общественные движения, преодолевающие проблему свободного всадника и вносящие значимые изменения в политику государства. Идеология может больше мотивировать людей в их стремлении к социальным изменениям, чем даже материальные вознаграждения. Россия, например, движется к крайностям своей политики больше под влиянием идеологических и геополитических, чем экономических факторов [48, с.64].

Процесс глобализации, интерпретируемый не с позиций норм международного права, а с позиций силы, усиливает напряженность в мире и вероятность не только ядерной катастрофы. В этой связи актуализируется вопрос о том, могут ли мировые лидеры подняться над узконационально-государственными экономическими и политическими интересами и мобилизовать ресурсы всей цивилизации для поиска новых, более оптимальных моделей цивилизационного развития, чтобы не подвергнуть человечество риску военной или экологической катастрофы? Это фундаментальной важности

вопрос, поскольку именно лидеры развитых стран определяют дальнейшие пути обществ. Пока же глобализация больше отвечает экономическим и стратегическим интересам отдельных стран и регионов.

Выводы ко второму разделу

Рассмотрев проблему поиска новой идеологии международных отношений в условиях глобализации можно сделать следующие заключения.

Основные изменения современного мира, их влияние на систему международных отношений и поиск идеологических основ связаны, как минимум, с несколькими векторами: разрушение биполярной системы мира и усиление его нестабильности, глобализация, регионализация, кризис нравственного сознания и правосознания, обострение потребностей народов в самоидентификации, рост этнических и культурных факторов в международных отношениях, усиление ценностной значимости свободы и безопасности и т.д.

Постбиполярный мир гораздо сложнее, чем мир холодной войны, по окончании которой во многих странах исчез организующий принцип внешней политики. Мультицентричность сегодняшних международных отношений связана с изменениями пространственно-временных характеристик политических явлений и процессов – локальных, региональных, глобальных. Это находит отражение не только в ускорении политического времени и сжатия политического пространства, но и в изменении темпо-ритма политической жизни, очередности этапов политических процессов и т.п. Транзитность и процессуальность приобретают все большее значение в политической жизни, в сохранении стабильности в мире. Происходит интенсивное размывание границ между внутренним и внешним в политике, что находит отражение в толковании проблемы государственного суверенитета, возможности осуществления «гуманитарных интервенций» и границ допустимого вмешательства одного государства (или группы государств) в дела другого. Структуры и

пространства, те, что выступают как «центр» в одном отношении, оказываются «периферией» в другом отношении и наоборот.

Одним из наиболее важных вызовов для поиска новых идеологических основ международных отношений является глобализация. С 90-х годов XX ст. понятие глобализации активно включилось в политический, экономический, культурологический, экологический и другие дискурсы. Разные концепции содержания этого понятия отображают методологическую позицию авторов. Множество типологий глобализации отображают многогранность понятия и определяют комплексный подход к пониманию сути и анализу глобализации как одного из весомых факторов формирования идеологических основ современных международных отношений. Отмечены сложности ценностного порядка, научного осмысления глобализации, конкуренции между ее трактовками в науке. Акцентируется на том, что происходят реальные изменения в системе международных отношений: обмен технологиями, информацией, духовными ценностями, развитие культурных коммуникаций, сферы туризма, образования и т. п.. Реальный процесс глобализации средств и технологий передачи информации, финансовых рынков, новейших видов оружия также находит свое отражение в новых подходах к глобализации.

Формирование глобального информационного пространства привело к разделению стран на инновационные и традиционные. Первые определяют направление мирового развития. С одной стороны, внедрение инноваций способствует значительным успехам в самых разных областях, с другой – вызывает и новые проблемы, требующие изучения и вызывающие изменения в международных отношениях. Современная коммуникационная революция выполняет не только культурогенную функцию, но и дает этой функции новый импульс, который позволяет осуществлять культурогенез в очень сжатое время. С большой интенсивностью происходит структурная модификация традиционных систем социальных ценностей и представлений, что вызывает конфликт и противостояние с идеями сохранения, возобновления и реанимации. Особое значение приобретает вопрос об информационной

экспансии как новой формы доминирования над другими странами. Поэтому борьба за национальную независимость неразрывно связана с борьбой за информационный суверенитет, за право на коммуникацию. Проведение адекватной национальной и международной политики в сфере коммуникации является одним из способов разрешения этих проблем.

Современный мир характеризуется социокультурным, цивилизационным многообразием. Современную трансформацию политической сферы характеризуют множественные конфликты (международные, внутривнутриполитические, конфликты ценностей). Глобализация с одной стороны усиливает сотрудничество между субъектами мировой политики, ускоряет и интенсифицирует процессы обмена технологиями, товарами, информацией, культурой, с другой – приводит к усилению нестабильности мирового политического процесса, глобализирует демографические, социальные, экологические и культурно-ценностные проблемы целых государств и регионов. Отмечается, что концепты глобализации и антиглобализма не дают ответы на вызовы глобальной безопасности. Это актуализирует поиск новых идеологических основ международных отношений, которые должны учитывать социокультурное, цивилизационное многообразие, избегать его политизации, и ориентироваться на обеспечение базовых социальных, экономических, политических и гражданских прав, развитие международной солидарности, защиту прав и культурно-исторического наследия коренных народов, поддержку и развитие культурного многообразия и др.

Основными принципами сосуществования должны быть взаимоуважение и понимание, межкультурный диалог и образование. Однако современные реалии свидетельствуют, что стратегии военного и силового разрешения конфликтов все чаще возникают как альтернатива нормам международного права, тактикам компромисса и медиации, что заставляет развитые страны искать новые рычаги давления в виде экономических, культурных, дипломатических санкций.

РАЗДЕЛ 3

ДЕМОКРАТИЯ КАК ИСТОЧНИК И ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. Основные параметры новой идеологии международных отношений в контексте становления идей «глобального гуманизма», демократии и «коллективной безопасности»

Новая идеология международных отношений формируется как демократическая, открытая, системная и гуманистическая. И хотя в разных регионах мира возникают те или иные конфликты, общее стремление человечества к реализации демократии, миротворчества, взаимопонимания и толерантности, сотрудничества сохраняется. Остановимся на этом более детально. В первую очередь рассмотрим основные параметры новой идеологии международных отношений в контексте становления ее базовых идей.

Тенденция к *гуманизации* составляет характерную особенность современного этапа развития международных отношений. В международно-политической теории гуманизация трактуется как рост значимости и влияния моральных и нравственных норм в сфере международных отношений, включая более полное обеспечение прав и свобод человека во всех областях жизнедеятельности, признание самого человека, отдельного индивида наивысшей ценностью. По словам П. Цыганкова, в международно-политической теории гуманизация международных отношений трактуется как неуклонный рост влияния на эту сферу норм морали и нравственности, как ее «очеловечивание», направленное на признание самоценности человека, более полное обеспечение его прав и свобод [204, с. 51].

Все разновидности гуманизма сходятся в одном – признании человека наивысшей социальной ценностью. Гуманизм – фундаментальная основа организация государственной власти. Этот принцип, отмечают исследователи,

означает признание ценности человека как личности, утверждение приоритета его интересов в деятельности государства [107, с. 124].

Можно предложить и другие определения гуманизма, например: гуманизм – это утверждение достоинства человека и полноты его существования; гуманизм является сущностью социальных отношений; видом духовной ориентации и др. [103, с. 217]. Гуманизм – это общечеловеческая ценность. Вместе с демократией, социально-правовым государством – это те социальные ценности, которые неразрывно связаны между собой и являются мощными импульсами влияния на развитие всех сфер жизни общества, формирования политико-правовой культуры его членов.

При этом есть основания рассматривать современный гуманизм в глобальном контексте. Согласно мнению А. Кудишеной, ведущими характеристиками современного гуманизма выступают его планетарность, обращенность к мировому сообществу как ответственному субъекту не только планетарной этики, но и планетарного экологического сознания [99, с. 56]. Появление данного феномена является закономерным процессом, связанным как с внутренними свойствами самого гуманизма, так и интенсификацией политико-культурных взаимодействий в условиях глобализации. Данные процессы являются результатом как качеств, заложенных внутри гуманизма, изначально заявившего о себе как о космополитическом явлении, так и ввиду широкого распространения ценностей гуманизма по мере расширения границ демократии и активизации цивилизованных транскультурных отношений между людьми, региональными и национальными культурами [99, с. 125].

В качестве современного ориентира развития мирового сообщества в целом и отдельного человека выступают общечеловеческие ценности. Если прежний (послевоенный) мировой порядок был основан на примате суверенитета государства, то формирующийся после падения двуполярного мира новый порядок – на приоритете прав человека. В современных условиях, – отмечает О. Бабкина, – существует необходимость в утверждении человекоцентрической, гуманистической морали и духовности, ответственной политики,

которая становится потребностью современной цивилизации. Наполненный противоречиями мир актуализирует вопросы морального регулирования политического поведения как внутри страны, так и на международной арене [16, с. 5–11]. Специфика гуманистических ценностей состоит в том, что им присущ всесторонний, общечеловеческий характер, который не содержит в себе разницы между субъектом и объектом, представляет собой качественно более высокий уровень общественной обусловленности политики.

В последнее время обозначилась тенденция актуализации международных стандартов прав человека, отхода от авторитаризма, придания правового характера отношениям государства и личности. Права человека еще в большей мере стали утверждаться в качестве критерия, определяющего взаимоотношения в мировом сообществе, что позволяет говорить о «глобализации прав человека». Обозначенная тенденция подтверждается также и тем, что, в настоящее время существует множество действующих международных актов, в которых получила отражение общечеловеческая концепция прав и свобод человека, обязательные нормы для государств, соблюдение которых способствует выходу международных отношений на качественно новый уровень. Международная практика показывает, что общей закономерностью развития международного сотрудничества в области прав и свобод человека, с одной стороны, является возросшее стремление государств принимать в нем активное участие, с другой – темпы такого участия зависят от существующих на национальном уровне реальных социально-экономических и политических гарантий обеспечения данной нормы. В современных условиях концепция прав человека все больше стала увязываться с ответственностью государства перед международным сообществом за проводимую им политику. Государства обязаны исходить из международных стандартов прав человека.

В тоже время феномен гуманизации международных отношений развивается неоднозначно, формируя различные оценочные подходы: от полного отрицания – до крайне оптимистичных выводов по поводу существования подобной тенденции. Скептики указывают на такие негативные

факторы, как развитие международного и регионального терроризма, доминирование в международных отношениях эгоистических национальных интересов государств, неэффективность международных организаций при разрешении ряда вопросов. С другой стороны, отмечается прогресс в возможностях защиты индивидуальных и групповых прав, развитие международного гуманитарного права, возрастающее влияние правозащитных и гуманитарных неправительственных организаций в международных отношениях. Обе точки зрения, по сути дела, не противоречивы, поскольку характеризуют разные аспекты объективно существующего процесса.

Можно отметить ряд положительных тенденций, которые свидетельствуют о развитии и укреплении процесса гуманизации, среди которых документальное закрепление и признание большинством стран мира Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., Международных Пактов об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах 1966 г., региональных деклараций и конвенций: Европейской Конвенции по правам человека, Межамериканской конвенции по правам человека, Африканской Хартии прав человека и народов, Исламской всеобщей декларации прав человека. Несмотря на необязательный, рекомендательный характер большинства этих документов, они все же играют немаловажную роль в процессе утверждения основополагающих прав и свобод. Что же касается Пактов ООН, то они выступают как обязательные к исполнению каждым подписавшим и ратифицировавшим их государством.

Происходит и постоянное расширение трактовки и объема прав человека, особенно прав женщин, национальных и иных меньшинств. Приняты такие важные документы как: Декларация об искоренении насилия в отношении женщин 1993 г., Пекинская декларация, принятая четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, 1995 г., Меры в области предупреждения преступности и уголовного правосудия с целью искоренения насилия в отношении женщин 1997г., Политическая декларация «Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI

веке», Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г., Декларация о правах коренных народов 2006 г. и другие [217]. Можно констатировать, что идет постоянное усовершенствование основополагающих норм и принципов, и все большее число стран берет на себя обязательства по их соблюдению, т.е. проявляется тенденция к интернационализации прав человека.

Формируется также механизм реализации прав человека, ратификации соответствующих документов. Здесь значимая роль принадлежит специализированным учреждениям ООН, в том числе Совету по правам человека, созданному в 2006 г. взамен одноименной Комиссии. Преимуществами Совета является то, что это постоянный орган; он имеет меньший состав, что способствует ведению целенаправленных обсуждений; собирается регулярно, не меньше трех раз в год; может проводить специальные чрезвычайные сессии по требованию одной трети его членов, в том числе, для рассмотрения вызывающих обеспокоенность ситуаций с правами человека в отдельных странах. Совет служит форумом для обсуждения вопросов, связанных с правами человека. Основным направлением его работы является помощь государствам по выполнению обязательств в области прав человека на основе диалога, создания потенциала и предоставления технической помощи. Совет выносит рекомендации Генеральной Ассамблее в отношении дальнейшего развития международного права в области прав человека [46].

Но в международных отношениях много и негативных тенденций, которые препятствуют процессу их гуманизации. В мире все еще много стран, где систематически нарушаются права человека. Известная международная правозащитная организация Хьюман Райтс Вотч констатирует существенные проблемы такого характера в 90 странах и территориях мира, и отмечает, что нарушения прав человека сыграли не последнюю роль в зарождении или усугублении многих сегодняшних кризисов. Тенденция к отбрасыванию прав человека в условиях угроз безопасности рельефно обозначилась в 2014 году во многих странах от Сирии до США. Слишком часто, в том числе в Кении,

Египте, Китае правительства и силовые структуры отвечают на реальные или мнимые террористические угрозы произволом, который в конечном счете только усугубляет кризис. «Некоторые правительства ошибочно считают, что в неблагоприятные времена права человека – не более, чем роскошь, вместо того чтобы видеть в них стратегическое руководство для текущей политики, – говорит исполнительный директор Хьюман Райтс Вотч Кеннет Рот. – Политикам всего мира нужно перестать относиться к правам и свободам как к досадной обузе и начать использовать их в качестве морального ориентира, обеспечивающего выход их кризиса и хаоса» [203].

Другим существенным минусом является неразрешенность многих конфликтов. Жизнь большого количества людей разрушается из-за непрекращающегося арабо-израильского противостояния, конфликта в Восточной Украине, гражданской войны в Сирии, нестабильности во многих африканских государствах, постоянных кровопролитий в Ираке, сложной обстановки в Афганистане. Сегодня существует и угроза неконтролируемого распространения ядерного оружия.

Важным аспектом углубления процесса гуманизации является постоянное совершенствование системы защиты прав человека. Нужно признать, что в современных международных отношениях вопросы прав человека уже не должны рассматриваться как относящиеся к исключительно внутренней компетенции государства. Международное сообщество обязано реагировать на нарушения государством его обязательств по правам человека. И эта реакция должна осуществляться от имени Совета Безопасности ООН и быть основана на нормах международного права. Но вместе с тем она должна быть своевременной и адекватной, поэтому требуется четко проработать механизм быстрого реагирования в случаях массовых и грубых нарушений прав человека. Конечно, это чрезвычайно сложный вопрос, так как он связан с понятиями государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Однако необходимо понимать, что в современном мире суверенитет уже не может быть и не является абсолютным, и государства не имеют право безнаказанно

убивать, истреблять и ущемлять в правах своих граждан, прикрываясь этим самым суверенитетом. Значение имеет и повышение уровня информированности населения мира в вопросах прав и свобод человека, международного гуманитарного права, чем успешно занимаются некоторые неправительственные организации. Образованность граждан в этих вопросах способствует более эффективной защите их прав и свобод. Необходимо также добиваться повсеместного утверждения и соблюдения государствами международных стандартов в области прав человека. Государства должны не просто принимать, ратифицировать международные документы, но и следовать их букве. И этого можно достичь только совместными усилиями ООН, региональных и международных неправительственных организаций.

Параллельно с идеями глобального гуманизма современная идеология международных отношений базируется на *ценностях демократии*. Признание в международном сообществе зависит от отношения к демократическим ценностям, принципам, процедурам. По мнению М. Лебедевой, оставаться вне всемирного «демократического клуба» в современном мире означает быть неким «изгоем» – вне системы, вне «Современности». Это побуждает все новые и новые государства ориентироваться на демократические ценности. Процесс демократических преобразований в конце XX ст. можно рассматривать как тенденцию политического развития мира, в реализации которой все более важными оказываются не эндогенные (внутренние) факторы, а экзогенные по отношению к данному государству, т.е. международная среда [110, с. 175–176].

Развития демократических идеологических оснований международных отношений требует и реализация позитивных потенций процесса глобализации. Так, И. Новик подчёркивает, что глобальность реализуема в рациональных и гуманных формах лишь на фундаменте локальных и региональных демократий. Стало быть, важнейшая системная закономерность нынешнего мирового развития выражается в примате демократического над глобалистическим. Только предварительное установление демократии способно обеспечить последующее формирование оптимальной для человечества глобальной

системы. Определяющей чертой сложного системного процесса формирования мировой демократии как глобальной системы служат добровольность и ненасильственность интеграции стран, народов, людей [139, с. 156].

Демократия рассматривается и как основа для поддержания мира между народами. Как отмечает Э. Баталов, с 80-х годов XX века в Америке начала складываться так называемая теория демократического мира («демократии друг с другом не воюют»), представленная работами М. Дойла, Б. Рассета и ряда других крупных теоретиков-международников. Получалось, что глобальная демократизация открывает путь к реализации давней мечты человечества – утверждению мира во всем мире [25, с. 148]. При этом необходимо отметить тесную взаимосвязь гуманизма и демократии как идеологических основ современных международных отношений. В частности среди принципов современного гуманизма А. Кудишина отмечает поддержку и защиту демократии, развития политического самосознания общества и гражданина, поскольку просвещённый гражданин – лучшая гарантия в достижении общественного блага. Демократия в обществе зависит от его открытости, наличия гражданских свобод, власти большинства и прав меньшинств, права на легальную оппозицию и соответствующее законодательство [99, с. 124].

В. Спивак отмечает обратное влияние демократии на распространение гуманизма. Расширение поля демократического сосуществования свидетельствует не только о ценности данного института, но и одновременно создаёт возможности для реализации стратегий и программ гуманизации глобального развития [181]. В свою очередь И. Новик рассматривает гуманизм и демократию как две подсистемы единой, перспективной для выживания людей, системы гуманно-демократических связей. Гуманное отношение к другим оказывается в конечном счете выгодным для всех на достигшем цивилизованности рынке. Гуманизм в высших своих проявлениях сам становится оптимальным прагматизмом, т. е. реальным инструментом реализации демократии и в то же время ее ограничителем и регулятором, ибо антигуманная демократия люмпенов создает беспредел, ведет к фашизму.

Демократия, в свою очередь, выступает практической реализацией гуманизма. Система «гуманизм — демократия» оптимальна и наиболее устойчива в исторической эволюции [139, с. 158].

Ещё одним базовым принципом современной идеологии международных отношений выступает *коллективная безопасность*. В целом безопасность сегодня рассматривается как универсальная ценность общества риска. Это то общее основание, на котором необходимо выстраивать международное сотрудничество, направленное на предотвращение глобальных катастроф.

По мнению О. Яницкого, продолжающийся рост народонаселения Земли, терроризм, все более множественные этнические и межнациональные конфликты, природные и техногенные катастрофы, угроза глобального изменения климата стимулируют в совокупности сдвиг в целях и ценностях евроатлантического сообщества: от накопления богатства и роста качества жизни к усилиям по снижению рисков и угроз. Безопасность и здоровая среда обитания «здесь и сейчас» как высшие ценности для богатых и бедных вытесняют мечту о вечном всеобщем благоденствии [220, с. 156].

В свою очередь И. Василенко обращает внимание на этическое измерение ценностей безопасности. Оказалось, что в конце XX века, как и столетие назад, процесс образования и актуализации новых ценностей связан с решением новых моральных проблем. И поскольку глобальные проблемы являются едиными для всех цивилизаций, появляются и новые общие ценности. Человечество наконец стало совместными усилиями возделывать общее поле духовных проблем, и это естественным образом сблизило народы и культуры [40, с. 335]. При этом стоит отметить тенденцию расширения поля проблематики безопасности. По словам В. Кулагина, на рубеже веков в сфере безопасности формируется новый феномен — масштабное вторжение в пространство военно-политической безопасности (и в сопредельные области расширяющегося поля безопасности) новых негосударственных действующих лиц, а также изменение роли национальных государств. Поэтому речь идет уже не только о «международной безопасности» в ее межгосударственной ипостаси,

а о явлении с более широким набором действующих лиц, которое по этой причине более корректно было бы именовать «мировой безопасностью» [101].

Таким образом, актуализация глобальных угроз и проблем международной безопасности приводит к необходимости объединения усилий всего мирового сообщества в рамках различных форм коллективной безопасности. Глобальные проблемы стимулируют процесс объединения усилий, направленных на поддержание безопасности в глобальных масштабах. С точки зрения М. Лагутиной, наличие глобальных проблем и появление в мировой политике «новых вызовов и угроз», подталкивает мировое сообщество к интеграции и обуславливает поиск новых форм сотрудничества и инструментов управления мирополитическими процессами [106, с. 31].

Как пишет В. Кулагин, положение о том, что глобализация усиливает «сжатость» и взаимозависимость мира и влияет на мировую безопасность, давно стало банальностью. Заинтересованность подавляющего большинства наций в подключении к экономической и технологической глобализации стабилизирует мировое пространство безопасности. Выход на передний план новых транснациональных угроз (например, терроризма) угрожает большей части мирового сообщества. Человечество начинает усваивать на практике благотворность коллективных подходов к решению некоторых ранее казавшихся непреодолимыми проблем – например, сокращения вооружений, урегулирования вооруженных конфликтов, борьбы с эпидемиями, природными и техногенными катастрофами. Хотя и в недостаточной степени, но возрастает общий мирный дивиденд от снижения уровня конфронтации [101].

При этом важным аспектом проблемы коллективной безопасности является её связь с демократией. С точки зрения В. Грубова, главными факторами поддержания международной стабильности и формирования среды безопасности на демократических принципах стали: приверженность всех участников системы безопасности относительно главных демократических ценностей; способность демократических элит отвечать на внешние вызовы без применения силы; взаимная возможность прогнозировать политические,

экономические и социальные действия партнеров; необходимость общих базовых ценностей и коллективная идентичность. Таким образом, новые ориентиры не только соединили экономическую и духовную сферу бытия человека Запада, но и отобразили приоритет ценностей в формировании политики национальной и международной безопасности [52].

В свою очередь Н. Косолапов развитие нового подхода к обеспечению безопасности связывает с построением такой единой общечеловеческой системы международного правопорядка, которая формировалась бы на началах коллективизма, добровольности и демократизма, но в дальнейшем предполагала бы достаточно определенные и жесткие обязательства её членов [93, с. 204–205]. Несмотря на множество трудностей, с которыми сталкивается процесс создания и деятельности структур коллективной безопасности, практика международных отношений демонстрирует определённые успехи, позволяющие смотреть в будущее со сдержанным оптимизмом.

В целом в XX в. феномен «международной безопасности» как институт коллективного сдерживания войн постепенно все же начинает теснить феномен войны в качестве основного и, как казалось до той поры, неизбежного инструмента международных отношений. Военная сила оставалась важным фактором мирового взаимодействия, но новая логика «хочешь мира – укрепляй международную безопасность» постепенно дополняла, а нередко и брала верх над многовековой догмой «хочешь мира – готовься к войне» [174, с. 417-418].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что гуманизация – противоречивый, но вполне реальный процесс в современном мире. Она идет очень медленно, порой сопровождаясь неоднозначными процессами. Конечно же, гуманизация еще не охватывает все международные отношения, существует много сложностей, проблем, которые не решаются в одночасье. Можно также сказать, что гуманизация избирательна, региональна, так как не все сферы и регионы в международных отношениях подвергаются гуманизации. И, наконец, гуманизация еще не достигла такого уровня, чтобы наивысшей ценностью в международных отношениях была признана отдельная личность, конкретный

индивид. Признается скорее ценность группы людей. Международное сообщество начинает реагировать только тогда, когда убийства принимают массовый характер, даже существуют споры по поводу того, какое количество жертв необходимо, чтобы признать преступление геноцидом. Конечно, это неприемлемо с точки зрения гуманности, но такова современная действительность. В современном мире складывается ситуация, при которой одни группы людей рассматриваются мировым сообществом как более ценные, нежели другие. И так, скорее всего, в той или иной степени будет всегда. Важнее другое: что, так или иначе, но мы движемся по пути гуманизации.

В деле углубления процесса гуманизации современных международных отношений необходим комплексный подход и усилия всего мирового сообщества. Проблема гуманизации не должна, да и не может решаться только на двустороннем уровне. Крайне необходимо расширение и углубление взаимодействия ООН, межправительственных и неправительственных, региональных организаций. Только совместными усилиями можно справиться с проблемами современных международных отношений. На сегодняшний день уже осуществляется подобное сотрудничество. К примеру, ООН активно взаимодействует с неправительственными организациями через Департамент общественной информации Секретариата ООН. Это сотрудничество и взаимодействие нужно расширять и углублять, включая в него все больше организаций различного уровня и привлекая их к решению проблем, предпринимать совместные конкретные действия по их разрешению.

Важно учитывать и то, что неправительственные организации любого уровня являются лучшим средством превентивной дипломатии, особенно в деле раннего предупреждения конфликтов, привлечения внимания к ним правительств и международных организаций. НПО могут преуспеть в области сохранения мира и безопасности – главной цели ООН, успешно справляясь с такими задачами, как исследование проблемы мира, выработка средств оказания помощи государствам, мобилизация общества и ускорение демократических процессов.

3.2. Специфика демократизации мирового сообщества, обеспечения открытости, доверия и динамизма в идеологии международных отношений

Глобальные трансформационные тенденции современного мира, даже если проанализировать их по формальным признакам, доказывают, что процессы демократизации в современном мире приобретают действительно глобальный масштаб. Вне её влияния остаются только мусульманские страны и некоторые коммунистические режимы (Китай). Причем разные варианты глобальных демократических преобразований происходят почти синхронно, хотя и в совершенно разных и трудно сопоставимых между собой исторических, культурно-цивилизационных, социально-экономических, политических и других контекстах. Выходные характеристики общественных систем, которые трансформируются, существенно различаются – от военных хунт в Латинской Америке и Южной Европе до посттоталитарных режимов в СССР и бывших европейских социалистических странах [17, с. 8].

Общественно-политические процессы в мире, в том числе и в Украине, свидетельствуют о разрыве между целями и возможностями осуществления демократизации общества. Это обуславливает необходимость теоретического осмысления проблем политического развития, модернизации, которые возникают и динамично меняются в современных условиях. Существующие научные исследования не исчерпали возможностей дальнейшей разработки широкого круга вопросов, связанных с процессами демократического политического развития политических систем, государственной власти и политического участия, концептуальных и процессуальных подходов их формирования и функционирования и т.п. В современной политологии демократия рассматривается как важное достижение человечества потому, что она представляет собой произведенный и обогащенный ходом всемирной истории механизм решения жизненно важных вопросов, при котором все члены общества могут равноправно решать эти вопросы.

Демократия является созданным длительным течением развития цивилизации способом и условием диалога, компромиссного согласования, взаимного ограничения противоречивых и конфликтных интересов, посягательств и убеждений различных субъектов социального процесса. Это способ организации политических и иных общественных отношений и деятельности людей, обеспечивающих интеграцию общества на основе общих интересов, которые выражают нормальную и оптимальную активность всех его субъектов. Демократия – это одна из общественно-политических, морально-правовых и культурных ценностей, поскольку выражает права человека и единство общечеловеческих, классовых, интернациональных и национальных интересов в политической жизни. Она охватывает все достижения человечества – не только культурные явления человеческого духа, но и материальную жизнь, экономику, социальную сферу, сферу международных отношений.

К пониманию демократии необходим широкий подход не только как феномена политической сферы, но и широкого общесоциального процесса, как способа организации и функционирования общества, единства социологического и политологического измерений [17, с. 8–9]. Демократия выступает как основная черта новой идеологии международных отношений. Но её практическая реализация всё ещё далека от завершения. С какими трудностями и барьерами сталкивается человеческое сообщество в процессе демократизации системы международных отношений? Целый ряд современных исследователей обращается к анализу «болевых точек» реализации демократических принципов в системе международных отношений. Развитие идеологических основ международных отношений в начале XXI в. осуществляется под влиянием различных социально-политических процессов. По мнению профессора Дж. Розентау, современное мировое сообщество очутилось «в мире постмеждународной политики» [266, р. 85]. Во многом эта новая парадигма международных отношений базируется на демократических принципах и ценностях, которые выходят за рамки национальных государств и влияют на конфигурацию отношений субъектов мировой политики.

Идея утверждения принципов демократии на международной арене начала формироваться еще в начале XIX в. Так, Т. Джефферсон, отмечал, что моральные обязательства связывают не только отдельных людей, но и целые общества и государства. В своей второй инаугурационной речи в 1805 г. он твёрдо уверен, что отношения со странами, как и с людьми, будут неотделимы от моральных обязанностей, ибо в долгосрочном плане политический интерес никогда не может быть отдалён от морального права. Он призывал к терпимости и пониманию в отношениях между народами, у каждого из которых имеются свои собственные системы моральных ценностей. «У людей, живущих в разных странах, при различных обстоятельствах, различных привычках и режимах, могут быть разные ценности, – писал он, – поэтому тот же самый акт; который может быть полезным и, следовательно, добродетельным в одной стране, может оказаться вредным и порочным в других условиях» [57, с. 15–19]. Справедливость, считал Джефферсон, является нормой взаимоотношений не только между отдельными людьми, но и между нациями.

В рамках современного развития сообщества государств были разработаны и укреплены существенные идеологические принципы, связанные с ценностями демократии. Самоопределение, народный суверенитет, демократическая законность, правовое равенство государств стали ортодоксальными нормами международного сообщества. Дж. Майал утверждает, что постепенно происходит «укрепление не только непосредственно демократии, но и демократических ценностей, как стандарта и законности в пределах международного сообщества» [256, р. 45]. Демократизация международного сообщества также ускоряется в ответ на процессы глобализации, действия межнационального гражданского общества и социальной динамики расширяющегося сообщества демократических государств.

Важной проблемой современности стало демократическое регулирование глобализации, что актуализировало научные дискуссии о характере идеологии международных отношений. Реформа учреждений глобального управления, как определено на саммите тысячелетия ООН, нацелена на то, что прозрачность,

ответственность, законность становятся ценностями, связанными с обсуждением содержания и методов реформирования. О.Баранов, анализируя судьбу демократии в условиях глобального управления, подчеркивает, что с одной стороны, глобализация приводит к все возрастающему распространению в мире демократических ценностей и институтов. «Третья волна» демократизации стала первостепенной характеристикой современного мира. Но, с другой стороны, существует опасность того, что будущий «политический режим» в системе глобального управления может стать скорее авторитарным, чем демократичным. Это может быть вызвано тем, что решения по глобальным вопросам могут приниматься ограниченным кругом акторов и без должной гласности, а также потому, что внутренняя структура многих из этих акторов строится отнюдь не на демократических принципах, а на жесткой корпоративной дисциплине [21, с. 21–22].

Действительно, процесс демократизации в XXI в. происходит довольно проблематично, сталкиваясь с большим количеством внутригосударственных и международных проблем. Американский политолог Т.Карозерс констатирует, что «проблема эффективности демократии может существенно ослабить молодые демократические режимы». Он характеризует комплекс проблем, который тормозит и искажает демократические преобразования в переходных странах (слабость институтов государства, коррумпированность правящей элиты, несовершенство политического представительства, и другое) [79]. Согласимся также с мислю о том, что в отличие от демократизационных процессов, посткоммунистическая трансформация охватывает не только сферу политики. Исторический опыт свидетельствует, что эти процессы могут быть эффективными, если они сопровождаются синхронным динамизмом в экономической, социальной, духовной сфере [17, с. 10].

А. Мартинелли обращает внимание на специфику демократизации международных отношений в сравнении с демократизацией национальных государств. Нынешняя структуризация мирового общества не позволяет повторить на уровне мира демократизацию, которая имела место в рамках

национального государства. В историческом прошлом рынки, правительства и общности ныне демократических стран, вносили вклад в самоуправление и сплочение общества. Суверенные государства смогли отрегулировать курс капиталистического развития путем перераспределительной политики. В современном мире нет ничего похожего на национальное государство мирового уровня, что помогло бы проводить фискальную и благотворительную политику, антитрестовский контроль, трудовые и экологические законы, регулировать и корректировать сбои рынка. Нет независимого мирового суда, демократического политического строя на уровне мира, чтобы угнетенные социальные группы могли обменивать свою лояльность демократическим институтам на равные права, правовое, политическое и социальное гражданство, быть услышанными путем голосования [122, с. 8].

С точки зрения Э. Баталова, не решен весьма актуальный вопрос о соотношении демократии и порядка в современных международных отношениях. Могут ли последние строиться на демократических началах; как должны выглядеть институты и ценности международной демократии; кто должен быть носителем политического суверенитета? Такая неопределенность развязывает руки тем, кто делает ставку на грубую силу [25, с. 151].

Т. Алексеева, обращает внимание на опасность демократизации, проводимой насильственными методами, далёкими от демократических принципов. На международных конференциях заговорили о возможности «принуждения к демократии», о том, что демократия может стать «побочным продуктом» других преобразований. Указывают, что народ редко сам выбирает демократию, и потому его следует демократии «обучать». Большая или меньшая приверженность стран стандартным представлениям о демократии стала критерием их разделения на «правильные» и «неправильные» [6].

Осознание перечисленных выше угроз и опасностей, стоящих на пути демократизации международных отношений, становится основой и стимулом для поиска новых форм реализации демократических принципов в масштабах мирового сообщества. Так, А. Мартинелли выделяет составляющие

полиархического глобального управления в демократическом мировом обществе: гармонизация законов страны в вопросах, регулируемых международными соглашениями или вытекающих из решений судов другой страны; укрепление наднациональных органов на уровне мира и на уровне регионов, путем добровольного отказа от части суверенитета, чтобы избежать политического хаоса, который может вызвать неразбериха в отношениях суверенитета, власти государства и территориальности; распространение приемов решения конкретных проблем через международные режимы, тематические сети и определение международных стандартов эффективных действий; уточнение правил сосуществования, совместимых с общими принципами и процедурами контроля подготовки решений с глобальными последствиями; формирование этики международного сотрудничества на принципах прозрачности и подотчетности; самоуправление общностей на уровне мира для наделения властью индивидов и групп [122, с. 11].

В свою очередь О. Барабанов важной составляющей демократичности глобального управления считает обеспечение подотчетности его структур публичному контролю. В то же время, как считают некоторые аналитики, концепция демократии применительно к глобальному регулированию должна претерпеть серьезные трансформации. По их мнению, международные институты отнюдь не нуждаются в традиционной модели внутригосударственной демократии, поскольку в их задачу не входит ни побуждение людей к вооруженной защите своей территории, ни принуждение к сбору налогов. Поэтому международные институты должны получать легитимацию для своей деятельности иным образом: одни – путем строгого следования своим собственным уставным документам (например, ООН), другие – только лишь путем достигаемой эффективности и приемлемости при решении поставленных перед ними задач (например, МВФ) [21, с. 22].

Волны демократизации, по мнению А. Кутейникова, не являются «колебаниями стихии». Можно предположить, что это результат сознательной и целенаправленной деятельности международных субъектов, среди которых,

по-видимому, не последнее значение имеют различные виды многосторонних межправительственных структур (ММС). Не имея больших полномочий и ресурсов и решая ограниченный круг задач, ММС тем не менее обладают возможностью и механизмами воздействия на наиболее «чувствительные точки» обществ и государств. Степень их влияния на различные стороны жизни обществ и государств, а также на международные отношения, определяется не «количеством и объемом» совершаемых действий, а значимостью выполняемых функций. В рамках этих структур на открытое обсуждение стали выноситься более общие вопросы, нежели те, что решаются в рамках двусторонней дипломатии, в результате чего разрабатываются общие правила, принципы, нормы и другие регуляторы международной жизни. Решениям придается гораздо больший авторитет, поскольку они принимаются согласованно всеми странами мира или отдельного региона. Создаются новые инструменты воздействия, например, коллективные санкции [104, с. 11].

С точки зрения А. Мартинелли, эрозия национального суверенитета стимулирует потребность в международной координации, более мощной и демократической ООН. Несмотря на ограничения и вопреки сложной процедуре переговоров, отсутствию ресурсов и праву вето, ООН результативна. Она дала альтернативные принципы глобального управления по сравнению с традиционной геополитикой. В их основе коллективное принятие решений правительствами и неправительственными организациями и цель – консенсусное решение международных проблем [121, с. 16–17].

В последние годы в ООН обсуждается вопрос о серьезной демократизации ее работы, об изменении членского состава Совета Безопасности, с тем чтобы он отражал современные реалии. Ставится вопрос и о том, чтобы решения Генеральной Ассамблеи принимались на основе консенсуса, а не официального голосования. Предлагается сократить общее число принимаемых ею резолюций, делать упор на реально выполнимые, исходя при этом из приоритетности решаемых задач и их практической значимости. Требуется усовершенствование структура Генеральной Ассамблеи,

создание ряда новых вспомогательных органов для предметного рассмотрения особо актуальных проблем. Более демократичному решению сложных вопросов будет способствовать и передача ООН некоторых своих полномочий определенным региональным структурам – ОБСЕ, ЕС, Организация арабских стран, Организация африканского единства и др. [189, с. 127].

Говоря о процессах демократизации мирового сообщества, следует отдельно остановиться на проблеме обеспечения открытости, доверительности и динамизма становящейся системы международных отношений. Так, тенденции развития современной цивилизации, в частности глобализация и информатизация, делают пространство международных отношений более открытым. В этой открытости содержатся как новые возможности для дальнейшего прогресса человечества, так и риски, угрозы, опасности.

Отметим возрастающую роль диалога культур, цивилизаций, государств, народов, являющегося предпосылкой процесса демократизации и гуманизации международных отношений. Современная наука утверждает, что специфика гуманитарного диалога цивилизаций заключается в том, что здесь нет, и не может быть инстанции, воплощающей всеобщий интерес, претендующей на то, чтобы быть эталоном. Каждая из цивилизаций должна реабилитировать опыт других культур как расширяющий горизонт собственного бытия. Через гуманистический диалогизм осуществляется понимание культурой себя самой в прогрессе понимания других. Гуманистический диалогизм обогащает партнеров, поскольку он утверждает другого не как границу своих возможностей, а как их расширение [40, с. 328–329].

По словам же И. Следзевского, за короткий срок конструкт диалога цивилизаций превратился из модели исторического самосознания, ориентированной преимущественно на релятивизацию и пересмотр жесткого европоцентризма эпохи великих колониальных империй, в модель современной мировой политики, претендующей на пересмотр основ миропорядка. Пока речь идет о рамочной модели диалога, мягко, но определенно задающей его цели и смыслы. Придаваемые диалогу смыслы выстраивают его содержание в логике

этического диалога (конструирования общих ценностей на грани этической философии) и практики политического диалога [168, с. 155].

В свою очередь А. Торкунов обращает внимание на необходимость многостороннего диалога между государствами, связывая его с потребностью сближать точки зрения и выработать общие правила игры в международных отношениях. Эффективным инструментом сближения представлений о нормах могут быть многосторонние форматы диалога. Возможно, с учетом недавнего успешного опыта «двадцатки», в последнее время стало заметно некоторое уменьшение «институционального нигилизма», который был присущ интеллектуальным дискуссиям полтора-два года назад. Критичный, но в целом позитивный настрой экспертов говорит о том, что мир перешел в фазу трезвого осмысления достоинств и недостатков многосторонних институтов [185].

Открытость в международных отношениях сегодня проявляется в расширении правового пространства, в частности принципов гуманитарного права. По мнению П. Цыганкова, в последние годы международное гуманитарное право приобретает качественно новое измерение. Конкретизировано поле его применения, в которое входят ситуации трех типов: природные катастрофы, массовые политические репрессии, экологические бедствия. Впервые принимается принцип свободного доступа к жертвам спасателей, представителей Красного Креста, организаций и систем ООН, Верховного комиссариата по делам беженцев, фонда детей и других межправительственных и неправительственных организаций [204, с. 56].

Вместе с тем специалисты называют целый ряд возникающих в этой связи вопросов. Одна группа вопросов относится к ситуации, в которой может иметь место гуманитарное вмешательство. Действительно, нарушение прав человека – явление отнюдь не редкое. Почему одни случаи влекут за собой вмешательство, а другие остаются без последствий? Кто должен принимать решение о вмешательстве: влиятельные межправительственные организации или сами государства? Могут ли подобные решения приниматься без согласия того государства, населению которого оказывается гуманитарная помощь?

Другая группа вопросов касается границ между гуманитарным вмешательством и вмешательством политическим. Не является ли всякое вмешательство неизбежно политическим? Ведь ни одно государство никогда не может абстрагироваться от своих национальных интересов, а любое решение ООН - продукт политического соглашения. Правозащитный потенциал «гуманитарного вмешательства» был во многом сведен на нет реальной практикой его применения. Наконец, еще одна группа вопросов связана с принципом равенства. Может ли гуманитарное право применяться одинаково ко всем государствам? Трудно представить, чтобы оно применялось, например, по отношению к США или к любой великой державе Европы [204, с. 56–57].

На примере проблемы применения гуманитарного права видно, что открытость связана с пересмотром коренных принципов государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела, сохранения социокультурной специфики отдельных обществ, их экономической и политической независимости. Как отмечает М. Лебедева, прозрачность, или транспарентность, межгосударственных границ, вызванная глобализацией, «перевернула» прежние представления о безопасности, конфликтах, их урегулировании, дипломатии и других базовых проблемах классических исследований по международным отношениям. Но главное, везде она стерла существовавшие ранее жесткие барьеры между внешней и внутренней политикой. Так, в области безопасности непосредственная угроза одного или группы государств в отношении другого или других стала уходить на второй план, уступая место проблемам терроризма, сепаратизма, национализма и т.п. То же можно сказать и о конфликтах, которые из межгосударственных превратились во внутригосударственные [110, с. 145].

По словам Э. Баталова, в числе основных побудительных мотивов установления и расширения контактов одних субъектов с другими всегда была (и остается) постоянная, хотя и не всегда осознаваемая потребность народов и государств в умножении своих возможностей, в компенсации своей неспособности самостоятельно, опираясь исключительно на собственные

ресурсы решать свои проблемы и защищать интересы. Можно сказать и по-другому: международные отношения – это механизм подключения Другого к решению Моих проблем и защите моих интересов и наоборот – подключения Меня к решению проблем и защите интересов Другого. Именно в процессе такого рода «подключений», растянувшихся на века и тысячелетия, происходила интеграция разрозненных частей мира в глобальное целое [24, с. 52]. Несмотря на наличие определённых рисков развитие демократической системы международных отношений предполагает углубление доверия между их основными акторами, расширения пространства сотрудничества.

Консенсусный принцип в политическом диалоге культур связан с презумпцией доверия к опыту каждой цивилизации. Однако речь идет не о том, что все типы опыта равноценны, никто заранее не может предопределить будущую ценность и приоритетность опыта каждой культуры. Запас изменчивости в мировой культуре необыкновенно важен: в этом многообразии заключен неиссякаемый источник жизненных сил человечества [40, с. 329].

Динамизм формирующейся системы международных отношений вытекает из особенностей протекания современных международных процессов. Это находит отражение не только в ускорении мирового социального времени и сжатии мирового социального пространства, но и в смене темпо-ритма социальной жизни, нарушении привычно ожидаемой очередности и последовательности этапов социальных процессов и т.п. Мир на глазах теряет былую устойчивость, в то время как транзиторность и процессуальность становятся его постоянными характеристиками. Едва успев создать – подчас дорогой ценой – ту или иную структуру, тот или иной институт, мы уже испытываем потребность в их обновлении, переходе к другим институтам, организациям, системам [24, с. 24–25].

С точки зрения М. Лебедевой, с учетом интенсификации политических процессов современного мира, появления феномена «сжатия времени» (быстроты разворачивания событий) в современных условиях мировые политические процессы стали не только сложно прогнозируемыми или

просчитываемыми, но иногда и с трудом отслеживаемыми. Проблема усложняется и тем, что транснациональные акторы крайне разнородны по множеству различных параметров, в частности по ресурсам влияния, основным целям и задачам, внутренней структурной организации [110, с. 97].

И. Следзевский в свою очередь отмечает тот факт, что глобальные отношения придают всем главным составляющим мировой политики невиданную до конца XX в. сложность, мобильность, изменчивость с точки зрения числа, интересов, возможных действий мировых игроков, качества и количества необходимой для этих действий информации, неограниченности коммуникаций и создания сетевых (трансграничных) сообществ, возможностей массивного и быстрого изменения соотношения геоэкономических и геополитических факторов, условий взаимодействия государственных и негосударственных (трансграничных) политических акторов. Новые мировые игроки действуют на ином поле мировых отношений, чем поле государственных (национальных) интересов и обязательств, гражданского согласия и выстроенных в определенной логике межгосударственных отношений. В этом расширяющемся пространстве уже не действуют так жестко, как прежде, правила, связанные со смысловыми образами и конструктами «национальный интерес», «национальный суверенитет», «национальная территория», зато действуют неправовые («теневые») принципы быстрой максимизации выгоды, анархичного определения собственных интересов и целей в соответствии с типом игры [168, с. 145].

По словам Э. Баталова, новый мировой порядок будет, скорее всего, отличаться повышенной динамикой изменений, обусловленной ускорением развития информатики и обновлением информационных технологий, появлением новых видов оружия, транспортных средств, источников энергии, что позволит отдельным странам выходить на новые рубежи в мировой политике и менять свое место в системе международных отношений. Резонно предположить, что новый миропорядок будет иметь несколько точек роста и изменяться одновременно в нескольких направлениях, в том числе

взаимоисключающих. Это потребует столь же динамичной смены алгоритмов управления этим порядком [25, с. 184].

А. Неклесса к характерным свойствам складывающейся так называемой «поствестфальской системы» относит ее принципиальную нестационарность, предполагающую активный, турбулентный характер ряда процессов и постоянное управление хаотизированной средой, что приводит к становлению новых, «матричных» технологий управления, нацеленных не столько на управление тем или иным проектом, сколько на формирование ситуации, в которой проект реализуется, на контроль над средой. При этом стабильность предстает не статичной, а динамичной категорией, способной предупреждать неблагоприятное развитие событий и превентивно регулировать их [134, с. 13].

В этих условиях изменчивости, неопределенности, динамичности мировых процессов демократическая система международных отношений должна отличаться гибкостью, вариативностью, многовекторностью, способностью реагировать на новые вызовы и нестандартные проблемы.

3.3. Место и роль негосударственных субъектов в процессе становления гуманистической и демократической системы международных отношений

Важным аспектом анализируемой проблематики является рассмотрение места и роли негосударственных субъектов (объединений, движений, партий и т.д. – так называемой «народной дипломатии») в процессе становления гуманистической и демократической системы международных отношений.

Развитие процессов политической глобализации все больше влияет на трансформацию мировой системы и вызывает существенные изменения в структуре международных отношений. Формируются новые типы международных акторов, в частности, международные неправительственные организации становятся субъектами мировой политики. Если в XX веке в мире существовало около сотни общественных организаций, действующих в

глобальном масштабе, то на сегодня их насчитывается десятки тысяч, причем это число имеет тенденцию к быстрому росту [153, с. 150]. Их активное участие в международном сотрудничестве обуславливает изменение характера мирового политического процесса, в перспективе может привести к принципиально новым политическим отношениям на мировой арене.

Следует особо отметить роль неправительственных организаций в укреплении основ демократического мирового порядка. Именно эти структуры составляют ядро демократической системы международных отношений, способствуют расширению пространства демократических свобод и прав человека, распространению демократических ценностей и процедур, координации усилий международного сообщества.

Сегодня отмечается возрастание роли личности в системе международных отношений. События XX ст., по словам Т. Зоной, превратили в главное действующее лицо обыкновенного человека, признанного подлинным носителем естественных прав. Гуманитарная дипломатия провозгласила примат прав человека, выйдя за традиционные рамки исключительной правосубъектности государств. Широко дискутируется вопрос о наступлении эпохи суверенитета отдельной личности уже сейчас, в условиях трансформации концепции государственного суверенитета и делегирования суверенных функций международным организациям [70, с. 126].

Другая предпосылка возрастания роли неправительственных организаций в международных отношениях связана с усложнением проблем, требующих для своего решения подключения более широкого круга участников. Мир столкнулся с новыми угрозами трансграничного плана. Речь идет о международном терроризме, организованной преступности, наркоторговле, изменении климата, распространении генетически модифицированных продуктов питания, клонировании, несправедливости в деле распределения ресурсов и прочее. Специфическая сложность данной проблематики вызвала необходимость подключения к переговорам представителей науки, промышленности, бизнеса, авторитетных неправительственных организаций.

Подобное развитие привело к росту числа акторов мировой политики. Одно из первых мест в этом ряду занимают неправительственные организации. Настойчиво прокладывает путь формирования научных сообществ или сети экспертных групп, работающих на транснациональной основе. Дипломатические службы всех стран испытывают потребность во взаимодействии с неправительственными организациями [174, с. 646].

Перенос акцентов на негосударственный уровень является своеобразным ответом на проблемы глобализации. Происходит формирование «глобального гражданского общества» как одного из мощных социально-политических субъектов современных международных отношений. Дж. Кин определяет феномен глобального гражданского общества как негосударственную систему динамично развивающихся социоэкономических институтов, объединенных на глобальном уровне. Их характеризует плюрализм власти и неприменения силы в сферах социальной, деловой и политической активности [252, р.8-9].

Согласно В. Степаненко, глобальное гражданское общество — это гражданское общество, вышедшее за пределы национальных государств и действующее в международном масштабе, объединяя в своих сетях и организациях представителей разных стран и направляя свою активность на сферу глобального общественного блага, то есть на преодоление последствий стихийных бедствий, предотвращение гуманитарных конфликтов и катастроф, борьбу с эпидемией ВИЧ/СПИДа, решение проблем экологии, защиту прав человека, формирование демократических коалиций и т.п. [183, с. 157].

Наблюдается тесная взаимосвязь становления гражданского общества и демократизации международных отношений. М. Лагутина отмечает, что во многом количественный рост международных институтов гражданского общества стал возможен в результате волн демократизации. В результате третьей волны демократизации впервые в мировой истории появились реальные предпосылки для формирования «глобального гражданского общества» на основе базовых принципов либеральной демократии [106, с. 36].

Многие теоретики и активисты-практики определяют глобальное гражданское общество как демократическую альтернативу жесткой глобализации. При этом нельзя не заметить своеобразную проекцию традиционной диспозиции гражданское общество versus государство, которая как бы перенесена на мировой уровень в отношении глобальная общественность (global polity) versus глобальное правление (global governance). Аргументами в пользу такого видения глобального гражданского общества как этически-нормативного идеала справедливости и демократического участия являются система глобального правления с ее анонимностью, неподотчетностью мировой общественности при отсутствии прозрачности в принятии решений порождает в новом глобальном общественном пространстве вакуум демократии и дефицит демократического участия. Этот дефицит и должен компенсироваться развитием глобального гражданского общества как естественного демократического противовеса [183, с. 162–163].

Многие современные исследователи рассматривают глобальное гражданское общество как противовес деструктивным аспектам глобализации. Особенную актуальность приобретает проблема отношений между неправительственными организациями наднационального характера с национальными правительственными организациями и правительствами, роли партий в глобализующем мире, формирование региональных и глобального правительств, влиянию информационно коммуникационных технологий на отношения в обществе и тому подобное. К важным особенностям идеи гражданского общества следует отнести распространение ее не только в западных, но и других странах мира, перенесение идеи из национального на региональный и глобальный уровни [181].

В силу вышеперечисленных причин в сфере международных отношений складывается особое направление деятельности, так называемая гражданская или народная дипломатия. Согласно Т. Медведевой, это неофициальная как внешнеполитическая, так и внутривнутриполитическая деятельность независимых непосредственно от правительств физических и юридических лиц,

неправительственных организаций, движений и институтов, направленная на сохранение мира, развитие и улучшение межгосударственных отношений, на развитие дружбы, взаимопонимания и сотрудничества между разными народами [125, с. 12].

Т. Медведева также обращает внимание на специфику форм и методов гражданской дипломатии. Часть из них заимствуется из арсенала официальной дипломатии. Например, неофициальные визиты, участие в конгрессах и конференциях, участие в работе международных организаций с правом совещательного голоса, участие в согласовании, подготовке и разработке документов и тому подобное. Однако в силу того, что гражданская дипломатия не связана нормами международного права, у нее есть целый арсенал дополнительных методов, которые вытекают из ее функциональных возможностей. В частности, к основным из них относятся акции протеста, акции поддержки (солидарности), поиск консенсуса, сотрудничество и информационно-просветительская деятельность [126].

Центральное место в гражданской дипломатии принадлежит международным неправительственным организациям. По словам Т. Зоной, НПО заполнили «пустоты», существующие в современном контексте по временам излишне «обюрократченной» международной политики [71]. Неправительственные организации различаются по своим размерам, структуре, направленности деятельности и ее задачами. Основными функциями неправительственных организаций в области международной политики является мобилизация международного общественного мнения, а методом достижения целей – давление на межправительственные организации (прежде всего на ООН) и непосредственно на те или иные государства. Так, в частности, действуют Гринпис, Международная амнистия, Международная федерация по правам человека. Поэтому таких международных акторов еще называют международными группами давления.

Подобные структуры глобальной сцены в целом являются полноценным субъектами международных отношений, превращая глобальное гражданское

общество в реального субъекта современной международной политики, способного создать альтернативу или даже нейтрализовать существующие конфигурации глобальной власти и управления, выдвигая и лоббируя альтернативные ценности. Они взаимодействуют с государственными и международными организациями, могут играть значимую роль в формировании будущего мирового общества и быть атрибутом демократического глобального управления (governance), возвращая интернациональное публичное пространство, широко разделяемые ценности, сознание общности человечества. Общественные группы являются коллективным участником международных отношений, объединяющими физических лиц в пределах определенной структуры, которая характеризуется тем или иным уровнем организации.

Международные неправительственные организации играют важную роль в развитии и консолидации демократии, их деятельность является одним из важных показателей демократичности обществ. Успех демократических преобразований находится в пропорциональной зависимости от участия в них общественности, от ее способности формировать независимые от власти структуры, которые становятся полноправными участниками этих процессов. Практически все страны мира на пути к демократизации прошли необходимые этапы, связанные со становлением института неправительственных организаций. Поддерживая неправительственные организации, устанавливая с ними диалог и сотрудничество, государства показывают, насколько они демократические и принимают идею гражданского общества [207].

Взаимная потребность друг в друге – правительств и акторов гражданской дипломатии порождает сложные и противоречивые взаимоотношения. С одной стороны, гражданская дипломатия обладает огромными возможностями, и правительства часто прибегают к ее услугам, в этом случае происходит их успешное сотрудничество. С другой стороны, самостоятельная деятельность акторов гражданской дипломатии иногда может стать серьезной проблемой для безопасности государства [125, с. 14].

Во взаимозависимом мире восприятие политики одного государства общественным мнением других стран играет все большую роль. Этот фактор обусловил формирование дипломатии, которая в середине XX в. получила название публичной дипломатии (public diplomacy). В то время как традиционная дипломатия представляет собой канал общения между правительствами, публичная дипломатия обращена, прежде всего, к широкой аудитории. Фактически, публичная дипломатия — это открытый канал коммуникации между различными народами. Именно публичная дипломатия предполагает создание имиджа страны во всем его многообразии. Обращение непосредственно к общественности той или иной страны поверх правительства стало одним из рутинных приемов публичной дипломатии. Все более частыми становятся также общественные дискуссии с участием дипломатов [174, с. 651].

С. Гуцал связывает публичную дипломатию с такими тенденциями развития современной системы международных отношений: увеличение количества мировых центров силы и возрастание роли негосударственных субъектов, усиление процессов глобализации и как следствие транснационализацию мировой политики, рост влияния масс-медиа и роли «мягкой силы». Внешняя политика всё больше попадает в фокус мировой общественности и требует активной публичной дипломатии со стороны власти путём изучения иностранного общественного мнения, внедрения соответствующей информационной политики и влияния на внешнюю аудиторию с целью продвижения национальных интересов и приобретения позитивного международного имиджа [53, с. 112].

Основная цель и предназначение публичной дипломатии – воздействие на общественное мнение. Как отмечает Т. Зонова, восприятие политики одного государства общественным мнением других стран играет все большую роль. Сфера деятельности публичной дипломатии предполагает все более активное подключение общественного мнения, неправительственных институтов и отдельных граждан к дискуссии по проблемам международной политики. В основном исследователи современной дипломатии сходятся во мнении, что

понятие «публичная дипломатия» включает в себя широкий спектр действий, направленных на строительство долгосрочных отношений, защиту целей национальной внешней политики и лучшего понимания ценностей и институтов собственного государства за рубежом. Публичная дипломатия продвигает национальные интересы и обеспечивает национальную безопасность путем изучения настроений иностранного общественного мнения, информирования его и воздействия на тех, кто это мнение формирует. Публичная дипломатия в основном нацелена на массовую аудиторию. Она исходит из того предположения, что общественное мнение может оказать значительное влияние на свои правительства и на политические системы. Любой вид публичной дипломатии направлен на определенную аудиторию, использует соответствующий этой аудитории язык и образы. Именно это позволяет ей достичь намеченных политических целей. Публичная дипломатия преследует цель расширения диалога между гражданами своей страны и зарубежными партнерами. Это предполагает активный международный обмен, создание информационных программ, пропаганду своей культуры [71, с. 152].

В свою очередь Дж. Най выделяет три измерения публичной дипломатии. Первое и самое обязательное измерение — это ежедневное общение, к которому относится разъяснение сути решений во внутренней и внешней политике. К данному измерению также относится подготовка к борьбе с кризисами. В случае наличия вакуума информации после того или иного события заполнить его поспешат другие. Второе измерение — это стратегическое общение, развивающее серию простых тем, во многом подобно политической или рекламной кампании. В то время как первое измерение выражается в часах и днях, второе занимает недели, месяцы и даже годы. Третье измерение публичной дипломатии представляет собой развитие крепких взаимоотношений с ключевыми личностями в течение долгих лет и даже десятилетий с помощью стипендий, программ обмена, обучения, семинаров, конференций и доступа к каналам средств информации [132].

Публичная дипломатия может быть традиционной, включающей информационную пропаганду, осуществляемую через радио и телевидение; обучение отдельных социально-профессиональных групп населения с целью формирования лояльной элиты и распространение определённой политической культуры посредством выставочной деятельности, кино и т.д., и так называемой цифровой (*digital diplomacy*), под которой понимается размещение радио и телепередач в сети Интернет, распространение литературы в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве зарубежных стран, создание персонифицированных страничек членов правительства в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны.

Термин цифровая дипломатия, распространённый наряду с понятиями интернет-дипломатия, дипломатия социальных сетей и Web 2.0 дипломатия, впервые начал использоваться применительно к внешней политике США. В частности, под ним подразумевалось широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и тому подобных медиаплощадок в глобальной сети для содействия государственным органам для осуществления функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешнеполитической повесткой дня¹. В настоящее время программы цифровой дипломатии реализуются не только США, но и рядом других государств. В частности, возможность перехода к цифровой дипломатии рассматривается также государствами НАТО [69, с. 213].

Установление контактов с зарубежными гражданами и неправительственными организациями правительство США переносит в киберпространство, а ключевой целевой аудиторией становятся миллионы пользователей сети, которые определяются сегодня как «граждане сети Интернет» или *netcitizens*. «Граждане сети Интернет» представляют собой особую категорию пользователей. Они занимают активную гражданскую позицию, участвуют в реальном протестном движении, создают социально и политически значимые интернет-ресурсы, являясь популярными блоггерами.

Эти зарубежные граждане и стала основной целевой аудиторией для американской Интернет-дипломатии [221, с. 207].

Публичная дипломатия в целом и цифровая дипломатия в частности становятся эффективными средствами распространения демократических ценностей в мире. В то же время нельзя не заметить и негативные тенденции её развития. Публичная дипломатия в её различных формах часто рассматривается как средство реализации национальных, корпоративных, групповых интересов. Значительное место в ней занимают манипулятивные технологии. В то же время потенциал публичной дипломатии как средства диалога цивилизаций, культур и народов в должной степени не реализуется.

Очевидно, полагает Т. Зонова, что публичная дипломатия обладает значительным потенциалом пропагандистского ресурса. В то же время нельзя забывать, что публичная дипломатия в основном нацелена на открытый диалог, сопоставление позиций, создание благоприятного климата для развития международного взаимодействия [71, с. 151].

Стоит прислушаться и к словам Дж. Ная, полагающего, что скептики, воспринимающие термин «публичная дипломатия» как очередной эвфемизм, используемый в целях пропаганды, не понимают ее сути. Обычная пропаганда неэффективна как публичная дипломатия. В свою очередь, публичная дипломатия также не является всего лишь очередной рекламной кампанией. Публичная дипломатия предусматривает, помимо прочего, налаживание долговременных взаимоотношений для государственной политики [132].

Таким образом, формирование новой идеологии международных отношений включает в себя деятельность новых субъектов мировой политики. Проявлением этого процесса служит прогрессирующая политизация масс, которая требует доступа к информации, участия в принятии решений. Граждане требуют большей прозрачности и отчетности со стороны политических лидеров, стремятся увеличивать контроль над процессами принятия решений. Причинами увеличения числа и влияния международных неправительственных организаций являются: возникновение глобальных проблем, решение которых

требует не только концентрации усилий, совместных мероприятий международного сообщества государств, но и привлечения мирового гражданского общества; активизация демократических процессов в сфере внутренних и международных отношений; распространение мирового движения, направленного на защиту общечеловеческих ценностей и недостаточные возможности отдельных государств и международных организаций в решении актуальных проблем; усиление общественного контроля над процессом разработки и принятия межгосударственных решений по обеспечению защищенности жизненно важных интересов человека и общества в случае появления новых вызовов и угроз глобализации [91, с. 163].

Основным механизмом деятельности международных неправительственных организаций на современном этапе является мобилизация международного общественного мнения. Основным методом достижения целей – оказание давления на межправительственные организации, непосредственно на те или иные государства. Свои задачи такие организации решают на межправительственном уровне, где создаются международно-правовые нормы, и за пределами традиционных межправительственных каналов, на самостоятельно созданных аренах вместе с другими неправительственными организациями. В рамках консультативных отношений с международными межправительственными организациями они принимают участие в работе всех организаций и органов системы ООН практически на равных правах с официальными делегациями стран: предлагают проекты договоров и конвенций, участвуют в их обсуждении, предоставляя экспертные, научно-технические и другие выводы; контролируют их соблюдение после принятия и т.п. Важна роль международных неправительственных организаций в формировании мирового общественного мнения.

Международные неправительственные организации обеспечивают расширение вариативности и гибкости политики государств, предлагают такие варианты действий и решений, которые ранее не рассматривались и не анализировались, помогают политикам лучше понять сущность и особенности

той сферы деятельности, за которую они несут ответственность, а также понять задачи, требующие решения, с точки зрения граждан. Организационные задачи решаются и за пределами традиционных каналов, на самостоятельно созданных аренах вместе с другими неправительственными организациями. В этом случае международные неправительственные организации выполняют функцию социализации новых социально-политических движений в международное сообщество, выступают агентами глобального гражданского общества, представляют и защищают интересы граждан, наиболее уязвимые с точки зрения нарушения прав, осуществляют мониторинг деятельности правительств, будучи элементом системы политических противовесов.

Международные неправительственные организации инициируют включение в глобальную повестку дня вопросов защиты прав человека, социальной справедливости, охраны окружающей среды, используют новаторские и экспериментальные подходы; применяют новые знания и информацию; выдвигают предложения по перестройке процесса принятия решений. Деятельность неправительственных субъектов международных отношений способствует привлечению общественности к процессам выработки и принятия государственно-политических решений, осуществлению контроля за реализацией этих решений. При таких условиях процесс международной политики становится прозрачным, возникает множество механизмов для улучшения легитимности государственно-политических и межгосударственных решений, осуществлению контроля за реализацией этих решений.

Выводы к третьему разделу

К базовым принципам современной идеологии международных отношений относятся глобальный гуманизм, демократия и коллективная безопасность. Тенденция гуманизма составляет характерную особенность современного этапа развития системы международных отношений как неуклонный рост влияния на эту сферу норм морали и направлена на признание

самоценности человека. Одна из ведущих характеристик современного гуманизма – его планетарность. Современная идеология международных отношений также обосновывает приоритет демократии. Сегодня признание в международном сообществе зависит от отношения к демократическим ценностям, принципам, процедурам. Демократия рассматривается и как основа для поддержания мира между народами. При этом необходимо отметить тесную взаимосвязь гуманизма и демократии как принципов современных международных отношений. Еще одним базовым принципом современной философии международных отношений выступает коллективная безопасность как универсальная ценность общества риска.

Глобализация и информатизация делают пространство международных отношений более открытым, доверительным. В этой открытости содержатся как новые возможности (расширение правового пространства, диалога культур, государств и т.д.) для дальнейшего прогресса человечества, так и риски, угрозы, опасности (межгосударственных границ, применение гуманитарного права и т.д.). Несмотря на наличие определенных рисков развитие демократической системы международных отношений предусматривает углубление доверия между их основными актерами, преодоление страха перед другим, расширение пространства сотрудничества. Консенсусный принцип в политическом диалоге культур связан с презумпцией доверия к опыту каждой цивилизации. Запас изменчивости в мировой культуре необыкновенно важен. В условиях изменчивости, неопределенности, динамичности мировых процессов демократическая система международных отношений должна отличаться гибкостью, вариативностью, способностью реагировать на новые вызовы и нестандартные проблемы. Перспективные явления в системе современных международных отношений связывают с такими тенденциями развития, как увеличение количества мировых центров силы и негосударственных субъектов, усиление процессов глобализации и транснационализации, рост влияния СМИ и роли «мягкой силы». Внешняя политика все больше попадает в фокус мировой общественности и требует активной публичной дипломатии со

стороны власти путем изучения иностранного общественного мнения, внедрение соответствующей информационной политики и влияния на внешнюю аудиторию для продвижения национальных интересов и приобретение положительного международного имиджа.

Демократия как источник и предпосылка формирования новой идеологии международных отношений предполагает развитие как традиционных, так и инновационных форм международного сотрудничества, базовыми идеями которого выступают глобальный гуманизм, коллективная безопасность, принципы открытости и доверия, уважения к закону и правам человека. Перспективы демократии в системе современных международных отношений связываются с деятельностью негосударственных субъектов в рамках гражданской (народной) дипломатии. Международные неправительственные организации выводят принятия управленческих решений за пределы политической элиты, организуя общественный диалог по ключевым вопросам современности, расширяя самоуправление, утверждая активную гражданскую позицию и ответственность людей за собственную судьбу, судьбу страны и мира в целом, осуществляют общественный контроль за выполнением международных соглашений, способствующих повышению ответственности правительств перед мировой общественностью.

Международные неправительственные организации уверенно становятся третьей силой современного мирового политического процесса, силой, которая стоит между государством и рынком, между официальной дипломатией и международными корпорациями. Они выступают альтернативой правительствам в решении сложных проблем, поскольку более подвижны, быстрее, чем официальная политика, способны реагировать на конъюнктуру, их деятельность не зависит от временных политических колебаний, являются относительно независимыми в своих решениях в сравнении с дипломатами, занятыми в сфере двусторонних отношений.

РАЗДЕЛ 4

ОСОБЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРКМЕНИСТАНА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. Характеристика национальных особенностей и идеологических оснований развития Республики Туркменистан

Проанализировав ранее основные направления изменений идеологических основ международных отношений в направлении утверждения демократии, миролюбия, гуманизма и солидарности, открытости и высокого динамизма, следует подчеркнуть, что каждое государство идет по этому пути со свойственными именно ему особенностями, противоречиями и трудностями. В их основе – геополитическое месторасположение государства, его история, традиции национальной культуры и другие факторы. Не является исключением и Туркменистан. Остановимся на анализе этого процесса более детально.

В Туркменистане исследованием этой проблематики занимались такие ученые и практические политики, как Т. Комеков, Ф. Мамедов. Определенный интерес представили три уникальные сборника под общей редакцией помощника президента Туркменистана В. М. Храмова, посвященных внешнеполитической деятельности страны, где в хронологическом порядке приведены полный перечень встреч, визитов, переговоров и всех значимых событий [268; 269; 275]. Большую ценность предоставляют официально опубликованные материалы и документы, среди которых Конституция Туркменистана (все редакции), законы и нормативно-правовые акты национального законодательства Туркменистана и других стран, затронутых в исследовании, в области государственного устройства, внешней политики, дипломатии, экономики. В исследованиях ряда западных авторов проанализированы двусторонние отношения Туркменистана с другими

государствами в вопросах транспортировки энергоресурсов и Каспийского моря. В их числе информативны труды С. Бланка, Р. Катлера, А. Коэна, М. Мади, Х. Пеймани, Д. Смита, М. Тахира, и др. В книге С. Пейроуза, посвященной развитию внутренней и внешней политики Туркменистана, детально рассмотрены предыстория туркменской государственности, становление независимости, экономическое развитие, внутренний строй постсоветского Туркменистана, в то же время внешняя политика освещается схематично [261]. Г. Глисон в своих работах, посвященных Туркменистану, рассматривает его роль в регионе Каспийского бассейна [246; 247].

В трудах общего характера, рассматривающих взаимодействие Туркменистана с государствами региона, основное внимание уделяется влиянию авторитарного режима постсоветских южных республик на их внешнюю политику, развитие их экономических взаимоотношений и социальные реформы. Как подчеркнул в своем выступлении на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов, «с самого начала своей независимости Туркменистан воспринял идеалы Организации Объединенных Наций как полностью соответствующие нашим устремлениям во взаимоотношениях с международным сообществом. Принципы ООН легли в основу внешней политики нашей страны, а сотрудничество с Организацией Объединенных Наций стало ее приоритетным направлением» [88, с. 7].

Общая характеристика государства Туркменистан (население, территория, государственное устройство, краткая история и характеристика национальных особенностей развития) выглядит следующим образом. Туркменистан – независимое нейтральное государство. 27 октября 1991 г. высший законодательный орган страны, реализуя волю народа, принял Конституционный Закон "О независимости и основах государственного устройства Туркменистана". Закон провозгласил в границах территории Туркменской ССР независимое демократическое государство Туркменистан.

Туркменистан – первое в мире государство, чей статус постоянного нейтралитета признан ООН. Площадь 491,2 тыс. кв. км. Территория простирается на 1100 км с запада на восток и 650 км с севера на юг. Туркменистан – многонациональное государство. В стране проживают представители более 100 наций и народностей. Основную часть населения составляют туркмены. 46,5% населения страны проживает в городах, а 53,5% – в сельской местности. В структуре населения доля женщин составляет 50,1%, мужчин – 49,9%. Тенденцию роста имеет показатель средней продолжительности жизни мужского и женского населения. На 2010 г. продолжительность жизни в Туркменистане составляет 71 год, для мужчин – 68 лет, для женщин – 73 года. Государственный язык – туркменский. Основная религия – мусульманство суннитского толка. Туркменистан – унитарное государство. Административно-территориальное деление – 5 веляатов (областей), этрапы (районы), шахеры (города). Население Туркменистана составляет около 6,2 млн. человек [191].

Исторические источники говорят о том, что жизнь на территории Туркменистана зародилась еще в эпоху раннего палеолита. К этому времени относится множество каменных орудий, найденных здесь. В области на юге Туркменистана раньше всего в Средней Азии появились земледелие и скотоводство. Найденное возле Ашхабада поселение Джейтун – древнейшее земледельческое поселение (VI тыс. до н. э.). В VII – VIII вв. территорию Туркменистана завоевывают арабы, распространившиеся по всей Центральной Азии. Вместе с арабами приходит ислам. В IX – X вв. туркменские земли входила в состав государств Тахиридов, Саманидов, в XI – XIII вв. была частью империи сельджуков. В XIII в. страна была захвачена монгольскими войсками во главе с Чингисханом, который включил территорию Туркмении в состав своей великой империи. По территории современного Туркменистана в древности пролегал «Великий Шелковый путь», своего рода, символ культурной интеграции Востока и Запада. В XVII – XIX вв. территория Туркменистана была предметом спора между персидским шахом, хивинским

ханом и бухарским эмиром. Таким образом, туркменские племена оказались разделенными между этими тремя государствами (Ираном, Хивой и Бухарой). Накануне вхождения в состав Российской империи туркмены занимали всю современную территорию Туркменистана. После присоединения к России Туркменистан стал вовлекаться в экономическую систему российского капитализма, которая все же была более прогрессивной по сравнению с архаическим общественным укладом туркменских племен. 30 апреля 1918 г. на V съезде Советов Туркестанского края, проходившем в Ташкенте, была образована Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (в составе РСФСР). В нее вошла основная часть территории Туркменистана (Закаспийская область) [164].

Любая страна, вставшая на путь подлинной независимости, вынуждена в предельно краткие сроки решать огромное количество проблем, искать свое место в новых реалиях, отвечать на объективные вопросы, которые ставит перед ней история. Не избежал этого и Туркменистан, получивший независимость в сложнейших условиях фактического слома всей послевоенной системы международных отношений (Президент Туркменистана Гурбангулы Берdimухамедов) [134, с. 28]. Вместе с тем, интерес к Туркменистану со стороны других стран существует и расширяется. Поводы для этого различны: во-первых, стратегическое геополитическое местонахождение – на перекрестке путей, связывающих «север» (Россия и далее Европа), «восток» (Китай), «юг» (Иран, Афганистан, Пакистан, Индия), «запад» (через Каспийское море на Кавказ, Турцию, Ближний Восток); во-вторых, особенно важно, огромные ресурсы газа и нефти, в чем все больше нуждается мировая экономика. Страна только встала на путь укрепления собственной государственности, политического статуса, развития экономической структуры, решения гуманитарных проблем [18, с. 470].

Административно-территориальное устройство Туркменистана представлено пятью вelayатами – Ахалским, Балканским, Дашогузским, Лебапским и Марыйским, каждый из которых, в свою очередь, подразделяется

на этрапы. В Туркменистане 50 этрапов, 16 городов, 9 городов в этрапах, 77 поселков, 565 генгешликов (сельских муниципальных образований) и 1937 сельских населенных пунктов. Туркменистан – демократическое, правовое, светское государство. Государственное правление осуществляется в форме президентской республики. Политическая структура туркменского государства сформирована в соответствии с Конституцией Туркменистана, принятой 18 мая 1992 г. (в новой редакции от 26 сентября 2008 г.).

Туркменская ССР была образована 27 октября 1924 г. и представляла первое организованное выражение туркменской государственности. 26 октября 1991 г. в ходе референдума подавляющее большинство избирателей высказалось за независимость республики. 27 октября 1991 г. Конституционным законом «О независимости и основах государственного устройства Туркменистана» название «Туркменская ССР» было заменено на «Туркменистан» и провозглашен переход страны к рыночным отношениям. Действующая Конституция, принятая XIV сессией Верховного Совета Туркменистана двенадцатого созыва 18 мая 1992 г. (с изменениями и дополнениями от 27 декабря 1995 г., установившими постоянно нейтральный статус Туркменистана), стала первой конституцией постсоветского пространства [89]. Согласно Конституции 1992 г. (ст.1) Туркменистан является демократическим, правовым, светским и постоянно нейтральным государством, в котором государственное правление осуществляется в форме президентской республики. Пост Президента был введен в октябре 1990 г. Первые президентские выборы в истории Туркмении состоялись 27 октября 1990 г.; победивший кандидат (Сапармурат Атаевич Ниязов) получил 98,2% голосов. В июне 1992 г. на внеочередных президентских выборах вновь избран С. Ниязов, получивший 99,5% голосов [155, с. 767]. Президент Туркменистана выступает гарантом государственной независимости и статуса нейтралитета Туркменистана, его территориальной целостности, соблюдения Конституции и выполнения международных обязательств. Президент является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Туркменистана .

Законодательная власть осуществляется высшим представительным органом – Меджлисом Туркменистана (Парламент). Меджлис состоит из 125 депутатов, избираемых по территориальным избирательным округам, сроком на пять лет. Выборы депутатов Меджлиса осуществляются гражданами Туркменистана на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и на альтернативных началах. Судебная власть осуществляется Верховным судом Туркменистана и другими судами, предусмотренными законом. Судьи независимы, подчиняются закону и руководствуются внутренним убеждением. Вмешательство в деятельность судей недопустимо и влечёт ответственность, установленную законом. Неприкосновенность судей гарантируется законом.

В понимании ценностно-культурных особенностей туркменской политической системы важную роль играет почитание Конституции страны, что ежегодно отмечается в Туркмении на том же уровне, что и поэзии Махтумкули Фраги. Президент Гурбангулы Берdimухамедов, отмечая одинаковую важность обоих событий для жизни туркменского общества, постоянно подчеркивает, что Туркменистан приверженный политике независимости и постоянного нейтралитета, идет путем развития, в основе которого- стремление к миру и дружбе, соблюдения принципов взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. Туркменский народ, «опирающийся на свои, обеспеченные Конституцией Туркменистана незыблемые права, доказал приверженность заветам Махтумкули, призывавшим к миру и согласию. В политике, экономике и культурной жизни страна будет и впредь идти самобытным путем развития, в основе которого лежать не только национальные традиции народа, но и мировые достижения». По словам президента, сегодняшней Туркменистан-это страна миротворец, «последовательно заботящаяся об искоренении в мире конфликтов, войн, международного террора, это страна, внутри которой царят мир и согласие, а народ доброжелателен и знает цену дружбе. Туркменский народ, храня воспетые своим великим поэтом Махтумкули Фраги лучшие черты –

достоинство, скромность, патриотизм, трудолюбие, гостеприимство, передавал их из поколения в поколение. Именно эти черты характера народа отразили дух туркменской Конституции» – резюмировал лидер нации [44, с. 172–174].

Туркменистан осуществляет курс на создание высокоэффективной, социально-ориентированной экономики с развитыми рыночными институтами, гарантирующими экономическую и политическую независимость страны. Важнейшим государственным приоритетом является защита интересов человека, обеспечение высоких показателей уровня жизни населения, соответствующих экономически развитым странам. Развитие экономики Туркменистана осуществляется на основе национальных и государственных программ, рассчитанных на среднесрочный и долгосрочный периоды. Создана многоотраслевая, многофункциональная экономика, представленная предприятиями электроэнергетики, нефтегазодобывающей, нефтеперерабатывающей, химической и нефтехимической отраслей, машиностроения и металлообработки, объектами по производству строительных материалов, лёгкой и пищевой индустрии. О динамике экономического развития свидетельствует то, что за первое полугодие 2014 г. объем ВВП составил 114,4%, темпы промышленного роста – 142,9 %, значительную долю составляют отрасли производственной сферы.

В соответствии с национальными и государственными программами в настоящее время под руководством Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова в стране реализуются крупномасштабные реформы, нацеленные на диверсификацию национальной экономики, приданию ей инновационного характера. В этом контексте в последние годы значительное развитие получили традиционные отрасли: нефтегазовый комплекс, электроэнергетика, сельское хозяйство, строительство, транспорт и связь. Одновременно проводится работа по формированию новых отраслей экономики: химической промышленности, текстильной индустрии, промышленности строительных материалов, телекоммуникаций и других высокотехнологичных сфер. Туркменистан активно развивает свои внешние

экономические связи с другими странами. Сегодня Туркменистан имеет торговые связи со 106 странами мира.

Становление независимости и развитие отношений Туркменистана в контексте и вне СНГ имеют общие характерные черты с остальными постсоветскими государствами (влияние советского опыта, связь бывшего центра с постсоветскими республиками и пр.) Особенность же Туркменистана заключается в создании «сверхпрезидентской» системы правления. В составе Советского Союза Туркменистан получил импульс развития экономики в связи со строительством канала Кара-Кум, перемещением промышленных предприятий во время Великой Отечественной войны из западных районов Советского Союза и крупномасштабной разведкой и добычей нефти и газа, а также выращиванием хлопка. Обретя независимость, Туркменистан приступил к развитию топливно-энергетического комплекса, продовольственной самообеспеченности, обеспечению экономической стабильности, привлечению иностранных инвестиций в экономику страны [42, с. 17].

Важнейшей отраслью экономики является нефтегазовая промышленность. Туркменистан входит в число ведущих государств мира с мощной нефтегазовой инфраструктурой, суммарные запасы которой оцениваются более чем в 71,2 млрд. тонн условного топлива. Основными государственными структурами в этой сфере являются Министерство нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана, Государственный концерн «Туркменгаз», Государственный концерн «Туркменнебит», Государственный концерн «Туркменнефтегазстрой», Государственное агентство по использованию углеводородных ресурсов при Президенте Туркменистана. Программа развития нефтегазового комплекса Туркменистана до 2030 г. предусматривает наращивание добычи газа до 250 млрд. кубических метров, нефти – до 110 млн. тонн.

Химический и нефтехимический комплекс Туркменистана представлен такими отраслями, как горнохимическая, основная химия, производство пластмассовых изделий, бытовая химия и производство технического углерода.

Химическими предприятиями страны производятся синтетические моющие средства, сульфат натрия, аммиак синтетический, йод и другая продукция. Туркменистан имеет возможности для развития отраслей химической и нефтехимической промышленности, связанных как с комплексным использованием ресурсов уже разработанных месторождений, так и промышленным освоением новых залежей химического сырья. В 2009 г. началось строительство горно-обогатительного комплекса по производству калийных удобрений в окрестностях поселка Гарлык в Лебапском велаяте, что, по сути, означает рождение новой для туркменской экономики горнодобывающей отрасли, опирающейся на обширную ресурсную базу.

До 2005 г. Туркменистан страдал от отсутствия адекватных экспортных маршрутов для природного газа, добываемый газ подавался только в Россию и Украину по советской системе газопроводов Средняя Азия–Центр [35, с. 147].

Перечисленные факторы подталкивали руководство страны к поиску неординарных решений, которые позволили бы добиться следующих целей: сохранить территориальную целостность страны; гарантировать ее безопасность; создать максимально благоприятные условия для проведения необходимых стране политических и экономических реформ; реализовать свой сырьевой потенциал, не попав при этом в политическую зависимость от стран, через территории которых будут проходить экспортные маршруты. Таким неординарным решением должен был стать признанный мировым сообществом статус политического нейтралитета, который предполагал неприсоединение к каким-либо политическим, военным блокам и развитие равноправных отношений со всеми государствами мира [219, с. 62].

Согласимся с Б. Караевым, который подчеркнул, что Туркменская модель нейтралитета стала новым феноменом в международно-правовой практике и коренным образом меняла существовавшие до нее представления об этом институте. Она стала основой возникновения качественно новой модели, где доминанта мира и политического диалога является системообразующим элементом международно-правовых отношений [78].

Обладая более чем 24 трлн. кубометров разведанными запасами природного газа, а также с учетом географического расположения Туркменистан осуществляет политику диверсификации международного сотрудничества, на основе равноправного доступа партнеров к источникам туркменских углеводородов и средствам их доставки. Это подразумевает создание многовариантной транспортно-трубопроводной инфраструктуры по выводу туркменских энергоносителей на международные энергетические рынки. Страна, наряду с использованием традиционных маршрутов, реализовала в 2009-2010 гг. два новых крупных проекта по выводу своих энергоносителей на мировые рынки: Туркменистан-Китай и новый газопровод Туркменистан-, вплотную приблизилась к началу реализации совместно с партнерами трубопровода по маршруту Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия. Заинтересованно рассматриваются Туркменистаном проекты по выводу своих энергоносителей в европейском направлении. Одновременно с географической, последовательно осуществляется структурная диверсификация энергетического сектора посредством создания новых, в первую очередь, перерабатывающих отраслей промышленности, основанных на углеводородном сырье. Важным Туркменистан считает совместную реализацию транспортных проектов в Центральной Азии и зоне Каспийского бассейна.

Электроэнергетика Туркменистана полностью покрывает внутренние потребности страны. Энергосистема Туркменистана связана с Центральной Азией и способна экспортировать значительные объемы электроэнергии в Афганистан, Иран, Турцию, Таджикистан и другие страны региона. Потенциал энергетической отрасли страны постоянно наращивается: строятся новые электростанции и линии электропередач, производится реконструкция и модернизация существующих энергетических объектов. В соответствии с Постановлением Президента Туркменистана от 25 февраля 2011 года завершается строительство высоковольтных подвесных линий электропередачи, комплекса подстанций в Лебапском и Марыйском велаятах. Сегодня Туркменистан в состоянии увеличить в пять раз экспорт

электроэнергии в Афганистан. Созданные мощности также позволят экспортировать электроэнергию в Пакистан, Кыргызстан и Таджикистан.

Туркменистан придает значение развитию транспортно-коммуникационной системы как важнейшей составной части инфраструктуры. Инициированные Президентом Туркменистана масштабные международные проекты в транспортной сфере призваны дать значительный импульс региональному и межрегиональному сотрудничеству. Актуальными и экономически обоснованным видится в этом контексте строительство транснациональной железной дороги Казахстан–Туркменистан–Иран. 25 апреля 2011 г. между Правительствами Исламской Республики Иран, Султаната Оман, Государства Катар, Туркменистана и Республики Узбекистан состоялось подписание Соглашения о создании Международного транспортного и транзитного коридора, который соединит Центральную Азию с государствами Среднего и Ближнего Востока.

В июле 2010 г. Президентом Туркменистана было подписано постановление о создании Туркменского морского торгового флота. В 2009-2010 гг. торговый флот Туркменистана пополнился тремя новейшими грузовыми танкерами грузоподъемностью 7 тыс. тонн каждый и танкером для перевозки нефтяной и химической продукции грузоподъемностью 4,450 тыс. тонн. В составе торгового флота также три судна грузоподъемностью 3 тыс. тонн и сухогруз грузоподъемность 3,5 тыс. тонн, буксиры и суда других типов. Согласно государственным планам модернизации отрасли в настоящее время идет активное развитие морской прибрежной инфраструктуры.

Активно развивается телекоммуникационная инфраструктура, реконструируются и строятся новые цифровые, автоматические телефонные станции, расширяется сеть международных каналов, увеличивается количество абонентов, растут услуги связи. Построена Трансазиатско-Европейская оптоволоконная линия связи между Шанхаем и Франкфуртом. Населенные пункты Туркменистана обеспечены устойчивой связью. Государственным

предприятием электросвязи «Туркментелеком» предоставляется доступ населению в глобальную информационную сеть Интернет.

Главными задачами агропромышленного комплекса страны является максимальное удовлетворение потребности населения в продуктах питания, обеспечение перерабатывающей промышленности сырьем, повышение эффективности производства и формирование новых хозяйственных отношений, последовательное укрепление продовольственной безопасности. Сегодня Туркменистан полностью обеспечивает себя основными продуктами питания. В 2011 г. вошел в число государств-экспортеров зерна.

За годы независимости в Туркменистане создана оснащенная современным высокотехнологичным оборудованием экспортоориентированная текстильная промышленность, построены и введены в действие более 60 текстильных комплексов и предприятий, оснащенных самым передовым и высокопроизводительным оборудованием. Это позволило увеличить мощности по переработке производимого в стране хлопка-волокна с 3 до 55 %. За период с 1995 по 2014 гг. производство хлопчатобумажной пряжи и хлопчатобумажных тканей возросло в 8 раз. При этом экспорт текстильной продукции с маркой «Сделано в Туркменистане» за этот период возрос в 29 раз. Около 80% производимой текстильной продукции направляется на экспорт в страны Европейского Союза, США, Канаду, Россию, Турцию, Венгрию, Китай, страны Балтии, Украину. Ежегодный объем производимой предприятиями отрасли продукции достиг в среднем 500 миллионов долларов США.

Высокая инвестиционная активность экономики привела к бурному росту строительного комплекса Туркменистана. Помимо масштабных государственных строительных проектов промышленного, рекреативного, культурного назначения, в стране идет широкое жилищное строительство, осуществляется рассчитанная на период до 2020 г. Национальная программа по преобразованию социально-бытовых условий населения сел, поселков, городов этрапов и этрапских центров. Основной ее задачей является создание высоких стандартов жизни сельского населения, максимально приближенных к

городским, обеспечения сбалансированного социального развития всех населенных пунктов страны. В стране получила широкое развитие жилищная ипотека с максимально льготными условиями.

В июне 2009 г. на Каспийском побережье состоялась церемония открытия первых объектов Национальной туристической зоны «Аваза». Инициированный Президентом Туркменистана проект занимает особое место в стратегических планах страны на ближайшие десятилетия и потому призван аккумулировать в себе передовые достижения мировой архитектурной и инженерно-технической мысли, креативные идеи. Стоимость возводимых здесь объектов составляет свыше 1,5 млрд. долл. США. В рамках второй очереди застройки были сданы в эксплуатацию еще 10-15 санаториев, центров отдыха и отелей мирового класса. Особое внимание уделено созданию полномасштабной индустрии отдыха и развлечений – аквапарков, яхт и спортклубов, ресторанов, кемпингов, всевозможных аттракционов, торговых центров. Семикилометровая судоходная река пересекает территорию курорта. По обеим сторонам гидротехнического сооружения раскинулась благоустроенная зона отдыха, проводятся спортивные состязания на байдарках и каноэ, парусные регаты. Летом 2014 г. проведен этап кубка мира по виндсерфингу. Сдан в эксплуатацию новый аэропорт. Ведутся работы по подводке к «Авазе» автомагистралей, газотурбинной электростанции, опреснительной установки, очистных сооружений, системы водопроводных сетей. Модернизирован будет морской порт, национальный флот пополнят теплоходы для морских круизов. Город Туркменбаши станет одним из крупных транспортных центров международного транспортного коридора «Восток - Запад», призванный по кратчайшему маршруту связать государства Европы и Азии.

Переход на рыночные отношения в Туркменистане проводится в рамках государственной политики социальной защиты населения. Более 80% государственного бюджета Туркменистана ежегодно направляется на социальные нужды. В Туркменистане ежегодно в среднем на 10% увеличивается заработная плата, пенсии, государственные пособия,

студенческие стипендии. Все население страны бесплатно пользуется газом, водой, солью, электроэнергией. В соответствии с вступившим в силу с 1 июля 2007 г. Кодексом Туркменистана «О социальном обеспечении», расширен перечень государственных пособий и видов социальной помощи инвалидам. Увеличены размеры пособий по инвалидности. Установлено государственное пособие при рождении ребенка – по уходу за ним до полутора лет. Предусмотрено пособие при потере кормильца.

Туркменистан за годы независимости реформировал и развил сферу национального здравоохранения, придав ей статус многоцелевой системы социальной защиты населения. Важной частью государственной политики в области здравоохранения является последовательно осуществляемая стратегия снижения уровня заболеваемости населения. Туркменистан находится в первом ряду государств, осуществляющих мероприятия по иммунопрофилактике, занимая лидирующие позиции в регионе по уровню обеспеченности вакцинами и иммунизации населения. В Туркменистане вакцинация проводится бесплатно. С 1 января 2010 г. начата Н1в-вакцинация, которая также является одним из важных профилактических мероприятий для населения. Поэтапно реализуя программу «Саглык» («Здоровье»), осуществляя стратегию понижения уровня заболеваемости населения, Туркменистан полностью или частично избавился от многих видов заболеваний. Так, в 2000 г. страна была удостоена сертификата ВОЗ о ликвидации дракункулеза, в 2002 г. Туркменистану был присвоен сертификат о прекращении циркуляции дикого полиовируса на его территории, что свидетельствует о полном искоренении полиомиелита. Туркменистан первым из государств СНГ и четвертым в мире обеспечил универсальную йодизацию соли согласно общепринятым международным стандартам и тем самым был признан страной, где ликвидирована одна из злободневных проблем человечества – йододефицит. Составной частью системы здравоохранения, возведенной в ранг государственной политики, является реализация программных целей по охране материнства и детства. Повсеместное создание высокооснащенных медицинских центров материнства и детства «Эне мяхри»,

успешная реализация национальной программы по грудному вскармливанию и борьбе с анемией получили высокую оценку со стороны крупных международных организаций. Значительно усиливается борьба и с такими заболеваниями, как малярия, корь и краснуха, констатирован самый низкий за всю историю наблюдений процент заболеваемости туберкулезом. Туркменистан относится к числу немногих стран, где ВИЧ-инфекция и заболевание СПИД не получили распространения.

В настоящее время в Туркменистане работает 1730 школ, 834 дошкольных учреждения, 4 университета, филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, 16 институтов, 1 академия, 127 училищ начального профессионального образования и 30 техникумов и средних профессиональных учебных заведений. В соответствии с Национальной программой по преобразованию социально-бытовых условий населения сел, поселков, городов этрапов и этрапских центров на период до 2020 г. число дошкольных учреждений страны увеличится на 428, число средних школ – на 328. Под непосредственным руководством Президента Туркменистана осуществляется кардинальная реформа отечественной науки. Воссоздана Академия наук Туркменистана, учрежден Высший аттестационный комитет с экспертными советами по отдельным специальностям.

Внешняя политика осуществляется на основе Конституции страны, Закона о постоянном нейтралитете Туркменистана, Концепции внешней политики Туркменистана как нейтрального государства, других законодательных актов. Внешняя политика Туркменистана является логическим продолжением внутренней политики и определяется международно-правовым статусом постоянного позитивного нейтралитета, принятым на себя Туркменистаном добровольно, в рамках реализации неотъемлемых прав суверенного государства. Максимальное содействие обеспечению всеобщего мира, стабильности и безопасности, последовательной реализации Целей устойчивого развития ООН, упрочение добрососедских связей и сотрудничества в регионе и за его пределами, создание благоприятных

условий для осуществления процессов разоружения, решения мирными, политическими средствами существующих конфликтов и противоречий, обеспечение энергетической безопасности. На это направлены инициативы, выдвинутые Президентом Туркменистана на различных международных форумах, в частности, такие, как предложение о создании Энергетического Совета ООН, учреждении на высоком уровне постоянно действующего Форума по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии и Каспийском бассейне, пять пунктов содействия политическому урегулированию в Афганистане и его экономическому восстановлению, ряд других важных инициатив является приоритетными направлениями внешней политики Туркменистана.

Не случайно, в 2014 г. многие среди международных конференций высокого уровня под эгидой ООН, состоялись именно в г. Ашхабад: Международная конференция по вопросам миграции и безгражданства (23-24 июня 2014 г.), Международная конференция о роли транспорта и транзитных коридоров в обеспечении международного сотрудничества и устойчивого развития (3-4 сентября 2014 г.), Форум Энергетической Хартии «Надежный и стабильный транзит энергоносителей» (8-9 декабря 2014 г.), Международная встреча экспертов на тему «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества» (10-11 декабря 2014 г.) и др. Туркменистан рассматривает свое активное участие в деятельности ООН направленной на обеспечение прогресса и развития человечества, повышение уровня жизни и благосостояния людей, создание благоприятных условий для глобального социально-экономического роста, раскрытия творческого потенциала человека, поощрения его прав и свобод. Следуя этим целям, при единогласной поддержке стран-участниц Туркменистан был избран в состав авторитетной комиссий – Экономического и Социального Совета ООН на период 2013-2015 гг. и. В настоящее время Туркменистан осуществляет дипломатические отношения со 134 государствами и является членом 44 международных организаций, является участником 122 международных конвенций и договоров.

4.2. Традиции и инновации в системе международной политики Туркменистана

В настоящее время мы имеем возможность наблюдать, как сильно усложнились современные политические процессы на мировой арене, с каким разнообразием и динамичностью переплетаются различные тенденции, в частности инновационные, и традиции. Всё это, в свою очередь, непосредственно отображается на характере международных отношений и их влиянии на внутреннюю и внешнюю политику страны. Характерная для эволюции в условиях демократического перехода его нелинейность проявляется в асимметричности всех сфер общественной и политической жизни. Эта особенность находит свое отражение в наборе дихотомии: универсальное-частное, глобальное-локальное, традиционное-инновационное.

В современном мире, в частности и Туркменистане как неотъемлемой его части, параллельно действуют две тенденции: с одной стороны, происходят процессы глобализации и информатизации, а с другой – усиливается стремление к сохранению национальной идентичности. Это проблема фундаментальной значимости, с которой вынуждены считаться все страны. Необходимо отметить, что традицией называют всеобщий родовой опыт культуры, принявший устойчивый характер, закрепленный в стереотипах, правилах культурной деятельности. Отклонение от традиционного опыта, связано с его творческим развитием, фиксируется понятием новации. Связь между ними обеспечивает преемственность культурно-исторического опыта, связь между прошлым, настоящим и будущим [140, с. 79].

Внешняя политика Туркменистана формируется на базе глубоких национальных традиций, уникальной и многонациональной культуры с учетом общемировых изменений и вызовов. Это политика мира и демократии, взаимопонимания и сотрудничества. Необходимо выделить традиции и инновации в системе международной политики Туркменистана.

Согласно Концепции внешней политики Туркменистана как нейтрального государства, внешняя политика Туркменистана является логическим продолжением внутренней политики и определяется международно-правовым статусом постоянного позитивного нейтралитета, принятым на себя Туркменистаном добровольно, в рамках реализации неотъемлемых прав суверенного государства [65]. Нейтрализм в основном трактуется на основании определенных шагов неприсоединившихся стран в области своей внешней политики, в отношении к различным мировым конфликтам, военному противостоянию стран. Хотя опыт международных отношений показывает, что именно нейтральные страны могут быть инициаторами конкретных политических действий, предложений, касающихся двух или более враждующих стран [123, с. 16]. Нейтральный статус Туркменистана является основной отличительной чертой его внешней политики, более того он не только закреплён конституционально и в документах ООН, но и возведен в своеобразный культ, идеологию. 12 декабря отмечается национальный праздник – День нейтралитета.

Впервые с предложением придать Туркменистану нейтральный статус президент С. Ниязов выступил в марте 1995 года на совещании глав государств-членов Организации экономического сотрудничества (ЭКО). Данное предложение получило полную поддержку со стороны участников саммита. В октябре 1995 года на очередной своей встрече главы государств-участников Движения неприсоединения также поддержали инициативу туркменского президента. А 12 декабря 1995 г. Генеральная Ассамблея ООН своей специальной резолюцией призвала страны-члены ООН признать и поддерживать нейтральный статус Туркменистана [157, с. 61].

Основаниями для принятия такого документа были: *во-первых*, международное сообщество в лице своей организации – ООН – оценило сущность туркменской государственной политики, ее внешнеполитические доктрины, опыт строительства на пути независимости и суверенитета; *во-вторых*, были учтены экономические возможности страны: Туркменистан

обладает более чем 30 % мировых запасов углеводородного сырья. ООН всегда беспокоит то, что государства, обладающие природными богатствами, нередко попадают в зоны «сфер влияния» более сильных и могущественных стран, а это означает возможность войн и военных конфликтов; *в-третьих*, что особенно важно, Туркменистан, в отличие от других бывших республик Советского Союза, не имел какие-либо внутренние противостояния на национальной, религиозной, социально-политической почве. Ни одно из соседних с ним государств не имели территориальных претензий к Туркменистану [41, с. 23].

Согласно существующим в международном праве дефинициям, нейтралитет Туркменистана является: *по происхождению* – признанным, что подтверждается резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН «Постоянный нейтралитет Туркменистана» (12 декабря 1995 г.), Исламабадской Декларацией по итогам Третьей встречи глав государств и правительств стран Организации Экономического Сотрудничества (15 марта 1995 г.), Заключительным документом 11-й конференции глав государств и правительств стран Движения Неприсоединения (20 октября 1995 г., Картахена, Колумбия); *по форме* – постоянным, то есть не ограниченным во времени и действующим как в военное, так и в мирное время; *по содержанию* – позитивным или конструктивным, что подразумевает активную позицию государства в вопросах поддержания мира и стабильности, развития отношений дружбы и сотрудничества между государствами [65]. Внешняя политика Туркменистана, основываясь на статусе постоянного нейтралитета, следует общепризнанным нормам международного права, принципам равноправия и взаимного уважения, добрососедства и сотрудничества между участниками системы современных международных отношений. Их география охватывает все страны Азии, большинство стран Европы, а также крупные государства Америки и Африканского континента [109].

Внешнеполитический курс основан на национальных интересах страны, связан с ясным осознанием потребностей республики, с наличием у туркменского руководства четких представлений о безопасности государства и

гарантиях суверенитета. 1 октября 1991 г. руководство тогда еще Туркменской ССР издает официальное заявление «О внутренней и внешней политике Туркменистана». Этот документ излагает правительственную позицию по внутренней и впервые внешней политике. Постепенно, по мере международного признания Туркменистан вступал в дипломатические отношения со многими странами. МИД Туркменистана основательно пересмотрел свои возможности, определив приоритетные направления внешней политики согласно стратегической важности в следующем порядке: российское, бывшие советские республики, региональные страны (Иран, Китай, Турция и др.), Западное [42, с. 18]. Дипломатические представительства и консульские учреждения Туркменистана открыты и действуют в десятках стран мира, постоянные представители страны аккредитованы и действуют при таких авторитетных международных организациях, как Организация Объединенных Наций (г. Нью-Йорк и г. Женева), Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (г.Вена), Организация Исламского Сотрудничества (г.Эр-Рияд), Содружество Независимых Государств (г.Минск), Организация Экономического Сотрудничества (г.Тегеран). Туркменистан участвует через своих постоянных представителей в работе таких крупных международных структур, как Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Подготовительная комиссия Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОДВЗЯИ), Организация по запрещению химического оружия, Международная морская организация [109].

В самом начале Туркменистан стал членом более сорока международных и региональных организаций. Вступление Ашхабада в международные организации было обусловлено четырьмя факторами: созданием безопасной зоны для привлечения иностранных инвестиций, выходом на мировые рынки, диверсификацией экспортного транзита, а также достижением поддержки доктрины позитивного нейтралитета Туркменистана. В 1994 г. Туркменистан присоединился к программе «Партнерство ради мира» НАТО, и отношения сторон стали развиваться в рамках этой программы [42, с. 22]. Однако, в связи с

нейтралитетом Туркменистан не участвует в Договоре о коллективной безопасности государств СНГ 1992 г. и военном сотрудничестве с Россией на двусторонней основе. Направления внешней политики Туркменистана определены в «Декларации о внешнеполитическом курсе Туркменистана в XXI веке на принципах постоянного нейтралитета, миролюбия, позитивного добрососедства и демократии», которая была принята 27 декабря 1999 г. Халк Маслахаты (Народным Советом) Туркменистана [47, с. 173].

Политико-правовая система нейтралитета Туркменистана определяется нормативными актами, принятыми как на международном, так и на национальном уровне. Необходимо отметить, что впервые за всю историю ООН была принята резолюция, фиксирующая нейтралитет страны. Процесс получения такого статуса был для Туркменистана нелегким и небыстрым. С самого начала существования нового государства – Туркменистана (26 октября 1991 г.) – был взят курс на формирование политики нейтралитета [124, с. 12].

Юридическую основу провозглашенного Ашхабадом курса составляет конституционный закон «О постоянном нейтралитете Туркменистана» от 27 декабря 1995 года, определяющий, в соответствии с Конституцией республики, права и обязанности страны как государства, обладающего нейтральным статусом. В военно-политической сфере предполагается, в частности, соблюдать следующие условия: проводить миролюбивую внешнюю политику на принципах равноправия, взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела других стран; не принимать участия в военных блоках и союзах, в межгосударственных объединениях с жесткими регламентирующими функциями или предусматривающих коллективную ответственность участников; не начинать войн и вооруженных конфликтов, не участвовать в них (кроме реализации права на самооборону), равно как и не предпринимать каких-либо шагов, которые могут привести к войне или такому конфликту; не допускать размещения на своей территории военных баз иностранных государств или ее использования последними в военных целях; не иметь, не производить и не распространять оружие массового уничтожения. В

экономической сфере: развивать международное экономическое сотрудничество на основе равноправия, взаимной выгоды и учета интересов сторон, вовлеченных в этот процесс; обеспечивать открытость своего финансово-экономического пространства; не прибегать к экономическому давлению как средству достижения политических целей (внешнеэкономическая составляющая концепции «позитивного нейтралитета» Туркменистана – стратегия «открытых дверей»). Наконец, в гуманитарной сфере: признавать и уважать основные общепризнанные права человека и гражданина и демократические свободы; способствовать международному обмену духовными ценностями; сотрудничать с мировым сообществом в области гуманитарных вопросов [155, с. 159].

Статус нейтралитета страны во многом облегчил процесс государственного строительства в Туркменистане, а также позволил пересмотреть военную доктрину и снять с государственного бюджета значительную часть военных расходов и направить эти средства на нужды народного хозяйства. Отметив, что Туркменистан уже несколько лет живет в условиях признания за ним со стороны ООН статуса постоянно нейтрального государства, Президент С.А.Ниязов подчеркнул: «Эти годы наглядно показали, и это высоко оценивается в ООН, что Туркменистан является действенным участником региональных и международных проектов, самостоятельным в выборе внешнеполитических приоритетов. Выражая признательность международному сообществу за поддержку, Туркменистан будет и впредь на практике доказывать, что нейтралитет, миролюбие, добрососедство были и останутся сердцевиной внешней политики Туркменистана, не мыслящего свою судьбу в отрыве от общей судьбы человечества» [100, с. 44].

«Полномасштабное и целенаправленное сотрудничество с Организацией Объединенных Наций – это стратегический выбор Туркменистана. Для нас ООН – не просто самая представительная международная структура. Мы рассматриваем ее в качестве несущей опоры всей современной системы глобального взаимодействия, гаранта сохранения и поддержания мира и

баланса интересов на международной арене, устойчивости существующей архитектуры безопасности»- высоко отметил значение сотрудничества Туркменистана с ООН нынешний Президент Г.М.Берdimухамедов. Таким образом, на сегодня основными задачами внешней политики Туркменистана являются: сохранение и укрепление государственного суверенитета Туркменистана, возрастание его роли и значения в системе международных отношений; создание максимально благоприятных внешнеполитических условий для внутреннего развития государства; отстаивание и реализация национальных интересов Туркменистана всеми формами сложившихся в международной практике дипломатических контактов; обеспечение безопасности Туркменистана политическими, дипломатическими средствами; развитие конструктивного взаимовыгодного сотрудничества со всеми зарубежными партнерами на основах равноправия и взаимоуважения; обеспечение полного соответствия внешнеполитических действий Туркменистана международному праву и Уставу ООН [65].

В то же время нельзя сказать, что нейтральный статус высвободил страну от влияния внешних сил, или Туркменистан начал проводить политику «чистого нейтралитета», придерживаясь принципа «равноотдаленности и равноприближенности» по отношению всех стран региона и мира. В самом начале пути своего самостоятельного развития Туркменистан сделал ставку на экспорт сырьевых ресурсов путем строительства новых нефте- и газопроводов, автомобильных дорог и железнодорожных сообщений. Были разработаны несколько альтернативных маршрутов транспортировки сырья, экспорта природного газа, среди которых предпочтительным для руководства выглядел маршрут строительства газопровода по территории Афганистана в Пакистан.

Представляется обоснованным и вывод исследователей, что основная позиция Туркменистана по отношению к интеграционным процессам обусловлена тем, что страна меньше всего испытывает экономическую взаимозависимость от центрально-азиатских соседей. Имеющиеся у Ашхабада стратегические запасы энергоносителей позволяют существовать относительно

автономно, выборочно участвуя в различных интеграционных группах. Находясь в сложной международной обстановке, Туркменистан активно развивает взаимовыгодное двустороннее сотрудничество с Европейскими странами, Россией, Украиной, центрально-азиатскими государствами и другими странами СНГ, Латинской Америки и Африки [56, с. 5].

В начальном этапе реализацию цели – построить экономику страны, основанную на добыче и продаже энергоресурсов, минерального и природного сырья, препятствовали трудности экспорта на внешние рынки. Нужно было обеспечить приток иностранных инвестиций, найти новые экспортные пути для туркменского газа. Диверсификация экспорта газа на международный рынок без магистральных газопроводов из Туркменистана была невозможна. Как и до провозглашения независимости, Туркменистан зависел от магистрального трубопровода «Средняя Азия – Центр» (САЦ), посредством которого поставлялся природный газ в Россию и далее к потенциальным потребителям. Российская монополия в лице «Газпрома» побуждала президента Туркменистана к поискам альтернативных путей транзита. Разрабатывались проекты строительства трубопровода в разных направлениях для экспорта газа: южном, восточном и западном, в том числе ТАПИ (Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Индия); Транскаспийский (Туркменистан, Азербайджан, Грузия, Турция); через Казахстан в Китай; Туркменистан – Иран [43, с. 55].

Стратегическое осмысление и комплексный анализ современных тенденций, творческое переосмысление базисных позиций и долгосрочных интересов Туркменистана в современной международной системе координат стали основой «Концепции внешнеполитического курса Туркменистана на период 2013-2017 годы», ориентирующей на дальнейшее интегрирование в глобальные процессы мирового развития [109]. Президент Туркменистана 24 января 2013 г. подписал Постановление о создании Правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных со вступлением Туркменистана во Всемирную торговую организацию (ВТО), и проведении необходимой соответствующей работы. Реализация данного решения в последующем будет

способствовать надежной и эффективной интеграции Туркменистана в мировую экономическую систему, повышению конкурентоспособности создаваемых в нашей стране производств и выпускаемой продукции, налаживанию на законодательной основе рыночных отношений в соответствии с международным уровнем.

Одним из важных решений заседания Совета старейшин Туркменистана, состоявшегося 20 октября 2014 г. в Туркменабате под председательством Президента Гурбангулы Бердымухамедова, стало Постановление «Об объявлении 2015 года – Годом нейтралитета и мира». Значимость этого решения, как в общегосударственном, так и в международном аспекте, подчеркивается тем, что в 2015 году исполняется 20 лет со дня принятия Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Резолюции «О постоянном нейтралитете Туркменистана», ставшей признанием миролюбивой внешней политики нашей страны, утверждением авторитетной роли Туркменистана как государства, способного внести достойный вклад в мирный путь развития, обеспечение всеобщей безопасности и стабильного прогресса.

Дата 12 декабря 1995 г. очень важна для истории туркменского народа. В этот день на 50-й, юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН была единогласно принята данная Резолюция - беспрецедентный документ, первый в своём роде в деятельности Сообщества Наций. Это, без преувеличения, историческое событие – неоспоримый факт всеобщей международной поддержки внешнеполитического курса Туркменистана, ныне являющегося одним из признанных миротворческих центров не только Центральной Азии, но и планеты в целом. «Сегодня во всем мире с большим уважением относятся к правовому статусу постоянного нейтралитета Туркменистана. Будучи основой внешней политики нашего государства, он выступает в качестве важнейшего фактора обеспечения экономического роста и благополучия страны, надежного фундамента счастливой жизни родного народа», – подчеркнул Президент Гурбангулы Бердымухамедов, выступая на Совете старейшин. Будучи приверженным принципам постоянного нейтралитета,

мирного сосуществования и добрососедства, Туркменистан заслужил высокий авторитет на мировой арене, вошел в число государств с интенсивно развивающейся экономикой. Из некогда аграрной страны сегодня Туркменистан стремительно превращается в индустриально развитую державу, делающую ставку на инновации, последние достижения науки и техники. В стране создаются высокотехнологичные производства, новые рабочие места. Широкую поддержку получает предпринимательство. Небывалый размах развития обрели отечественная наука и национальная система образования, все сферы жизни государства и общества, отрасли экономики.

Следует отметить, что проводимая национальным лидером политика, суть которой отражена в девизе – «Государство – для человека!», имеет четко выраженный социальный аспект. В рамках реализации «Национальной программы Президента Туркменистана по преобразованию социально-бытовых условий населения сел, поселков, городов этрапов и этрапских центров на период до 2020 года» ежегодно вводятся в строй комфортабельные жилые дома, оснащенные школы и детские сады, медицинские центры и дворцы культуры, стадионы и санатории, цифровые АТС, другие социально-экономические объекты. В 2014 г. намечено завершить строительство 419 объектов, и значительная часть этих сооружений уже введена в эксплуатацию. В настоящее время в стране возводятся объекты общей стоимостью около 48 млрд. долларов США. Еще один важный индикатор – рост реальных доходов населения, который обеспечивается за счет последовательного повышения заработной платы, пенсий, государственных пособий и стипендий, ценовой политики государства, поддержки частной инициативы, а также комплекса дополнительных социальных льгот (бесплатные электроэнергия, газ, вода, предельно низкая плата за коммунальные и транспортные услуги). Все это обусловило всевозрастающий интерес международного сообщества к позитивному опыту Туркменистана.

Статус нейтралитета играет весьма значимую роль в налаживании широкого взаимодействия с государствами мира в политической,

экономической, культурной, научно-образовательной и других сферах, реализации многогранной внешнеполитической стратегии Президента Гурбангулы Бердымухамедова, нацеленной на достижение важнейших целей третьего тысячелетия: обеспечение всеобщего мира и устойчивого развития, укрепление международного сотрудничества. Миролюбие, уважительное отношение к другим народам, их культуре и традициям, толерантность, являющиеся базисными критериями нейтралитета, обрели новое качественное наполнение во внешней политике и дипломатии Туркменистана. В современную эпоху наша страна на деле подтверждает соответствие туркменской модели нейтралитета идеалам и целям ООН, ее эффективность в сложении международных миротворческих усилий в регионе.

Опираясь на нейтральный статус, Туркменистан расширяет международные связи, развивая диалог – как на межгосударственном уровне, так и в формате взаимодействия с авторитетными международными организациями. Примером неоспоримого успеха этой стратегии можно с полным правом назвать партнерство с ООН, которое рассматривается как один из приоритетных векторов «Концепции внешнеполитического курса Туркменистана на 2013-2017 годы», нацеленной на реализацию стратегических задач и достижение целей, определенных главой государства.

Нарастающая динамика плодотворных связей с ООН и ее структурами обусловлена, прежде всего, активной позицией Туркменистана в делах мирового сообщества, его стремлением оказать реальное содействие в решении актуальных проблем, волнующих всё человечество. Об этом свидетельствует тот факт, что за последнее время независимый нейтральный Туркменистан трижды – в 2007, 2009 и 2013 гг. – избирался вице-председателем, соответственно, 62-й, 64-й и 68-й сессий Генеральной Ассамблеи ООН. В истории двустороннего сотрудничества знаковым событием является также открытие в 2007 г. в Ашхабаде Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии как надежный форпост Сообщества Наций в регионе. Вместе с тем, этот шаг со стороны ООН еще более укрепил

миротворческий статус страны, сыгравшей весомую роль в урегулировании гражданского противостояния в Таджикистане и внутреннего конфликта в Афганистане. Будучи неизменно привержен принципам добрососедства и взаимовыручки, Туркменистан экспортирует в Афганистан электроэнергию и предпринимает практические шаги по наращиванию этих поставок, строит объекты промышленного и социально-культурного назначения.. Важным шагом на пути укрепления основ мирной жизни в соседней стране являются также инициированные туркменской стороной проекты регионального значения, реализуемые в топливно-энергетической и транспортной сферах (в первую очередь, перспективное строительство газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия (ТАПИ) и прокладка железной дороги Туркменистан-Афганистан-Таджикистан. «Мы хотим видеть Афганистан мирной и процветающей страной, добрым соседом и партнером всех государств региона. При этом считаем, что в деле афганского урегулирования важную роль может и призвана сыграть Организация Объединенных Наций», – заявляет Президент Гурбангулы Бердымухамедов, подчеркивая, что все вопросы Афганистана следует решать только мирными, переговорными методами, созданием новых политико-дипломатических механизмов, основанных на реалиях сегодняшнего дня и нацеленных на долгосрочную перспективу.

Постоянно отстаивая идею безусловного приоритета «силы права» над «правом силы», в том числе – с трибуны ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи ООН, Туркменистан был и остается убежденным сторонником того, что именно ООН, накопившая колоссальный миротворческий опыт и наработавшая прочную правовую базу международного сотрудничества, способна предложить конструктивные решения узловых проблем современности, объединив для этого политическую волю и экономические возможности государств. В этом контексте туркменская сторона выступает за самое широкое, адресное привлечение к афганскому диалогу. Результатом сотрудничества Туркменистана и ООН, рассчитанного на долгосрочную перспективу, является избрание нашей страны в состав Комиссии ООН по

народонаселению и развитию на период до 2012-2015 гг., Комиссии ООН по наркотическим средствам на период 2012-2015 гг., а также в Исполнительный комитет Программы Верховного Комиссара ООН по делам беженцев.

Свидетельством неуклонного роста международного авторитета стало избрание Туркменистана в апреле 2014 г. на сессии Экономического и Социального совета Организации Объединенных Наций (ЭКОСОС) членом Комиссии ООН по науке и технике на 2014-2016 гг., а также Комиссии ООН по социальному развитию на 2014-2017 гг. Страна была также избрана вице-председателем Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН, а в ноябре – членом Исполнительного Совета ЮНЕСКО на 2013-2017 гг. Туркменистан два года подряд избирался председателем СПЕКА – Специальной программы ООН для экономик Центральной Азии, разработанной Европейской экономической комиссией. Туркменистан входит в группу стран, отобранных на уровне Организации Объединенных Наций для проведения национальных консультаций по определению целей глобального развития после 2015 г., то есть по окончании периода действия Целей тысячелетия ООН.

Выступая на заседании Совета старейшин в октябре 2014 г. Президент Гурбангулы Бердымухамедов подчеркнул, что всесторонняя поддержка усилий международного сообщества по обеспечению мира на всей планете, всеобщей безопасности и устойчивого развития является ключевым вектором внешнеполитической стратегии нейтрального Туркменского государства.

Присоединившись к более 90 международным конвенциям, Туркменистан неуклонно следует выполнению принятых на себя обязательств, постоянно демонстрирует готовность направить свой миротворческий и созидательный потенциал на достижение провозглашенных ООН Глобальных Целей Тысячелетия. Так, на 69-й сессии (2014г.) Генеральной Ассамблеи ООН были представлены приоритетные позиции Туркменистана и конкретные предложения нашей страны по дальнейшему наращиванию конструктивного международного взаимодействия на пяти ключевых направлениях: защита и укрепление всеобщего мира и безопасности, сотрудничество в энергетическом

секторе, транспортной сфере, гуманитарные вопросы и права человека, экология и охрана окружающей среды. В частности, наша страна предлагает созвать под патронажем ООН Форум безопасности и мира в Центральноазиатском регионе и провести его в 2015 г. в туркменской столице. Кроме того, Туркменистан считает целесообразным рассмотреть вопрос о создании Межрегионального центра ООН по разоружению в Азии.

Туркменистан ведет целенаправленную международную деятельность, фокусируя внимание мирового сообщества на вопросах энергетической безопасности. На предыдущих сессиях Генеральной Ассамблеи выдвинуты инициативы Президента Гурбангулы Бердымухамедова, касающиеся глобальной безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в топливно-энергетическом секторе. Их актуальность подтверждена реалиями времени, о чем наглядно свидетельствует принятая соответствующая Резолюция ООН «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества». Важное значение придается созданию нового международно-правового инструмента, направленного на обеспечение энергобезопасности. Выступая за расширение эффективного взаимодействия в формате ООН в этой стратегической сфере, Туркменистан предлагает предпринять новые конкретные шаги. Обладая колоссальными запасами углеводородных ресурсов, Туркменистан продолжает осуществлять широкомасштабные проекты международного значения – строительство новых газопроводов, в том числе, в Иран и Китай, способствовавших превращению региона в важнейший энергетический центр мира. Проект газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия направлен и на развитие национальных экономик стран-участниц, укрепление политической стабильности в регионе в целом.

Страна вносит весомый вклад в развитие международного сотрудничества в транспортно-коммуникационном секторе и формирование соответствующей современной инфраструктуры, что является одним из неотъемлемых факторов глобального устойчивого развития. Туркменистан,

обладающий большим потенциалом в данной области, выступает инициатором ряда проектов по созданию транспортных коридоров регионального и межрегионального значения и стремится к расширению партнерства со специализированными органами ООН в этой сфере. В ходе 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН наша страна внесла предложение рассмотреть возможность создания Модельного Шоссе для Центральной Азии, что сыграет весомую роль в развитии региона, имеющего выгодное расположение на перекрестке транспортных артерий Евразийского пространства.

Большое значение нейтральный Туркменистан также придает международному сотрудничеству в гуманитарной сфере, и в этом контексте – углублению взаимодействия с ООН и ее соответствующими структурами. В числе приоритетных выступают вопросы охраны здоровья матери и ребенка, защиты прав инвалидов, беженцев и др. Яркое тому свидетельство – предоставление гражданства Туркменистана около 5 тысячам лиц в 2011-2014 гг. С задачами устойчивого развития также самым тесным образом сопряжены вопросы экологии и охраны окружающей среды. На этом актуальном направлении, наша страна предусматривает осуществление совместных мер по улучшению экологической ситуации в Центральной Азии и Каспийском регионе, повышению уровня и качества жизни населения, а также по реализации проектов социально-экономического развития. «Сегодня эти важные позиции нашей страны с заинтересованностью восприняты мировым сообществом. Мы и впредь будем развивать полномасштабное политико-дипломатическое и экономическое сотрудничество со всеми государствами планеты, структурными учреждениями ООН. Это взаимодействие ориентировано на реализацию миролюбивых инициатив, укрепление мира и устойчивое развитие стран и народов в третьем тысячелетии, что, в свою очередь, будет способствовать уверенному достижению нашим независимым государством нового прогресса в мировом политическом пространстве, содействуя успешной реализации принципов гуманизма, миролюбия и нейтралитета во внешней политике нашего суверенного государства», –

подчеркнул лидер нации. На 69-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, туркменской делегацией по поручению Президента Гурбангулы Бердымухамедова было выдвинуто предложение о выработке механизмов активизации сотрудничества по вопросам охраны окружающей среды.

Преемственность и торжество самых ценных гуманистических традиций человечества – незыблемый принцип туркменского народа, глубоко почитающего идеи мира, взаимопонимания и дружбы. И поэтому ежегодно 12 декабря в Туркменистане отмечается День нейтралитета, который по праву считается одним из главных национальных праздников. Масштабные мероприятия, которые пройдут в 2015 году, объявленном Годом нейтралитета и мира, призваны ярко продемонстрировать всему миру грандиозные успехи нашей страны, достигнутые за короткий по историческим меркам срок под руководством Президента Гурбангулы Бердымухамедова.

Исходя из этих принципов, Туркменистан встраивает добрососедские и равноправные отношения со всеми странами. Исламская Республика Иран одной из первых признала независимость Туркменистана и установила равноправные отношения с ним. Страны объединяет общая граница, которой касаются четыре из пяти областей Туркменистана, а также многовековое историческое, конфессиональное и цивилизационное родство. Развивая двусторонние отношения, Иран руководствуется прежде прагматичными интересами – укрепить свои позиции в Центральной Азии, получить максимальную выгоду, как от имеющихся в Туркменистане огромных запасов углеводородов, так и от его удобного геополитического положения на пересечении транзитных путей. Приоритетным направлением двустороннего сотрудничества является нефтегазовый сектор: Иран является основным импортером туркменской нефти. Экспорт туркменского газа в Иран и потенциальная возможность его транспортировки через иранскую территорию в страны Средиземноморья, Европы, а также через иранские порты в Персидском заливе – на Дальний Восток и в Юго-Восточную Азию, покончили с монополией России в поставках туркменского газа [47, с. 176].

Наиболее добрососедские отношения Туркменистан поддерживает с Турцией. Обе стороны расценивают их как проходящие в русле долгосрочного стратегического партнерства. По подавляющему большинству международных вопросов эти страны, как правило, выступают единым фронтом, а правовая основа двусторонних связей базируется почти на 95 договорах и соглашениях, охватывающих практически все стороны взаимоотношений [58]. Турция привлекает официальный Ашхабад не только близостью языка и культуры, но и как страна, избежала религиозного экстремизма и тесно связана с Западом. Значительное внимание туркменским руководством уделяется развитию отношений с Саудовской Аравией, Кувейтом, Катаром, Объединенными Арабскими Эмиратами и другими арабскими государствами.

Россия занимала всегда верхнюю строчку в списке особо важных стратегических партнеров Туркменистана. Россия поддерживает внешнеполитический курс Туркменистана [42, с. 21]. Стабильность в Туркменистане, была выгодна и России, и Западу. В контексте отношений Ашхабада с Западом в пользу Г. Бердымухаммедов играет его демонстративная готовность к либерализации страны и декларируемая политика «открытых дверей» [47, с. 178]. Туркменистан последние десятилетие активно ищет возможности монополизации российского рынка сбыта газа, в частности строительством газопровода через Афганистан в Пакистан, Индию, Китай. Так важным событием явилось начало поставок газа в Китай в 2009 году, что стало для Туркменистана прорывом в преодолении абсолютной зависимости от России и было объявлено большим благом для Китая [110, с. 208].

Внимание мирового сообщества привлечено к Туркменистану еще и в связи с отсутствием договора о принципах государственно-территориального размежевания в Каспийском море. Здесь сходятся интересы пяти прикаспийских стран, а с учетом интересов США, ЕС, Турции, Украины и ряда неевросоюзских государств в Каспийском регионе сосредотачиваются внешние и местные (прикаспийские) силы, стремящиеся добиться выгодных для себя или всего мирового сообщества решений. Вот почему формирование и

содержание каспийской стратегии Туркменистана неотъемлемая часть истории внешней политики страны [42, с. 6]. 29-30 октября 2014 г. в Астрахане состоялся Каспийский Саммит с участием всех президентов прикаспийских государств, где были обсуждены вопросы статуса Каспийского моря. С первых лет независимости, являясь последовательным сторонником поддержания мира, согласия и стабильности в зоне Каспийского моря, Туркменистан выступает за конструктивный диалог на основе учета национальных интересов всех сторон и сложения общих усилий в реализации перспективных проектов и комплексного подхода к решению экологических проблем. Добрая воля, равноправие, взаимное уважение и здоровый прагматизм – эти принципы являются определяющими в позиции прикаспийского сотрудничества Туркменистана.

Сделав акцент на важности подписанных в рамках пятистороннего форума документов, журналисты не преминули заметить, что три из них – Соглашение о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря; Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море; Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов Каспийского моря – были разработаны и приняты по инициативе туркменской стороны.

Туркменская сторона выступила с предложением о разработке проекта Соглашения о сотрудничестве в области транспорта на Каспийском море, а также создании регионального транспортно-логистического центра. Системную направленность деятельности прикаспийских государств, по убеждению Президента Гурбангулы Бердымухамедова, придадут и другие разработанные по инициативе туркменской стороны и подписанные по итогам саммита документы, в том числе Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Каспийском море и Соглашение о сотрудничестве в области гидрометеорологии Каспийского моря, разработанное в рамках председательства Туркменистана в Координационном комитете по гидрометеорологии и мониторингу загрязнения Каспийского моря.

В рамках Астраханского форума Туркменистан предложил, необходимости подготовки проекта Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Выразив уверенность, что такой многосторонний документ послужит активизации традиционных связей между прикаспийскими государствами, располагающими всеми возможностями для значительного наращивания экономического партнерства и вывода его на качественно новый уровень, Президент Гурбангулы Бердымухамедов внес предложение о создании постоянно действующего Каспийского Экономического Форума.

Крупнейшие региональные издания, ссылаясь на оперативные сообщения информационных агентств Туркменистана, России, Ирана, Казахстана и Азербайджана, «озвучили» позицию нашей страны и в отношении ряда вопросов, в частности, прокладке трубопроводов по дну Каспийского моря, превращающегося в один из крупнейших центров добычи и транспортировки углеводородов. «Туркменистан твердо убежден, что строительство таких трубопроводов – это суверенное право государств, по участкам дна которых они проходят, и потому может осуществляться только с их согласия», – цитировала зарубежная пресса Президента Гурбангулы Бердымухамедова.

После событий 11 сентября 2001 г. политика Вашингтона относительно Ашхабада активизировалась. Туркменистан, так же как Таджикистан и Казахстан, открыл свое воздушное пространство для пролетов в Афганистан авиации США и международных коалиционных сил с гуманитарными миссиями. В 2002 г. Ашхабад и Вашингтон подписали соглашение об использовании самолетами военно-транспортной авиации США туркменского воздушного пространства и международного гражданского аэропорта столицы республики для дозаправки самолетов, перевозящих гуманитарные грузы в Афганистан [128, с. 96]. В 1994 г. Туркменистан стал первым государством региона, присоединившимся к программе НАТО «Партнерство ради мира», но его сотрудничество с Североатлантическим альянсом было номинальным. Новый президент Туркменистана проявил себя довольно активным во внешней политике, впервые посетив штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где стороны

договорились углублять связи. Президент Туркменистана объявил о готовности расширить сотрудничество, дал согласие на транзит грузов Альянса по железным дорогам Туркменистана в Афганистан [128, с. 98].

Таким образом, в целом, ключевыми внешнеполитическими задачами для нового руководства Туркменистана являются: стабилизация за счет недопущения негативного внешнего влияния внутри государства, нейтрализация негативного влияния противостояния Ирана и США в регионе, обеспечение стабильного экспорта газа по приемлемым ценам, решение проблемы раздела ресурсов Каспийского моря, развитие добрососедских отношений с соседними государствами Центральной Азии [2, с. 161].

При этом, Туркменистан учитывает также то, что он является неотъемлемой частью Центральной Азии, которая представляет собою единое, естественное геополитическое пространство. Народы, населяющие ее территорию, имеют исторически родственные связи, единую историю и культуру. Более того, страны региона имеют общую угрозу безопасности в виде того же религиозного экстремизма, терроризма и распространения наркотиков. В связи с этим необходимо особо подчеркнуть то, что сам факт ухода Туркменистана из единого, естественного геополитического пространства уже является фактором угрозы региональной безопасности [157, с. 67].

Подытоживая, необходимо отметить, что знаковыми для сегодняшнего дня являются процессы глобализации, информатизации, интеллектуализации, построения дружественных, взаимовыгодных политических, экономических, правовых, дипломатических, военных и гуманитарных связей и взаимоотношений с субъектами мирового сообщества. Важность инновационного развития и имплементация инновационных стратегий (в том числе и при формировании и осуществлении международной политики) стали известным и неоспоримым фактором экономического и политического развития какой-либо страны. Наличие во многих международных программах и организациях инновационной составляющей обусловлено глобализацией мировых рынков, необходимостью постоянно поддерживать

конкуренетоспособность продукции, реагировать на смену мировых тенденций на основе социокультурных особенностей жизни туркменского общества, глубоких национальных традиций, уникальной и многогранной культуры с учётом общемировых изменений и вызовов при использовании лучших образцов мирового опыта в этой сфере.

4.3. Идеологические основания внешней политики Туркменистана в контексте взаимосвязей с Украиной

Многие эксперты в области политологии едины в мысли о том, что существует целый ряд направлений и идеологических предпосылок развития общих плодотворных проектов сотрудничества Украины и Туркменистана. К примеру, Т. Ляшенко доказывает важность такого двустороннего обмена опытом, расширения экономических связей, межрегионального сотрудничества, создания совместных предприятий, привлечения украинского капитала к реализации разных проектов в Центральной Азии [112, с. 257].

Конкретные направления внешней политики Туркменистана в контексте взаимосвязей с Украиной так же, как и с другими государствами, крутятся вокруг энергетических запасов Туркменистана. С провозглашением независимости Украины амбивалентность ее политической роли приобрела новую направленность, что непосредственно отразилось на контактах Киева с Центрально-Азиатским и Кавказско-Черноморским регионами. В течение длительного времени внешнеполитический курс Украины был сосредоточен на поиске баланса интересов в отношениях с НАТО, с одной стороны, и Россией – с другой (политика многовекторности). В частности, Украина пыталась использовать свои транзитные возможности в плане сдерживания и обхода России в доставке энергоресурсов республик Центральной Азии и Каспийско-Черноморского региона в государства Европы, которые стремились снизить транзитную зависимость постсоветских стран от Москвы. Покрывая за счет собственной добычи лишь около 25% своих потребностей, 75% голубого

топлива Украина вынуждена импортировать. Преследуя цель снизить свою энергозависимость, власти Украины предприняли масштабные закупки газа в Туркменистане. Однако из-за отсутствия альтернативных путей поставок, углеводороды республик ЦА можно поставлять в Украину только с санкции и под контролем компаний, связанных с российским «Газпромом». Даже заключая с Туркменистаном договоры, Украина, несмотря на исключительную значимость для нее энергодиалога с государствами Центральной Азии, могла рассчитывать лишь на ослабление зависимости от одного источника, но не на обеспечение подлинной сбалансированности [139, с. 119].

Дипломатические отношения между Украиной и Туркменистаном установлены 10 октября 1992 г. Договоренности, которые были достигнуты в ходе двусторонних контактов на межгосударственном, межправительственном и межведомственном уровнях со времени установления дипломатических отношений, нашли свое отображение в договорно-правовой базе, которая состоит из 152 документов межгосударственного, межправительственного, межведомственного и межрегионального характера, что дает возможность развивать взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах.

Украина продолжает быть основным торговым партнёром Туркменистана и по объёмам внешнеторгового обращения стабильно занимает место в первой десятке среди стран мира, с которыми Туркменистан имеет внешнеэкономические связи. Международные торговые отношения между Украиной и Туркменистаном базируются на таких основных договорах и соглашениях: Соглашение о свободной торговле между Украиной и Туркменистаном (1994 г.); Соглашение о содействии и взаимной защите инвестиций (1998 г.); Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи по вопросам соблюдения налогового законодательства (2001 г.); Договор между Украиной и Туркменистаном о долгосрочном торговоэкономическом сотрудничестве, а также Межгосударственная Программа долгосрочного торгово-экономического сотрудничества между Украиной и Туркменистаном на 2012-2015 гг.. Кроме вышеупомянутых основных межгосударственных и

межправительственных договоров и соглашений экономического характера, заключен целый ряд межведомственных и межрегиональных соглашений по вопросам торгово-экономического сотрудничества [58].

На территории Туркменистана действует 28 предприятие и организация с участием украинского капитала, в том числе – 2 дочерних предприятия, 8 филиалов, 4 акционерных и хозяйственных общества, 5 представительств и 2 совместных предприятия. Основными статьями экспорта в Туркменистан из Украины является продукция: чёрной металлургии (трубы, изделия из чёрных металлов) – 37,8%; машиностроения (электрические машины, локомотивы, механические устройства, железнодорожные вагоны,) – 42,8%; химической промышленности (неорганическая химия, резиновые изделия, лечебные средства, лаки, краски, моющие средства) – 7,3%; агропромышленного комплекса (молоко и молочные продукты, сахар и кондитерские изделия из него, какао и продукты из него, алкогольные и безалкогольные напитки) – 10,0% [41, с. 25].

Самым крупным поставщиком газа для Украины Туркменистан стал в 2000 г. Туркменистан поставлял Украине уже приблизительно 35 млрд. куб. м газа по 44 долл. за 1 тыс. куб. м. К 2004–2005 гг. Туркменистан поставлял уже приблизительно 44% импортируемого для нужд Украины газа, Россия добавляла еще 30– 33%. Постепенно Украина начала рассматривать Центральную Азию как регион, весьма привлекательный для продвижения своей пищевой, машиностроительной и металлургической продукции. Во времена президентства Л. Кучмы в Туркменистане укоренился и украинский строительный бизнес, где активно проявили себя компании «Укртрансбуд», «Интербудмонтаж» и «УкрАзиаБуд».

Как указано в «Обновленной Энергетической стратегии Украины до 2030», доля импорта в поставках энергоресурсов в Украине (около 50%) находится на среднеевропейском уровне. При этом необходимо отметить высокую монопольную зависимость от импорта нефти и газа (около 70%) и ядерного топлива (100%) из России. По утверждению В. Баранника «для

необходимого обеспечения уровня диверсификации источников во многих странах считается достаточным наличие минимум трех почти равнозначных альтернативных источника импорта каждого вида ТЭР» [14, с. 117].

Важной составляющей украинско-туркменского сотрудничества является продовольственная сфера. Условия ведения сельского хозяйства ухудшаются с глобальным изменением климата, в то же время численность населения Туркменистана растет. Стимулирование импорта продовольствия связано также и с ростом платежеспособного спроса населения. Украина специализируется на экспорте продукции АПК. Удельный вес продовольственных товаров в структуре украинского экспорта товаров в Туркменистан составляла в 2011 31,6%, в 2012 – 13,7% (рассчитано по данным Госкомстата Украины) [83].

Другим фактором является потребность Туркменистана в реализации масштабных инфраструктурных проектов, в частности по разведке, добыче и транспортировке газа, с одной стороны, и наличие высококвалифицированных специалистов в Украине, а также успешный предыдущий опыт сотрудничества в этой сфере – с другой стороны [105, с. 111]. Сегодня сотрудничество с Украиной является приоритетным направлением во внешней политике Туркменистана. 3 ноября 2014 г. в Ашхабаде в ходе встречи Многоуважаемого Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова с Министром иностранных дел Украины Павлом Климкиным были обсуждены вопросы дальнейшего развития межгосударственного сотрудничества между Туркменистаном и Украиной, как в двустороннем, так и многостороннем формате, в том числе в рамках крупнейших международных организаций. Туркменистан и Украина – сторонники продолжения политического диалога по всем направлениям сотрудничества. Особую динамику в последнее время приобрело сотрудничество в сфере образования. Сложилась традиция ежегодного поочередного проведения Дней культуры Украины в Туркменистане и Дней культуры Туркменистана в Украине.

Политическое партнерство двух стран находит свое выражение и в рамках международных организаций. Так, туркменская сторона благодарна

Украине за поддержку наших кандидатур в ЭКОСОС (2013–2015 гг.) и ЮНЕСКО (2013–2017 гг.), а также за успешное проведение в октябре 2013 года конференции ОБСЕ по энергобезопасности. В свою очередь, Туркменистан за последние годы поддержал кандидатуру Украины в Постоянном комитете Европейского Регионального бюро ВОЗ, Комиссии ООН по праву Международной торговли на 2010–2015 гг., председательстве в ОБСЕ в 2013 г, Исполнительном Совете ЮНЕСКО на 2013–2017 гг. и в ряде других международных организаций, частности в Совете Безопасности ООН на 2016–2017 гг. и в ЭКОСОС ООН на 2019–2021 гг.

Практика проведения межправительственных комиссий и политических консультаций между Туркменистаном и Украиной на регулярной основе способствует обмену мнениями по наиболее значимым проблемам международных отношений, определению конкретных направлений двустороннего экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Положительно оценивают также обе стороны работу Межправительственной комиссии и создания украинско-туркменского торгового дома в Украине и туркмено-украинского торгового дома в Туркменистане, над чем активно работает Торгово-промышленная палата Украины.

За 9 месяцев 2014 г. в общем товарообороте Туркменистана Украина занимает 9-ое место. По состоянию на 1 октября 2014 г. в Туркменистане зарегистрировано 83 украинских инвестиционных проекта на сумму 3321,63 млн.долл. США, 5,82 млн.евро и 2,09 млн. деноминированных манат. В стране зарегистрировано 29 предприятий с участием украинского капитала. Давними и надежными партнерами на туркменском рынке являются СА «Интербудмонтаж», ФПГ «Альтком», группа компаний «Евразийский трубопроводный консорциум», ВАТ «Сумское МНПО им. Фрунзе», НПК «Энергосоюз» и др. Украина является одним из ведущих партнеров Туркменистана в сфере образования. Согласно последним данным Министерства образования и науки Украины, в более чем 100 вузах Украины обучаются свыше 12 тыс. граждан Туркменистана.

Туркменистан стал важнейшим партнером Украины в военно-техническом сотрудничестве. Например, в 2003–2004 гг. Ашхабад закупил у Киева военную технику на сумму, превысившую 280 млн. долл. [128, с. 97].

Анализ развития и современного двустороннего сотрудничества между Украиной и Туркменистаном позволяет сделать вывод о значительных перспективах, связанных с увеличением объемов взаимной торговли и диверсификации направлений сотрудничества. Институциональные основы развития двусторонних торгово-экономических отношений сформированы, однако, нуждаются в совершенствовании. Природный газ имеет наибольшее значение в двустороннем сотрудничестве (сотрудничество является перспективным в торговле, инжиниринговых услугах по разведке, добыче и транспортировке природного газа). Перспективы взаимовыгодного сотрудничества имеет и неэнергетический сектор особенно благоприятные условия являются традиционных экспортных товаров Украины: продукции черной металлургии и продовольствия. Значительный потенциал для наращивания экспорта услуг Украины имеет рынок информационных услуг Туркменистана [105, с. 112]. Итак, государства обоюдно заинтересованы в развитии двусторонних торгово-экономических отношений [148].

В целом, необходимо отметить, что внешняя политика Туркменистана является уникальным случаем преодоления постимперской зависимости путем добровольной самоизоляции. Такая крайняя форма внешнеполитической ориентации представляет собой единственную возможность обеспечить создание и сохранение благоприятных внешних условий для консолидации. [155, с. 168]. Сегодня Туркменистан имеет международный авторитет среди стран мира благодаря успешно реализуемой под руководством лидера нации Г.М. Берdimухамедова, взвешенной внутренней и внешней политике страны. Поистине братские отношения установлены с сопредельными странами-Узбекистаном, Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, Азербайджаном, Российской Федерацией, Ираном, Афганистаном. Об этом свидетельствуют ежегодные регулярные встречи глав государств, а также, динамика роста

торгово-экономических отношении, культурно-гуманитарных связей. Туркменистан придает большое значение дальнейшему укреплению традиционно дружественных отношений с Китаем. Благодаря многоплановому потенциалу партнерства, что отвечает обоюдным интересам сторон, неизменной доброй воле туркмено-китайского взаимодействия, сегодня успешно развиваются связи наполняясь новым конкретным содержанием.

Как неоспоримый результат стабильности и благополучия мы можем уверенно констатировать экономический рост Туркменистана за годы Независимости. Всемирный банк в октябре 2012 г. присвоил Туркменистану статус страны с доходами выше среднего уровня – Upper Middle Income Country Status – на основании данных о стабильно высоком росте экономики на протяжении более 10 лет. По прогнозам того же банка рост экономики в 2015 г. ожидается 11,5%, которое является самым высоким в регионе.

Параллельно с ростом экономики и улучшением благосостояния населения, Туркменистан приступил к Конституционным реформам. В своем выступлении на первом заседании Конституционной комиссии в сентябре 2014 г. Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов отметил: «Мы совершенствуем наш Основной Закон в целях кардинального реформирования всех сфер государства и общества, дальнейшего процветания суверенной Отчизны и уверенного, стремительного, как бег скакуна, продвижения вперед». Новые нормы этого законопроекта «должны отражать политические, экономические и социальные задачи не только сегодняшнего дня, но и с учетом долгосрочной перспективы». Качественное совершенствование Основного Закона – Конституции Туркменистана в условиях перехода на новый уровень развития должно обеспечить проведение очередных последовательных и системных преобразований в социально-экономической и общественно-политической жизни страны. Таким образом, задачи, заложенные в Конституции 1992 г., и с учетом последующих конституционных реформ, на сегодняшний день успешно выполнены. В стране были осуществлены кардинальные преобразования в социально-экономической и общественно-

политической жизни. Успешно реализуются проекты исторической значимости, последовательно наращивается экономическая мощь страны, улучшаются бытовые условия народа, повышается социальная защищенность.

Действительно, начиная с 2007 г. наблюдаются определенные изменения во внешней политике, отражающие меняющиеся условия развития мирового сообщества. Глобализация и регионализация мировой политики все активнее вовлекают Туркменистан в деятельность межгосударственных институтов. Расширились контакты Туркменистана с другими государствами [42, с. 4].

В свете высокого конфликтного потенциала в регионе приоритетом для Туркменистана остается сохранение своего нейтрального статуса. С момента прихода к власти президент Г. Берdimухаммедов неоднократно заявлял о продолжении этого курса. По мнению многих экспертов, идея нейтралитета для страны, зажатой в геополитический угол, во многом весьма благотворна.[2, с. 164]. Таким образом, альтернативы декларируемому нейтралитету на сегодняшний день нет, так как это единственная возможность сохранить государственность и мир в условиях повышенного интереса крупных мировых лидеров к энергоресурсам Туркменистана.

Многообразие тематических выставок, конференций, семинаров, политических и бизнес-встреч, культурных акций и других важных мероприятий международного плана, стала иллюстрацией активной деятельности министерств и ведомств по претворению в жизнь проводимой Президентом Г.М. Берdimухаммедовым политики «открытых дверей» и заинтересованного сотрудничества в интересах мира и благополучия на всей планете. Нацеленность и Украины и Туркменистана на полномасштабную реализацию комплексной стратегии внутреннего развития, которая неразрывно связана с конструктивной внешней политикой, ориентирует правительства стран на международное сотрудничество во имя всеобщего развития.

Исследование проблем сотрудничества Украины с Туркменистаном позволяет определить новые горизонты политико-идеологического развития современного мира. В перспективе привлечение Украинского государства в

процесс формирования новой структуры евразийского геополитического пространства, внесения новых форм и ценностных ориентаций должно способствовать утверждению гуманистической парадигмы современной международной политики. Социальное, экономическое, культурное сотрудничество Украины со странами Центральной Азии должно рассматриваться как проявление диалектики общего и особенного в ее внешнеполитических отношениях вообще и при формировании и реализации стратегии и перспектив такого развития системы международных отношений.

Выводы к четвертому разделу

Рассмотрев особенности и направления изменений внешней политики Туркменистана в контексте утверждения новой идеологии международных отношений можно сделать следующие выводы.

Каждое государство воспринимает основные направления изменений идейных основ международных отношений со свойственными ему геополитическими, историческими и культурными особенностями. Не является исключением и такое государство, как Туркменистан, внешняя политика которого является уникальным случаем, единственной возможностью обеспечить создание и сохранение благоприятных внешних условий для консолидации. Туркменистан активно вовлекается в деятельность межгосударственных институтов (ООН, СНГ, ОЭС, ОБСЕ, и др.), контакты с другими государствами на двухсторонней и многосторонней основе. Вместе с тем для Туркменистана характерны собственное видение мирозначимых событий, самостоятельность и оригинальность их оценок, а также неизменность курса на достижение международной и региональной безопасности.

Независимый Туркменистан переживает одновременно модернизацию политической системы, институциональные, рыночные преобразования, духовные и психологические изменения людей. Туркменское общество есть в достаточной степени традиционным. Высокая степень урбанизации, развитие

газовой, строительной, текстильной отраслей способствует пути укрепления государственности, утверждения международного статуса, развития демократии, решения гуманитарных проблем. Существенными преимуществами республики есть ресурсы газа и нефти, стратегическое геополитическое местонахождение. Они в определенной мере позволяют налаживать прагматические, рационально обоснованные контакты с другими государствами, а также открывают новые возможности культурного и цивилизационного роста.

Внешняя политика и дипломатия Туркменистана, основываясь на статусе постоянного нейтралитета, придерживается общепризнанных норм международного права, принципов равноправия и взаимного уважения, добрососедства и сотрудничества между участниками системы современных международных отношений. Стратегическое осмысление и комплексный анализ современных тенденций, творческое переосмысление базовых позиций и долгосрочных интересов Туркменистана в современной международной системе координат ориентирует на дальнейшее интегрирование в глобальные процессы мирового развития. В то же время Туркменистан остается неотъемлемой частью Центральной Азии, единого геополитического пространства, которое имеет родственные связи, общее прошлое, близкую культуру, а также общие угрозы безопасности (религиозный экстремизм, терроризм и т.д.). В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что сам факт ухода Туркменистана из единого, естественного геополитического пространства уже является фактором угрозы региональной безопасности. В свете высокого конфликтного потенциала в регионе приоритетом для Туркменистана остается сохранение своего нейтрального статуса. По мнению многих экспертов, идея нейтралитета для страны, зажатой в геополитический угол, во многом весьма благотворна. Она позволяет сохранить государственность и мир в условиях повышенного интереса крупных мировых лидеров к энергоресурсам Туркменистана.

ВЫВОДЫ

Важнейшую роль в понимании идеологических основ международных отношений в наше время играют принципы цивилизационного, ценностного, гуманистического и антропоцентрического подходов. Продолжая научные дискуссии о значении национальных идеалов, человеческих переживаний, интересов, опыта в современной системе международных отношений, их возможности согласовываться с реалиями и вызовами глобализации, политическими и экономическими противоречиями, важно изучать не только институты или отношения, но и качества, ценности, ориентации, культурные и поведенческие феномены на мировой арене. Среди важнейших требований к выбору концептуальных и методологических подходов – способность выявления закономерностей, характеристик, тенденций и перспектив международной политики в условиях динамического политико-культурного развития, ценностного плюрализма, глобализации, информационной революции. Идеологические основы международных отношений, ценности «свободы», «равенства», «справедливости», «демократии», «солидарности» и пр. невозможно количественно выразить, они нуждаются в качественных (аксиоматических, идейных, моральных) критериях анализа. Важно проследить, как духовный мир человека объективируется в политических ценностях разного уровня (локального и глобального), раскрыть новые возможности для понимания поведения субъектов политики в международном пространстве. Особенность современного состояния международной системы в том, что она абсорбирует разнообразие социально-политической жизни обществ. Идеология международных отношений, как и само понятие «международные отношения», приобретает многоплановый, многопрофильный, многовалентный характер, становясь менее однозначно ориентированной.

Понимание изменений идеологии международных отношений видится неполным без раскрытия проблемы преобладающих интересов, потребностей субъектов и объектов таких отношений. Международные отношения – это

отношения между государствами и негосударственными субъектами по поводу самых разнообразных сторон развития социума: сотрудничества или противоборства, взаимопонимания или взаимного неприятия, совместных интересов или расходящихся ценностных ориентиров. Национальное государство в новых исторических условиях уступает часть политической инициативы гражданскому обществу, новым субъектам (неправительственным организациям, транснациональным корпорациям, внутригосударственным регионам и т.д.). В то же время, национальные интересы охватывают весь спектр жизнедеятельности нации как политического субъекта, субъекта государства и международных отношений, субъекта мировой истории. Их противоречивый характер часто связан и с уточнением содержания понятий «нация», «идеология», «демократизация» и др.

Современные общественно-политические реалии показали, что идеологии не только не теряют своего значения, но реанимируются, модернизируются и представляют собой определенную систему ценностей, идей, влияющих как на систему политического знания, так и на перспективы мирового развития. Если международные отношения периода «холодной войны» как масштабного в истории человечества международного противоборства выстраивались под руководством философии недоверия и конфронтации, то эпоха глобализации требует новой идеологии международных отношений. С другой стороны, именно возрождение ориентаций и принципов «холодной войны» в наши дни обязывает мировое сообщество пересмотреть свое отношения к современным политико-культурным вызовам.

Важными вызовами обновления идеологических принципов международных отношений названо глобализацию и информационную революции – реальные изменения в обмене технологиями, информацией, духовными ценностями, развития межкультурной коммуникации и др. В последние десятилетия эти понятия привлечено к различным дискурсам. С одной стороны, глобализация расширяет масштабы интеграционной и коммуникативного действия, с другой – усиливает дезинтеграцию и

фрагментацию государств, активизирует процессы этнического национализма, сепаратизма, экстремизма. Неоднозначность процесса глобализации влияет на ценностную основу современной жизни: от взаимообогащения к вытеснению ряда идеологических конструкций прошлого, усиление конфликтов и нестабильности мирового процесса.

Отмечены существенные изменения в расстановке геополитических сил в мире, что необходимо принимать с позиций концептуального анализа цивилизационных и интеллектуальных трансформаций. Происходящее взаимодействие различных частей мирового целого сменяет военный баланс на новый, в котором взаимоперекрещиваются сферы интересов, различные уровни гегемонии, национальных и транснациональных компонентов и т.д. Особое значение приобретают информационные технологии в международных отношениях, что наряду со своими преимуществами формируют и ряд опасностей (разграничение стран и усиление бедности; уязвимость общества к террористическим атакам; спорный контроль над потоками информации; манипуляция медиа и общественным мнением; десоверенизация в культурно-информационной сфере и т.д.). Выделяются основные черты современного мышления в международных отношениях: приоритет выживания человечества и общечеловеческих ценностей в мировой политике в противовес классовым, корпоративным, национальным, религиозным, групповым; идея равной безопасности для всех людей, а не отдельных государств или блоков; идея взаимосвязанного и ненасильственного мира, в котором невозможна изоляция отдельного государства без огромных потерь для нее; уважение к праву каждой страны на выбор своего внутреннего и внешнего курса. Новые идеологические основы международных отношений должны учитывать социокультурное, цивилизационное многообразие, избегать его политизации, односторонней идеологизации, ориентироваться на обеспечение гражданских прав, развитие демократических ценностей и международной солидарности, защиту культурно-исторического наследия.

На современном этапе формирования новой идеологии международных отношений демократия рассматривается как её основной источник и ключевая предпосылка, включающая идеи глобального гуманизма и коллективной безопасности. Именно с демократизацией системы международных отношений связываются перспективы дальнейшего развития человеческой цивилизации в условиях глобализационных рисков. Проведенное исследование выявило тесную взаимосвязь гуманизма и демократии как идеологических основ современных международных отношений. Расширение и укрепление поля демократического сосуществования государств создаёт возможности для реализации целей гуманизации глобального развития. Гуманизм как мировоззрение уважения к человеку и его правам превращается в реальный механизм реализации демократии, выхода из конфликтных и кризисных ситуаций в международных отношениях.

Отмечена возрастающая роль диалога культур, цивилизаций, государств, народов как объективной предпосылки демократизации и гуманизации международных отношений. Его специфика заключается во взаимообогащении опыта разных культур, сближении различных точек зрения и выработке общих правил игры. Разрешение основных противоречий современной мировой политики во многом зависит от успешного реформирования традиционных международных институтов, внедрения новых форм международного сотрудничества, основанных на принципах верховенства прав человека, толерантности, гуманизма и взаимопонимания. Особое значение приобретают гражданская и публичная дипломатия. Имплементация современных идеологических основ международных отношений включает привлечения новых типов акторов, мирового гражданского общества. Неправительственные организации составляют ядро демократической системы международных отношений, способствуют расширению пространства демократических ценностей и процедур, свобод и прав человека, координации усилий международного сообщества в поиске эффективных, нестандартных решений актуальных проблем цивилизационного развития.

Анализ исторических, демографических, территориальных, государственных особенностей развития Туркменистана, позволил утвердиться в мысли о том, что конкуренция и взаимодействие разных регионов, культур и цивилизаций сопровождаются как сотрудничеством, так и разнообразием идеологий. В современном Туркменистане отчетливо прослеживается стремление к ценностному балансированию, межцивилизационному взаимопониманию, оптимальному развитию международных отношений на основании взаимовыгодных, рациональных, прагматических ориентиров. Относительная закрытость, иерархичность, одновременная лимитрофность и традиционализм общественно-политического строя уравновешены самодостаточной экономической и институциональной инфраструктурой. Обустройство единого социокультурного пространства, постоянные поиски общегражданской самоидентификации, усилия, направлены на развитие демократической политической культуры, правового сознания населения, призваны в ближайшей перспективе не только интегрировать разные этносы, религии, образы жизни, ценности внутри государства, но и сблизить туркменские национальные интересы с мировыми гуманистическими и демократическими ориентирами.

Внешняя политика Туркменистана является своеобразным случаем преодоления постимперской зависимости путем добровольной самоизоляции, что предоставляет возможность обеспечить создание и сохранение благоприятных внешних условий для сотрудничества, консолидации общества, устойчивости правящего режима. Процессы демократизации, глобализации, транснационализации, регионализации мировой политики вовлекают Туркменистан в деятельность межгосударственных институтов, активные отношения с другими государствами. Для страны характерны собственное видение мирозначимых событий, самостоятельность и оригинальность их оценок, а также неизменность курса на достижение международной и региональной безопасности. В свете высокого конфликтного потенциала в регионе приоритетом остается сохранение нейтрального статуса. По мнению

многих экспертов, идея нейтралитета для страны весьма благотворна и позволяет сохранить государственность и мир в условиях повышенного интереса крупных мировых лидеров к энергоресурсам Туркменистана.

Демократия как источник формирования новой идеологии международных отношений предполагает развитие между Украиной и Туркменистаном как традиционных, так и инновационных форм международного сотрудничества, что важно для дальнейших поисков экспертов, ученых, политиков, дипломатов всего мира. Обновленная идеология международных отношений должна отличаться гибкостью, открытостью, вариативностью, способностью реагировать на новые вызовы и нестандартные проблемы, и главное – уважением прав и свобод человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абакаров О. Г. Проблема «национального интереса» в политологии [Электронный ресурс] / О. Г. Абакаров // Лезгинский исторический портал. — Режим доступа : <http://alpan365.ru/problema-nacionalnogo-interesa-v-politologii/>. — Название с экрана.
2. Абдрахманов А. Туркменистан : изменения конструкции государственной власти и политики [Текст] / А. Абдрахманов // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 3 (51). — С. 154 – 166.
3. Адамович С. В. Роль государства в мировой политике [Электронный ресурс] / С. В. Адамович // Социосфера. — 2012. — № 4. — Режим доступа : http://psyjournals.ru/files/56776/sociosfera_n4_2012_Adamovich.pdf. — Название с экрана.
4. Азроянц Э. Глобализация : катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции [Текст] / Э. Азроянц. — М. : Издательский дом «Новый век», 2002. — 416 с.
5. Айтаков С. Конституция абсурда [Электронный ресурс] / С. Айтаков // Оазис. — 2011. — № 17. — С. 7. — Режим доступа : <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1316069580>. — Название с экрана.
6. Алексеева Т. Насилие и демократия в политике США [Электронный ресурс] / Т. Алексеева // Международные процессы. — 2008. — Т. 6. — № 2 (17). — Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/seventeenth/004.htm>. — Название с экрана.
7. Алексеєнко І. В. Трансформація інституту національної держави в умовах глобалізації [Текст] : автореф. дис... д-ра політ. наук : 23.00.02 / Ірина Вікторівна Алексеєнко; НАН України, Інститут держави і права ім. В. М. Корецького. — К., 2006. — 32 с.
8. Ананьева Т. Н. Сервис как социальный институт [Текст] / Т. Н. Ананьева, И. В. Горохова // «Сервис plus», научный журнал. — 2009. — №1. — С. 4 – 9.

9. Андреев В. Г. Холодная война : политический феномен, бескровно изменивший мир [Электронный ресурс] / В. Г. Андреев. — Режим доступа : <http://sbiblio.com/biblio/archive/andreev/>. — Название с экрана.

10. Андреева Е. В. Характеристика системы международной безопасности в период Холодной войны [Текст] / Е. В. Андреева // Молодой ученый. — 2011. — № 5. — Т. 2. — С. 70 – 72.

11. Андрущенко В. П. Світанок Європи : пробл. формування нового учителя для об'єднаної Європи ХХІ ст. [Текст] : [монографія] / Віктор Андрущенко. — К. : Знання України, 2012. — 1099 с.

12. Андрущенко В. П. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть : Досвід соціально-філософського аналізу [Текст] / В. П. Андрущенко. — К. : ТОВ «Атлант ЮЕмСі», 2005. — 498 с.

13. Андрущенко Т. В. Ціннісний дискурс цивілізацій [Текст] / Т. В. Андрущенко. — К. : Університет «Україна», 2011. — 440 с.

14. Анилионис Г. П. Глобальный мир : единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации [Текст]: [монография] / Г. П. Анилионис, Н. А. Зотова. — М. : Международные отношения, 2005. — 676 с.

15. Арндт Х. Истоки тоталитаризма [Текст] / Ханна Арндт ; [под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова]. — М. : ЦентрКом, 1996. — 672 с.

16. Бабкіна О. В. Нова філософія політики в множинності сучасного світу [Текст] / О. В. Бабкіна // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 22. Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін [Відп. ред. О. В. Бабкіна]. — Випуск 6. — К., 2011. — С. 5 – 11.

17. Бабкіна О. В. Особливості політичної трансформації на постсоціалістичному просторі : підходи до осмислення [Текст] / О. В. Бабкіна // Нова парадигма : Трансформація політичних систем на постсоціалістичного просторі : Матеріали міжнар. науково-теоретичної конференції : 8-9 лютого 2006 р. [Укл. : Г. О. Нестеренко ; Редакція : В. П. Бех]. — К., 2006. — С. 8 – 16.

18. Бабкіна О. В. Деякі методологічні проблеми аналізу політичних трансформацій та політичного розвитку [Текст] / О. В. Бабкіна // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 22. Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін [Відп. ред. О. В. Бабкіна]. — Випуск 11. — К., 2013. — С. 3 – 10.

19. Бадах Ю. Г. «Холодна віна». Загальний огляд (1946–1991 рр.) [Текст] / Ю. Г. Бадах // Холодна війна : історія та уроки. 1946 – 1991 рр.» : матеріали Міжнародної наукової військово-історичної конференції (4 – 5 жовтня 2012 р. м. Севастополь). — К., 2012. — С. 9 – 18.

20. Бадрак В. Стратегічні партнери України у військово-технічному співробітництві [Електронний ресурс] / В. Бадрак // Національний інститут стратегічних досліджень. — Режим доступу : <http://old.niss.gov.ua/cacds/resu/1020a.html>. — Назва з екрану.

21. Барабанов О. Глобальное управление как тема для научного анализа [Текст] / О. Барабанов // Антиглобализм и глобальное управление : Доклады, дискуссии справочные материалы. — М. : МГИМО (У) МИД России, 2006. — С. 12 – 32.

22. Бараннік В. О. Аналіз паливно-енергетичного балансу країни з точки зору енергетичної незалежності [Текст] / В. О. Бараннік // Стратегічна панорама. — 2004. — № 3. — С. 116 – 123.

23. Баталов Э. Предмет философии международных отношений [Электронный ресурс] / Э. Баталов // Международные процессы. — 2004. — Том 2. — № 1 (4). — Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/four/001.htm>.

24. Баталов Э. Я. О философии международных отношений [Текст] / Э. Я. Баталов. — М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. — 132 с.

25. Баталов Э. Я. Человек, мир, политика [Текст] / Э. Я. Баталов. — М. : Научно-образовательный форум по междунар. отношениям, 2008. — 330 с.

26. Бахтыев Р. Туркменистан в сфере международных интересов [Текст] / Р. Бахтыев // Наукові записки Ін-ту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. — 2010. — № 4 (48). — С. 469 – 478.

27. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию [Текст] / Ульрих Бек ; [пер. с нем. А. Григорьев, В. Седелник]. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.

28. Беляев А. Украина и газовые отношения с постниязовской Туркменией [Электронный ресурс] / А. Беляев // Эско : Электронный журнал энергосберегающей компании «Экологические системы». — 2007. — № 1. — Режим доступа : <http://www.esco-ecosys.ru>. — Название с экрана.

29. Бжежинский Зб. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) [Текст] / Збигнев Бжежинский ; [пер. с англ. О. Ю. Уральской]. — М. : Междунар. отношения, 1998. — 256 с.

30. Біденко Ю. М. Перспективи участі України в міжнародних організаціях : внутрішньо ідеологічні детермінанти [Текст] / Ю. М. Біденко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна «Питання політології». — Харків, 2008. — № 810. — С. 54 – 60.

31. Білорус О. Г. Глобальні трансформації і стратегії розвитку [Текст] : [монографія] / О. Г. Білорус, Д. Г. Лук'яненко та ін. ; НАН України. Ін-т світ. економіки і міжнар. відносин. — К., 1998. — 416 с.

32. Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации : контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка [Текст] : [монографія] / А. С. Блинов. — М. : МАКС Пресс, 2003. — 149 с.

33. Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе [Электронный ресурс] / Алексей Богатуров // Международные процессы. — 2004. — Том 2. — № 1 (4). — Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/four/002.htm>. — Название с экрана.

34. Бойко Ю. П. Право и политика государств в современном мире [Текст] : [монография] / Ю. П. Бойко, Э. Л. Садыкова. — М. : ООО «ИПЦ Маска», 2009. — 360 с.

35. Борисенков А. А. О некоторых особенностях внешней политики [Электронный ресурс] / А. А. Борисенков // *НВ: Проблемы общества и политики*. — 2012. — № 1. — Режим доступа : http://www.e-notabene.ru/pr/article_156.html. — Название с экрана.

36. Борисенков А. А. Понятие политики [Текст] / А. А. Борисенков // *Философия и культура*. — 2012. — № 10 (58). — С. 95 – 103.

37. Боровский А. Украинско-российские отношения в зеркале общественного мнения [Электронный ресурс] / А. Боровский // *R&V Group*. — Режим доступа : <http://www.rb.com.ua/rus/analytics/politics/7394/>.

38. Бульбенюк С. С. Особливості владно-управлінського дискурсу в інформаційну епоху [Текст] / С. С. Бульбеюк // *Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 22. Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін [Відп. ред. О. В. Бабкіна]*. — Вип. 14. — К., 2014. — С. 66 – 70.

39. Валлерстайн И. Рождение и будущая кончина капиталистической микросистемы : концептуальная основа сравнительного анализа [Текст] / Иммануил Валлерстайн ; [пер. с англ.] // *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. — СПб. : Университетская книга, 2001. — С. 542 – 612.

40. Василенко И. А. Политическая глобалистика : учебное пособие для вузов [Текст] / И. А. Василенко. — М. : Логос, 2000. — 360 с.

41. Ващенко К. О. Експертно-аналітичне забезпечення державної політики [Текст] : [навч.-метод. матеріали] / К. О. Ващенко ; уклад. М. Т. Солоха. — К. : НАДУ, 2013. — 56 с.

42. Вебер А. Б. Неолиберальная глобализация и ее оппоненты [Текст] / А. Б. Вебер // *Полития*. — 2002. — Т. 25. — № 2. — С. 22 – 36.

43. Вебер М. Основные социологические понятия [Текст] / М. Вебер // Избранные произведения ; [пер. с нем., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденок]. — М. : Прогресс, 1999. — С. 602 – 643.

44. Внешняя политика и дипломатия нейтрального Туркменистана (Речи, выступления и интервью Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова) [Текст] / Министерство иностранных дел Туркменистана. — А. : Туркменская государственная издательская служба, 2007. — 255 с.

45. Волянчук О. Я. Суспільна пам'ять і політика : мистецтво можливого [Текст] : [монографія] / О. Я. Волянчук. — К. : ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013. — 172 с.

46. Генеральная Ассамблея ООН. Совет по правам человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.un.org/ru/ga/about/subsidiary/hrc/hrc_groups.shtml. — Название с экрана.

47. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Энтони Гидденс ; [пер. с англ. М. Коробочкин]. — М. : Весь мир, 2004. — 112 с.

48. Глобализация и моделирование социальной динамики [Текст] : [монографія] / под ред. Э. Григорьяна. — М. : Ин-т соц. наук, 2001. — 237 с.

49. Глобалізація і сучасний міжнародний процес [Текст] / за заг. ред. проф. Б. Гуменюка і проф. С. Шергіна. — К. : Університет «Україна», 2009. — 508 с.

50. Головатий М. Ф. Демократія : історія, теорія, практика [Текст] : [навч. посіб.] / М. Ф. Головатий. — К. : ДП «Видавничий дім "Персонал"», 2011. — 228 с.

51. Грицак Ю. П. Оценка экономического и внешнеторгового потенциала Туркменистана [Текст] / Ю. П. Грицак // Вісник Міжнар. Слов'янського ун-ту. — Сер. : Економічні науки. — 2012. — Том XV. — № 2. — С. 145 – 155.

52. Грубов В. М. Ліберальна парадигма в формуванні європейської колективної безпеки ХХІ століття [Текст] : автореф. дис... д-ра політ. наук : 21.01.01 / В. М. Грубов. — К., 2008. — 34 с.

53. Гуцал С. А. Публічна дипломатія як сучасний пріоритет зовнішньої політики [Текст] / С. А. Гуцал // Стратегічні пріоритети. — 2010.— № 3. — С. 106 – 113.

54. Делягин М. Г. Мировой кризис : Общая теория глобализации : Курс лекцій [Текст] / М. Г. Делягин. — [3-е изд., перераб. и доп.]. — М. : ИНФРА-М, 2003. — 786 с.

55. Демидов А. В. Межрегиональные и приграничные связи во внешней политике России [Электронный ресурс] / А. В. Демидов // Право и безопасность. — 2008. — № 4. — Режим доступа : http://dpr.ru/pravo/pravo_25_7.htm. — Название с экрана.

56. Демидова Л. С. Услуги в современной экономике [Текст] : [монографія] / Л. С. Демидова, В. Б. Кондратьев. — М. : ИМЭМО РАН, 2010. — 342 с.

57. Джефферсон Т. Первая инаугурационная речь. 4 марта 1981 г. [Текст] / Т. Джефферсон // Инаугурационные речи Президентов США. — Харьков : Folio, 2009. — 335 с.

58. Джумаев М. Особенности международных торговых отношений Украины и Туркменистана [Текст] / М. Джумаев, А. Баранова // Міжнародно-правове забезпечення стабільності та безпеки суспільства : матер. наук.-теорет. конф. (м. Суми, 25 травня 2013 р.). — Суми : СумДУ, 2013. — С. 23 – 25.

59. Джумаев Т. А. Внешняя политика Туркменистана в 1991 – 2006 гг. [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.15 / Т. А. Джумаев; Санкт-Петербургский гос. ун-т. — Санкт-Петербург, 2013. — 24 с.

60. Джумаев Т. А. Внешняя политика С. А. Ниязова по вопросу правового статуса Каспийского моря [Текст] / Т. А. Джумаев // КЛИО. Журнал для ученых. — № 1 (61). — СПб. : ПОЛТОРАК, 2012. — С. 53 – 56.

61. Диалектика глобализации общественных процессов [Текст] : [монографія] / В. В. Будко, А. Б. Зинчина, Г. Т. Клименко и др. ; под ред. В. В. Будко ; Харьк. нац. акад. гор. хоз-ва. — Х. : ХНАГХ, 2013. — 147 с.

62. Дмитренко М. А. Політичні ідеології як інноваційні технології

консолідації суспільства [Текст] / М. А. Дмитренко // Державна безпека України. — 2011. — № 21. — С 60 – 67.

63. Днепровская И. В. Государственная составляющая в модели комплекса национальных интересов стран [Электронный ресурс] / И. В. Днепровская. — Режим доступа : <http://econ.vsu.ru/downloads/pub/seconomic/8/dneprovskaya.pdf>.

64. Добренёв В. И. Социально-гуманитарные проблемы становления глобального общества [Текст] / В. И. Добренёв // Человек и современный мир. — М. : ИНФРА-М, 2002. — 460 с.

65. Дорошко М. С. Геополітичне середовище та геополітична орієнтація країн СНД [Текст] : [навч. посібн.] / М. С. Дорошко, Н. В. Шпакова. — К. : Центр учбової літератури, 2011. — 202 с.

66. Дугин А. Россия готовится к вооружённому конфликту с Украиной по грузинскому сценарию [Электронный ресурс] / А. Дугин // Корреспондент.net. 11 августа 2009. — Режим доступа : <http://korrespondent.net/ukraine/politics/931625-dugin-rossiya-gotovitsya-k-vooruzhenному-konfliktu-s-ukrainoj-po-gruzinskomu-scenariyu>.

67. Дударьов В. В. Зовнішня політика європейської середньої держави за умов глобалізації (на прикладі Великої Британії, Польщі і України) [Текст] : дис. канд. політ. наук : 23.00.04 / В. В. Дударьов. — К., 2003. — 218 с.

68. Закон України «Про основи національної безпеки України» [Текст] // Урядовий кур'єр. — 2003. — 30 липня.

69. Зиновьева Е. С. Цифровая дипломатия США : возможности и угрозы для международной безопасности [Текст] / Е. С. Зиновьева // Индекс Безопасности. — 2013. — № 1. — С. 213 – 228.

70. Зонова Т. В. Конфликты или консенсус : дипломатия как средство достижения мира [Текст] / Т. В. Зонова // Общественные науки и современность. — 2003. — № 1. — С. 122 – 129.

71. Зонова Т. В. Современная модель дипломатии : истоки становления и перспективы развития [Текст] / Т. В. Зонова. — М. : РОССПЭН, 2003. — 336 с.

72. Зотов Г. 20 лет без СССР. Как живет сегодня Туркмения? [Электронный документ] / Г. Зотов // Аргументы и факты. — 2011. — 26 окт. — Режим доступа : <http://www.aif.ru/society/article/46791>. — Название с экрана.

73. Ильин М. Политическая глобализация : институциональные изменения [Текст] / М. Ильин // Грани глобализации : трудные вопросы современного развития : сб. науч. статей. — М. : Альпина Паблицер, 2003. — С. 193 – 248.

74. Ирхин Ю. В. Политология [Текст] : [учебник для вузов] / Ю. В. Ирхин. — М. : РАГС, РУДН. Изд-во «Экзамен», 2007. — 896 с.

75. Искандаров А. И. Интеграционные процессы в государствах Центральной Азии : на примере Республики Таджикистана и Туркменистана [Текст] : автореф. дис...канд. полит. наук. : 23.00.04 / А. И. Искандаров ; Дипломат. акад. — М., 2002. — 27 с.

76. Калюжная Д. Е. Современные акторы мировой политики и переход к устойчивому развитию [Электронный ресурс] / Д. Е. Калюжная // ВВ : Проблемы общества и политики. — 2013. — № 5. — Режим доступа : http://www.e-notabene.ru/pr/article_664.html. — Название с экрана.

77. Каменев С. Внешняя политика Туркменистана : битва газовой трубы [Электронный ресурс] / С. Каменев // Центральная Азия и Кавказ. — 2002. — № 4. — Режим доступа : <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1033368840>. — Название с экрана.

78. Караев Б. Геополитика нейтралитета : стратегия мира, безопасности и развития в действии [Текст] / Бегенч Караев // Внешняя политика и дипломатия Туркменистана. — 2014. — № 4. — С. 92 – 97.

79. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита [Электронный ресурс] / Т. Карозерс // Политическая наука. — 2003. — № 2. — Режим доступа : <http://www.twirpx.com/file/459761/>. — Название с экрана.

80. Картунов О. В. Минувше і сучасне західного імперіалізму : політологічний аналіз [Текст] / О. В. Картунов // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 22. Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін

[Відп. ред. О. В. Бабкіна]. — Випуск 8. — К., 2012. — С. 5 – 14.

81. Картунов О. В. Інформаційне суспільство : аналіз політичних аспектів зарубіжних концепцій [Текст] : [монографія] / О. В. Картунов, О. О. Маруховський. — К. : Ун-т економіки та права «КРОК», 2012. — 344 с.

82. Кирвель Ч. С. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов [Текст] / Ч. С. Кирвель. — Гродно : Изд-во ГрГУ, 2009. — 547 с.

83. Кириченко В. Національні інтереси (формування) [Текст] / В. Кириченко // Мала енциклопедія етнодержавознавства ; редкол. : Ю. І. Римаренко (відп. ред.) та ін. — К. : Довіра : Генеза, 1996. — С. 118 – 119.

84. Климкин П. Новая веха в истории развития туркмено-украинских дипломатических отношений [Текст] / Павел Климкин // Внешняя политика и дипломатия Туркменистана. — 2014. — № 4. — С. 64 – 66.

85. Козюлин В. Государства Центральной Азии : развитие Вооруженных сил и перспективы военнотехнического сотрудничества с Россией [Текст] / В. Козюлин // Индекс безопасности. — 2007. — № 3 (83). — С. 41 – 60.

86. Коллонтай В. М. Глобализация и 11 сентября [Текст] / В. М. Коллонтай // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2001. — № 6. — С.20 – 27.

87. Колодко Г. В. Глобалізація і перспективи розвитку постсоціалістичних країн [Текст] : [монографія] / Гжегош В. Колодко ; [пер. з польськ.]. — К. : Основні цінності (Серія «Сучасна думка»), 2002. — 248 с.

88. Комеков Т. Б. Туркменистан : стратегия мира и развития – внешнеполитический курс и международные инициативы Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова : во имя мира, безопасности и устойчивого развития [Текст] / Т. Б. Комеков. — Баку : Изд. дом «S.Q.», 2014. — 328 с.

89. Конституция Туркменистана [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/turqmenistan.pdf>. — Название с экрана.

90. Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства [Электронный ресурс] // Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, Центр ОБСЕ в Туркменистане. — Режим доступа : http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=9356. — Название с экрана.

91. Корнієвський О. А. Громадські об'єднання у системі національної безпеки держави [Текст] : [монографія] / О. А. Корнієвський. — К. : Альтерпрес, 2010. — 396с.

92. Косолапов Н. А. Идеология устойчивого развития и международные отношения [Текст] / Н. А. Косолапов // Дипломатический ежегодник : сб. статей. — М. : МГИМО, 2001. — С. 27 – 51.

93. Косолапов Н. А. Сила, насилие, безопасность : современная диалектика взаимосвязей [Текст] / Н. А. Косолапов, А. Д. Богатуров, М. А. Хрусталева // Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. — М. : НОФМО, 2002. — С. 190 – 206.

94. Костин А. И. Глобальные проблемы и политические аспекты глобализации [Текст] / А. И. Костин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». — М., 2001. — № 3. — С. 20 – 27.

95. Крауч К. Постдемократия [Текст] / К. Крауч. — М. : Изд. дом Гос. ун-та. Высшей школы экономики, 2010. — 192 с.

96. Кремень В., Ткаченко В. Україна : шлях до себе [Текст] / В. Кремень, В. Ткаченко. — К. : Видавничий центр «ДрУК», 1998. — 446 с.

97. Кремень В. Освіта і наука в Україні – інноваційні аспекти. Стратегія. Реалізація. Результати [Текст] / В. Кремень. — К. : Грамота, 2005. — 448 с.

98. Кримський С., Павленко Ю. Цивілізаційний розвиток людства [Текст] / С. Кримський, Ю. Павленко. — К. : Вид-во «Фенікс», 2007. — 316 с.

99. Кудишина А. А. Гуманизм – феномен современной культуры [Текст] / А. А. Кудишина. — М. : Академический проект, 2005. — 504 с.

100. Кузык Б. Н. Цивилизации : теория, история, диалог, будущее : в 2-х томах [Электронный ресурс] / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. — М., 2006. — Том I. — Режим доступа : <http://www.rus-lib.ru/book/1tom/1.pdf>. — Название с экрана.

101. Кулагин В. Глобальная или мировая безопасность? [Электронный ресурс] / В. Кулагин // Международные процессы. — 2007. — Т.5. — № 2 (14). — Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/fourteen/004.htm>. — Название с экрана.

102. Кулиев А. Два года в правительстве и тринадцать лет в оппозиции [Текст] / Авды Овезкулиевич Кулиев. — М., 2006. — 168 с.

103. Культура. Ідеологія. Особистість : методолого-світогляд. аналіз [Текст] / Л. Губернський, В. Андрущенко, М. Михальченко. — К. : Знання України, 2002. — 580 с.

104. Кутейников А. Демократизация в приоритетах международных организаций [Электронный ресурс] / А. Кутейников // Международные процессы. — 2010. — Т. 10. — №1 (28). — Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/twenty-eight/07.html>. — Название с экрана.

105. Куцька О. Пропагандистське протистояння СРСР та США в період «холодної війни» [Текст] / О. Куцька, В. Бєспєка // Холодна війна : історія та уроки. 1946 – 1991 рр. : матеріали Міжнародної наукової військово-історичної конференції (4 – 5 жовтня 2012 р., м. Севастополь). — К., 2012. — С. 100 – 104.

106. Лагутина М. В. Мировая политика как инструмент управления новой системой международных отношений [Текст] / М. В. Лагутина // Вестник международных организаций. — 2011. — № 1. — С. 29 – 40.

107. Ладиченко В. В. Гуманістичні основи організації державної влади [Текст] / В. В. Ладиченко. — К. : Київ. нац. торг.-екон. ун-т, 2007. — 407 с.

108. Ланцов С. А. Проблемы безопасности в теории международных отношений : сравнительный анализ основных направлений [Электронный ресурс] / С. А. Ланцов, Ф. И. Усмонов // Политэкс. — Режим доступа : <http://www.politex.info/content/view/437/30/>. — Название с экрана.

109. Лебедева М. М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира [Текст] / М. М. Лебедева // Космополис. — 2003. — №1 (3). — С. 28 – 39.

110. Лебедева М. М. Мировая политика : учебник для вузов [Текст] / М. М. Лебедева. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М. : Аспект Пресс, 2007. — 365 с.
111. Лобер В. Л. Международные отношения : понятие, структура, историческая логика развития [Электронный ресурс] / В. Л. Лобер. — Режим доступа : <http://www.xserver.ru/user/mopsi/>. — Название с экрана.
112. Ляшенко Т. М. Трансформація політичних систем в країнах Центральної Азії : національний та регіональний аспекти [Текст] / Т. М. Ляшенко. — К. : ІПІЕНД, 2011. — 288 с.
113. Мадатов А. С. Демократизация [Текст] / А. С. Мадатов // Глобалистика : Энциклопедия ; гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр науч. и приклад. программ «Диалог». — М. : Диалог, 2003. — С. 294 – 296.
114. Мадіссон В. В. Сучасна українська геополітика [Текст] / В. В. Мадіссон, В. А. Шахов. — К. : Либідь, 2003. — 176 с.
115. Майборода О. Національний інтерес [Текст] / О. Майборода, В. Кириченко, Ю. Римаренко // Мала енциклопедія етнодержавознавства ; Ю. І. Римаренко (відп. ред.) та ін. — К. : Довіра : Генеза, 1996. — С. 108 – 111.
116. Майко В. Украина технически уже через два года сможет качать туркменский газ в обход Газпрома — МИД [Электронный ресурс] / В. Майко // Корреспондент.biz. — 4 ноября 2013. — Режим доступа : <http://korrespondent.net/business/companies/3203583-ukrayna-tekhnychesky-uzhe-cherez-dva-hoda-smozhet-kachat-turkmenskyi-haz-v-obkhod-hazproma-myd>. — Название с экрана.
117. Максименко В. Глобализация как идеология [Текст] / В. Максименко // Proetcontra. — 1999. — № 4 — С. 95 – 114.
118. Малашенко А. Туркмения : была ли оттепель? [Электронный ресурс] / А. Малашенко // Брифинг : московский центр Карнеги. — 2012. — Вып. 4. — Т. 14. — Режим доступа : <http://carnegie.ru/publications/?fa=49149>.
119. Мальський М. З. Теорія міжнародних відносин [Текст] : [підручник] / М. З. Мальський, М. М. Мацях. — [2-е вид., перероблене і доп.]. — К. : Кобза, 2003. — 528 с.

120. Манойло А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны [Текст] / А. В. Манойло [и др.]. — М. : Горячая линия-Телеком, 2007. — 542 с.

121. Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление [Текст] / А. Мартинелли // Социологические исследования. — 2003. — № 1. — С. 16 – 28.

122. Мартинелли А. От мировой системы к мировому обществу? [Текст] / А. Мартинелли // Социологические исследования. — 2009. — № 1. — С. 5 – 15.

123. Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгресса. Часть II) [Текст] / А. Мартинелли // Социологические исследования. — 2003. — № 1. — С. 3 – 14.

124. Маслова А. Н. Процессы глобализации с социологической точки зрения : определения и концепции [Текст] / Маслова А. Н. // Актуальные проблемы экономической социологии : [сборник научных трудов]. — М. : Университетская книга, 2008. — Вып. № 9. — С. 146 – 153.

125. Медведева Т. И. Гражданская (народная) дипломатия и ее роль в российско-японском политическом диалоге [Текст] : автореф. дис. ... канд. полит.наук : спец. 23.00.04 / Т. И. Медведева. — М., 2007. — 24 с.

126. Медведева Т. И. Основные методы и формы гражданской дипломатии в современном политическом процессе [Текст] / Т. И. Медведева // Власть. — 2007. — № 4. — С. 71 – 74.

127. Международное сотрудничество [Текст] // Политология: Энциклопедический словарь / Общ.ред. Ю.И. Аверьянов. — М. : Изд-во Моск. коммерч. ун-та., 1993. — С. 172 – 173.

128. Михальченко Н. Украинская региональная цивилизация : прошлое, настоящее, будущее [Текст]: [монография] / Н. Михальченко. — К. : ИПиЭНИ имени И. Ф. Кураса НАН Украины, 2013. — 340 с.

129. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ [Текст] / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. — 1995. — № 1. — С. 3 – 30.

130. Нагорна Л. П. Соціокультурна ідентичність : пастки ціннісних розмежувань [Текст] / Л. П. Нагорна. — К., ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2011. — 272 с.

131. Наджафов Д. Г. К вопросу о генезисе Холодной войны [Электронный ресурс] / Д. Г. Наджафов // Холодная война. 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива. — М. : Олма-пресс, 2003. — Режим доступа : http://allconspirology.org/books/Kollektiv-avtorov_KHolodnaya-voyna--1945-1963-gg--Istoricheskaya-retrospektiva/3. — Название с экрана.

132. Най Дж. Новая публичная дипломатия [Электронный ресурс] / Дж. Най // День. — 2010. — № 28. — Режим доступа : <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planetu/novaya-publichnaya-diplomatiya>. — Название с экрана.

133. Нартов Н. А. Геополитика [Электронный ресурс] : учебник для студентов / Н. А. Нартов, В. Н. Нартов. — М. : ЮНИТИ-ДАНА : Единство, 2007. — 527 с.

134. Неклесса А. Внешняя политика нового мира : движение к нестационарной системе мировых связей [Текст] / А. Неклесса // Pro et Contra. — 2002. — Т. 7. — № 4. — С. 7 – 25.

135. Неклесса А. И. Ordo quadro – четвертый порядок : пришествие постсовременного мира [Текст] / А. И. Неклесса // Полис. — 2000. — № 6. — С. 6 – 23.

136. Никитина Ю. А. Международные отношения и мировая политика : Введение в специальность [Текст] / Ю. А. Никитина. — М. : Аспект Пресс, 2012. — 151 с.

137. Ниязов С. Туркмены – Туркменистан, мир : тысячелетия и XXI век, связь времен и цивилизаций. К открытию Ассамблеи Тысячелетия ООН [Текст] / С. Ниязов. — Ашхабад : Рух, 2000. — 44 с.

138. Новакова О. В. Роль неурядових міжнародних організацій в реалізації концепції сталого розвитку [Текст] / О. В. Новакова // Політологічні записки : Збірник наукових праць. — Луганськ, 2013. — Вип.7. — С. 19 – 31.

139. Новик И. П. Гуманизм – Демократия – Глобализм [Текст] / И. П. Новик // *Общественные науки и современность*. — 1992. — №5. — С. 155 – 162.
140. Оборотов Ю. Н. Традиции и обновления в правовой сфере [Текст] / Ю. Н. Оборотов. — Одесса : «Юридическая литература», 2002. — 278 с.
141. ОБСЕ. Заключительный акт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.osce.org/documents/mcs/1975/08/4044_ru.pdf. — Название с экрана.
142. Определенность и распределенность [Текст] // *Философская энциклопедия* : [в 5-ти томах]. ; гл. ред. Ф. В. Константинов. — М. : Мысль, 1967. — Т. 4. — С. 154 – 155.
143. Особистість у дискурсі саморозгортання інформаційної цивілізації [Текст] : [монографія] ; редкол : В. П. Бех (голова), Г. О. Нестеренко. — К. : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2012. — 786 с.
144. Остапенко М. А. Політичний плюралізм : нестабільність демократії та пошуки соціальної рівноваги [Текст] : [монографія] / М. А. Остапенко. — К. : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2013. — 350 с.
145. Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру [Текст] / А. С. Панарин // *Вестник Российской Академии наук*. — 2004. — Т. 74 — № 7. — С. 619 – 626.
146. Панченко Є. Г. Перспективи двостороннього торговельно-економічного співробітництва між Україною та Туркменістаном [Текст] / Є. Г. Панченко, І. П. Загородний // *Стратегія розвитку України : Економіка, соціологія, право*. — 2013. — № 3. — С. 108 – 113.
147. Подзигун И. М. Глобализация и проблема будущего современной цивилизации [Текст] : [монографія] / И. М. Подзигун. — М. : КМК Scientific Press, 2000. — 216 с.
148. Политология [Текст] : [ученик] / [авт. кол. : А. Ю. Мельвиль и др. ; науч. ред. Т. В. Шмачкова]. — М. : Проспект, 2011. — 618 с.
149. Політико-ідеологічний процес в українському суспільстві в умовах модернізації : порівняльний аналіз [Текст] : [монографія] / За заг. ред.

- Ф. М. Рудича. — К. : ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2013. — 448 с.
150. Політична енциклопедія [Текст] / [Редкол. : Ю. Левенець (голова), Ю. Шаповал та ін.]. — К. : Парламентське видавництво, 2012. — 808 с.
151. Політологічний енциклопедичний словник [Текст] / [упоряд. В. П. Горбатенко]. — [2-ге вид., оновл.]. — К. : Генеза, 2004. — 736 с.
152. Політологія [Текст] : [навч. енцикл. словник довідник для студ. ВНЗ I-IV рівн. акред.] ; за наук. ред. Н. М. Хоми [В. М. Денисенко, О. М. Сорба, Л. Я. Угрин та ін.]. — Львів : «Новий Світ — 2000», 2014. — 779 с.
153. Полтораков О. Ю. Глобальне громадянське суспільство в системі міжнародних відносин [Текст] / О. Ю. Полтораков // Дослідження світової політики. Зб. наук. пр. — К. , 2008. — Вип. 44. — С. 149 – 156.
154. Порівняльна політика. Основні політичні системи сучасного світу [Текст] / [За заг. ред. В. Бакірова, М. Сазонова.] — Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2008. — 576 с.
155. Правовые системы стран мира [Текст] : Энциклопедический справочник / [под ред. А. Я. Сухарева]. — М. : Норма, 2003 — 976 с.
156. Приоритеты внешней политики и дипломатии Туркменистана в действии [Электронный ресурс] // Туркменистан : Золотой век : электронная газета. — 2013. — 19 февр. — Режим доступа : <http://turkmenistan.gov.tm/?id=3370>. — Название с экрана.
157. Проклов И. Экономика Туркменистана : итоги 2010 года [Текст] / И. Проклов // Центральная Азия и Кавказ. — 2011. — Вып. 2. — Т. 14. — С. 203 – 213.
158. Развитие международной инфраструктуры транспортно-транзитных кордонов : новые горизонты плодотворного партнерства [Текст] / Министерство иностранных дел Туркменистана // Внешняя политика и дипломатия Туркменистана. — 2014. — № 4. — С. 58 – 63.
159. Рудаков С. В. Глобализм как феномен и мировоззрение [Текст] / С. В. Рудаков // Экономическая наука современной России. — 1999. — № 1 (5). — С. 124 – 127.

160. Сааданбеков Ж. Сумерки авторитаризма : закат или рассвет? [Текст] / Жумагул Сааданбеков. — К. : Ника-Центр, 2000. — 623 с.

161. Савич В. О. Західні концепції глобалізації кінця ХХ - початку ХХІ століття (історико-теоретичний аналіз) [Текст] : дис. канд. політ. наук : 23.00.01 / Віта Олексіївна Савич. — К., 2012. — 196 с.

162. Савич В. О. Західні концепції глобалізації кінця ХХ – початку ХХІ століття (історико-теоретичний аналіз) [Текст] : автореф. канд. політ. наук : 23.00.01 / Віта Олексіївна Савич. — К., 2012. — 20 с.

163. Садыкова Э. Проблемы межцивилизационного взаимодействия и негосударственные акторы в современных международных отношениях [Текст] / Э. Садыкова // Международная жизнь. — 2012. — № 4. — С. 109–122.

164. Сайт Посольства Туркменистана в Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ambturkm.org.ua>. — Название с экрана.

165. Свилас С. Историография США об эволюции международных отношений после окончания «холодной войны» [Электронный ресурс] / С. Свилас // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2001. — № 4. — Режим доступа : <http://evolutio.info/content/view/461/52/>. — Название с экрана.

166. Серебряников В. В. Социология войны [Текст] / В. В. Серебряников. — М. : «Ось-89», 1998. — 320 с.

167. Сіренко В. Ф. Інтереси і влада [Текст] : [монографія] / В. Ф. Сіренко. — К. : Оріяни, 2006. — 536 с.

168. Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики [Текст] / И. В. Следзевский // Общественные науки и современность. — 2011. — № 2. — С. 141 – 156.

169. Словарь иностранных слов [Текст] / [под ред. В. В. Пчелкина]. — М. : Изд-во Рус. яз., 1989. — 624 с.

170. Смена порядков в международной системе. 1945 — 2003 [Электронный ресурс] // Системная история международных отношений 1918 –

2003. — Т. 3. События. 1945 – 2003 ; [ответственный редактор А. Д. Богатуров]. — Режим доступа : <http://www.obraforum.ru/lib/book3/introduction.htm>.

171. Смирнов Ю. Н. Холодная война как явление ядерного века [Электронный ресурс] / Ю. Н. Смирнов // Холодная война. 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива. — М. : Олма-пресс, 2003. — Режим доступа : http://allconspirology.org/books/Kollektiv-avtorov_KHolodnaya-voyna--1945-1963-gg--Istoricheskaya-retrospektiva/18. — Название с экрана.

172. Снапковский В. Международные организации в системе международных отношений [Электронный ресурс] / В. Снапковский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2000 — № 3. — Режим доступа : <http://evolutio.info/content/view/374/51/>.

173. Современные международные отношения и мировая политика [Текст] / А. В. Торкунов, И. Г. Тюлин, А. В. Мельвиль и др. ; МГИМО (У) МИД России. — М. : Просвещение, 2005. — 991 с.

174. Современные международные отношения [Текст] : [учебник] / [под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина]. — М. : Аспект Пресс, 2012. — 688 с.

175. Соколов В. Н. Нейтрализм : история и традиции [Текст] / В. Н. Соколов, Р. А. Бахтыев // Вісн. СевДТУ. Політологія : зб. наук. пр. — Севастополь : Вид-во СевНТУ, 2008. — Вип. 91. — С. 15 – 20.

176. Соколов В. Н. Туркменистан : история и современность [Текст] / В. Н. Соколов. — О. : Астропринт, 2011. — 288 с.

177. Соколов В. Н. Страна в Каракумах : (Туркменистан : на пути постоянного нейтралитета) [Текст] / В. Н. Соколов. — О. : Одесский Нац. ун-т им. И. И. Мечникова, 2002. — 163 с.

178. Сорокин П. Родовая структура социокультурных явлений [Текст] / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. — М. : Прогресс, 1992. — 478 с.

179. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм [Текст] / Дж. Сорос ; [пер. с англ.]. — М. : Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. — 458 с.

180. Співак В. М. Політико-правовий та соціокультурний виміри

глобалізації [Текст] : [монографія] / Віктор Михайлович Співак. — К. : Логос, 2011. — 416 с.

181. Співак В. М. Політико-правовий та соціокультурний виміри глобалізації [Текст] : автореф. дис. ... д-ра політ. наук : 23.00.02 / В. М. Співак. — К., 2011. — 34 с.

182. Старчак М. США vs Россия в попытке сотрудничества с Туркменистаном в сфере безопасности и обороны [Текст] / М. Старчак // Центральная Азия и Кавказ. — 2009. — № 2 (62). — С. 95 – 103.

183. Степаненко В. П. Глобальное гражданское общество : концептуализации и посткоммунистические вариации [Текст] / В. П. Степаненко // Социология : теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 2. — С. 156 – 175.

184. Страны постсоветского пространства [Текст] : [учеб.-метод. пособие] / [сост. А. В. Петров]. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. — 172 с.

185. Торкунов А. Дефицит демократии и международное сотрудничество [Электронный ресурс] / А. Торкунов // Международные процессы. — 2009. — Т. 7. — № 3 (21). — Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/twenty-first/003.htm>. — Название с экрана.

186. Требин М. Мировое сообщество в борьбе с терроризмом [Текст] / М. Требин // Бизнес Информ. — 2002. — № 11–12. — С. 21 – 28.

187. Трибрат В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю [Электронный ресурс] / В. Трибрат // Международные процессы. — 2005. — Т. 3. — №1 (7). — Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/seventh/014.htm>. — Название с экрана.

188. Троицкий Е. Ф. Центральная Азия в системе международных отношений (1992 – 2009 гг.) [Текст] : автореф. дисс... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Е. Ф. Троицкий; Томский гос. ун-т. — Томск. — 2010. — 43 с.

189. Тураев А. В. Глобальные вызовы человечеству [Текст] / А. В. Тураев. — М. : Логос, 2002. — 192 с.

190. Туркменбаші С. Рухнама [Текст] : [Священна книга] / Сапармурат Туркменбаші. — Суми : Слобожанщина, 2003. — 416 с.

191. Туркменистан : восемь лет независимого развития [Текст] / Национальный ин-т статистики и прогнозирования Туркменистана ; отв.ред. М. А. Атаев. — Ашхабад : [б. и.], 1999. — 231 с.

192. Туроу К. Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир [Текст] / Лестер К. Туроу ; [пер. с англ. общ ред. А. И. Федоров]. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. — 431 с.

193. Українська політична нація : генеза, стан, перспективи [Текст] / [В. С. Крисаченко, М. Т. Степико, О. С. Власюк та ін. ; за ред. В. С. Крисаченка]. — К. : НІСД, 2004. — 648 с.

194. Универсальные ценности в мировой и внешней политике [Текст] / [под редакцией П. А. Цыганкова]. — М. : Издательство Московского университета, 2012. — 224 с.

195. Фельдман Д. М. К характеристике государства как актора мировой политики [Электронный ресурс] / Д. М. Фельдман // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ. : [в 10 т.] ; под ред. А. Ю. Мельвиля. — М. : МГИМО-Университет, 2007. — Режим доступа : <http://www.mgimo.ru/fileserver/books/rami4konvent/t1-feldman.pdf>. — Название с экрана.

196. Финько А. Украина, тюркский мир и Центральная Азия [Текст] / А. Финько // Центральная Азия и Кавказ. — 2009. — № 2 (62). — С. 118 – 132.

197. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Френсис Фукуяма ; [пер. с англ. М. Б. Левин]. — М. : АСТ ; Ермак, 2004. — 588 с.

198. Фукуяма Ф. Сильное государство [Текст] / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ : Хранитель, 2006. — 224 с.

199. Фурсенко А. А. Проблемы изучения истории Кубинского кризиса [Электронный ресурс] / А. А. Фурсенко // Холодная война. 1945 – 1963 гг. Историческая ретроспектива. — М. : Олма-пресс, 2003. — Режим доступа :

http://allconspirology.org/books/Kollektiv-avtorov_KHolodnaya-voyna--1945-1963-gg--Istoricheskaya-retrospektiva/17. — Название с экрана.

200. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. [Текст] / Юрген Хабермас ; [пер. с нем.]. — М. : Наука, 1995. — 176 с.

201. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка [Текст] / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеев, Ю. Новиков]. — М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

202. Холодная война. Новые подходы, новые документы [Текст] / [отв. ред. М. М. Наринский]. — М. : Институт новейшей истории РАН, 1995 — 400 с.

203. Хьюман Райтс Вотч «Всемирный доклад – 2015 : Трудные времена не отменяют права человека. Права и свободы обеспечивают путь к выходу из кризиса и хаоса» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.hrw.org/world-report/2015>. — Название с экрана.

204. Цыганков П. А. Гуманизация международных отношений : противоречия и парадоксы [Текст] / П. А. Цыганков // Общественные науки и современность. — 1998. — № 1. — С. 51 – 59.

205. Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений [Текст] / П. А. Цыганков. — М. : Радикс, 1994. — 210 с.

206. Чекаленко Л. Д. Зовнішня політика України [Текст] : [навч. посібн.] / Л. Д. Чекаленко. — К. : Либідь, 2006. — 712 с.

207. Чернявська Л. Н. Суб'єктність міжнародних неурядових організацій у світовій політиці [Текст] : автореф. дис... канд. політ. наук : 23.00.04 / Л. Н. Чернявська. — К., 2007. — 20 с.

208. Черчилль У. Мускулы Мира [Текст] / У. Черчилль ; [пер. с англ.]. — М. : Эксмо, 2009. — 528 с.

209. Чешков М. Проблемы глобализации [Электронный ресурс] / М. Чешков // Сайт Института Карнеги. — 12 нояб. 2007 г. — Режим доступа : www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55574.htm. — Название с экрана.

210. Чешков М. Философия международных отношений и глобалистика [Электронный ресурс] / М. Чешков // Международные процессы. — 2013. — № 3-4 (34-35). — Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/twelfth/008.htm>. — Название с экрана.

211. Шайгородський Ю. Глобалізація : неминучість концептуальних змін [Текст] / Ю. Шайгородський // Політичний менеджмент. — 2012. — № 3. — С. 64 – 75.

212. Шаповаленко М. Политическое развитие современных переходных обществ : теоретические подходы и основные тенденции [Текст] : [монография] / М. Шаповаленко. — Харьков : Изд-во ХНУВД, 2007. — 340 с.

213. Шепелев М. А. Глобальный мир, Ordo Nuovo и новая политическая наука [Текст] : [монография] / М. А. Шепелев. — Днепропетровск : Журфонд, 2002. — 304 с.

214. Шепелев М. А. Теорія міжнародних відносин [Текст] : [підручник] / М. А. Шепелев. — К. : Вища шк., 2004. — 622 с.

215. Шир Я. Российский вектор внешней политики Туркменистана [Текст] / Ян Шир // Центральная Азия и Кавказ. — 2006. — № 4 (46). — С. 158 – 168.

216. Шириев В. Ю. Политическая модернизация в Центральноазиатском регионе на примере Туркменистана [Текст] : автореф. дис... канд. полит. наук 23.00.02 / В. Ю. Шириев; Дипломатическая акад. Мин-ва иностранных дел РФ. — М., 2002. — 23 с.

217. Шулекина А. В. Феномен гуманизации в современных международных отношениях : реальность и возможности / А. В. Шулекина // Информационно-аналитический центр по изучению общественно политических процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ia-centr.ru/archive/public_details14aa.html?id=585. — Название с экрана.

218. Шульга М. А. Зовнішньополітичні пріоритети незалежної України (за працями М. Грушевського та В. Липинського) [Текст] / М. А. Шульга // Гілея : науковий вісник. — 2012. — Вип. 59 № (4). — С. 664 – 669.

219. Эсенов М. Внешняя политика Туркменистана и ее влияние на систему региональной безопасности [Текст] // М. Эсенов // Центральная Азия и Кавказ. — 2001. — № 1 (13). — С. 61 – 71.
220. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска [Текст]/ О. Н. Яницкий // Общественные науки и современность. — 2011. — № 6. — С. 155 – 164.
221. Ярыгин Г. О. Netcitizens как новая целевая аудитория интернет-дипломатии США [Текст] / Г. О. Ярыгин, Н. А. Цветкова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2012. — № 3. — С. 207 – 211.
222. Akiner S. The Caspian. Politics, energy and security [Text] / S. Akiner. — London-New York : RoutledgeCurzon, 2004. — P. 162 – 179.
223. Anceschi L. Turkmenistan's Foreign Policy : Positive Neutrality and the consolidation of the Turkmen regime [Text] / L. Anceschi. — London-New York : Routledge, 2009. — 212 p.
224. Anderson J. Authoritarian political development in Central Asia : The case of Turkmenistan [Text] / J. Anderson // Central Asia Survey. — 1995. — № 14 (4). — P. 509 – 527.
225. Anderson J. The International Politics of Central Asia [Text] / J. Anderson. — Manchester : University 1. Press, 1997. — 225 p.
226. Aron R. Une Sociologie des relations intemationales [Text] / R. Aron // Revue firancaise de sociologie. — 1963. — № 3. — Vol. IV. — P. 308 – 321.
227. Aron R. Paix et Guerre entre les nations [Text] / R. Aron. — Paris : Calman-Levy, 1984. — 796 p.
228. Ballyyew K. Turkmenbasy we Turkmen metbugaty [Text] / K. Ballyyew, N. Gocmyradow. — Ash. : Turkmenistan, 2000. — 88 s.
229. Beck U. World Risk Society [Text] / U. Beck // Cambridge Polity Press. — 1999. — P. 2.
230. Blank S. The energy wars : Turkmenistan strikes back [Text] / S. Blank // Central Asia Caucasus Analyst. — 2006. — № 4. — Vol. 8. — P. 26.

231. Blank S. The Russia Turkmenistan gas deal gone awry [Text] / S. Blank // Central Asia Caucasus Analyst. — 2 July. — 2003. — P. 16 – 21.
232. Blank S. Turkmenistan and Central Asia after Niyazov [Text] / S. Blank. — USA : Army War College, Strategic Studies Institute, 2007. — 99 p.
233. Callan H. The International Vision in Practice : a decade of evolution [Text] // Higher Education in Europe. — Vol. XXV. — No. 1. — 2000. — P. 19.
234. Castells M. The power of identity. The Informational Age : Economy, Society, and Culture [Text] / M. Castells // John Wiley & Sons, Ltd., 2010. — Volume II. — 584 p.
235. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia [Text] / K. Collins. — Cambridge : University Press, 2006. — 400 p.
236. Comparative Politics Today : A World View [Text] / [ed. by Gabriel Abraham Almond, G. Bingham Powell]. — N.Y. : Little, Brown, 1984. — 563 p.
237. Cooley A. Great Games, Local Rules : The New Great Power Contest in Central Asia [Text] / A. Cooley. — Oxford : University Press, USA 2012. — 272 p.
238. Cummings S. Power and Change in Central Asia [Text] / S. Cummings. — London-New York : Routledge, 2002. — 270 p.
239. Cutler R. M. Turkey and the Geopolitics of Turkmenistan's Natural Gas [Text] / R. M. Cutler // Review of International Affairs. — 2001. — № 2. — P. 22.
240. Dieter H. Regional integration in Central Asia : current economic position and prospects [Text] / H. Dieter // Central Asian Survey. — 1997. — № 15 (3/4). — P. 369 – 386.
241. Diwangulyyew H. Garassyzlygymyzyn, milletimizin, yenislerimizimizin beyis Serdary [Text] / H. Diwangulyyew. — Ash. : Turkmenistan, 2000. — 128 s.
242. Eisenstadt S. N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities [Text] / S. N. Eisenstadt. — Boston : Brill, 2004. — 572 p.
243. Ero A. Turkmenistan : Permanent Transition or Elusive Stability? [Text] / Ero Ace // Central Asia Caucasus Analyst. — 2010. — № 3. — Vol. 8. — P. 21.
244. Gammer M. Post-Soviet central Asia and post-colonial Francophone Africa

[Text] / M. Gammer // Middle Eastern Studies London. Taylor & Francis, Ltd. — 2000. — № 2. — Vol. 36. — P. 124 – 149.

245. Giddens A. Modernity and Identity, Self and Society in the Lost Modern Age [Text] / A. Giddens. — Cambridge : Polity Press, 1991. — 600 p.

246. Gleason G. Markets and Politics in Central Asia : Structural Reform and Political Change [Text] / G. Gleason. — New York : Routledge, 2003. — 192 p.

247. Gleason G. Natural gas and authoritarianism in Turkmenistan [Text] / G. Gleason / Caspian Energy Politics : Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan / edited by Indra Overland, Heidi Kjaernet and Andrea Kendall-Taylor. — London-New York : Routledge, 2011. — P. 78 – 90.

248. Houman A. Integration in Central Asia : from theory to policy [Text] / A. Houman // Central Asian survey. — 1997. — №. 16 (4). — P. 573 – 586.

249. Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective [Text] / Andrew Hurrell Eds, Louise Fawcett // Regionalism in World Politics : Regional Organization and International Order. — Oxford : Oxford University Press, 1995. — 369 p.

250. Jackson R. The Global Covenant : Human Conduct in a World of States [Text] / R. Jackson. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 480 p.

251. James P. N. Diplomacy in the Former Soviet Republics [Text] / P. N. James. — Westport, Connecticut : Greenwood Publishing Group, 1995. — 244 p.

252. Keane J. Global Civil Society? (Contemporary Political Theory) [Text] / J. Keane. — Cambridge University Press, 2003. — 236 p.

253. Leander A. The Globalization Debate : Dead-end Tensions to Explore (Review Essay) [Text] / A. Leander // Journal of International Relations and Development. — No. 4/3. — 2000. — P. 275.

254. Luhmann N. Grundrechte als Institution. Ein Beitrag zur politischen Soziologie [Text] / N. Luhmann. — Berlin : Duncker und Humblot, 1975. — 223 s.

255. Mesbahi M. Russian foreign policy and security in Central Asia and the Caucasus [Text] / M. Mesbahi // Central Asian survey. — 1993. — №. 12 (2). — P. 181 – 215.

256. Mayall J. Democracy and International Society [Text] / J. Mayall // International Affairs. — 2000. — № 76(1). — P. 61 – 75. — ~~P. 45~~
257. Niyazov S. A. Turkmen millet, turkmen dowleti we dunya [Text] / S. A. Niyazov. — Ash. : Ruh, 2000. — 48 s.
258. Niyazov S. A. Turkmenin halal yoly bar [Text] / S. A. Niyazov. — Ash. : Ruh, 2001. — 296 s.
259. Nye J. Globalization Democratic Deficit : How Make International Institutions More Accountable [Text] / J. Nye // Foreign Affairs. 2001. — Vol. 80. — № 4. — P. 2 – 6.
260. Olcot M. B. Central Asia's Second Chance [Text] / M. B. Olcot. — Washington D.C. : Carnegie Endowment, 2005. — 389 p.
261. Peyrouse S. Turkmenistan : Strategies of Power, Dilemmas of Development [Text] / S. Peyrouse. — London : M.E.Sharpe, 2010. — 261 p.
262. Pomfret R. Turkmenistan's Foreign Policy [Text] / R. Pomfret // Central Asia Caucasus Analyst. — 2008. — № 4. — Vol. 6. — P. 22.
263. Puri M. Central Asian geopolitics : the Indian view [Text] / M. Puri // Central Asian Survey. — 1997. — № 16 (2). — P. 237 – 268.
264. Reimann K. A. View from the Top : International Politics, Norms and the Worldwide Growth of NGOs [Text] / K. A. Reimann // International Studies Quarterly. — № 50. — 2006. — P. 45.
265. Repkine A. Turkmenistan : economic autocracy and recent growth performance [Text] / A. Repkine // The Economic prospects of the CIS : sources of Long term growth. — Cheltenham : Edward Elgar Publishing Ltd. 2004. — P. 154 – 176.
266. Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity [Text] / J. Rosenau. — Princeton University Press, 1990. — 504 p.
267. Sabol S. Turkmenistan : The uncertain state [Text] / S. Sabol. — London : Taylor&Francis Ltd. 2009. — 192 p.
268. Saparmyrat Turkmenbasynyn Bitaraplyk taglymaty Turkmen Dowletinin Altyn Asyryrynyn bas sutunidir [Text] / [под ред. В. М. Храмова]. — Ash. : TDH,

2001. — 494 s.

269. Serdar [Text] / [под ред. В. М. Храмова]. — Ash. : TDHG, 2002. — 280 s.

270. Shaw M. Theory of the Global State : Globality as an Unfinished Revolution [Text] /M. Shaw. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — 295 p.

271. Smith D. L. Opening Pandora's Box : Ethnicity and Central Asian militaries [Text] / D. L. Smith. — USA : Army War College, Strategic Studies Institute, 1998. — 62 p.

272. Sougek S. The history of Inner Asia [Text] / S. Sougek. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — 369 p.

273. Tarock A. Iran's policy in Central Asia [Text] / A. Tarock // Central Asian Surveyю — 1997. — № 16 (2). — P. 185 – 200.

274. Text of Putin's speech at NATO Summit [Electronic resource] // Bucharest. — 2008. — April, 2. — Mode of access : <http://www.unian.info/world/111033-text-of-putins-speech-at-nato-summit-bucharest-april-2-2008.html>. — Title from the screen.

275. Turkmenbasy Turkmeni Dunya tanadyar (Туркменбаши и Туркменистан) [Text] / [под ред. В. М. Храмова] — Ash. : EKA International, 1999. — 256 s.

276. Weber M. Soziologie — Weltgeschichtliche Analysen Politik [Text] / M. Weber. — Stuttgart, 1956. — 429 s.

277. Weissberg R. Political learning, political choice, and democratic citizenship [Text] / R. Weissberg. — New York : Englewood Cliffs, 1974. — P. 23 – 31.